ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

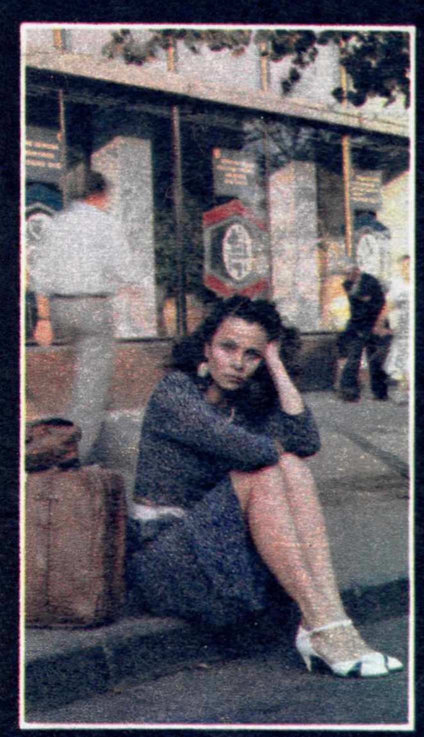
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 46 НОЯБРЬ 1989

БОЛЬШИЕ ОЖИДАНИЯ

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

В ТРАДИЦИИ ЗОЩЕНКО

СУДЬБА АКТРИСЫ

ЧЕЛОВЕК ИЗ ОЧЕРЕДИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (3251)

11—18 НОЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Геологоразведчики ждут груз с Большой земли. (См. в номере материал «Десант на Пайяхскую».)
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 19.10.89. Подписано к печати 03.11.89. А 10616. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1376. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

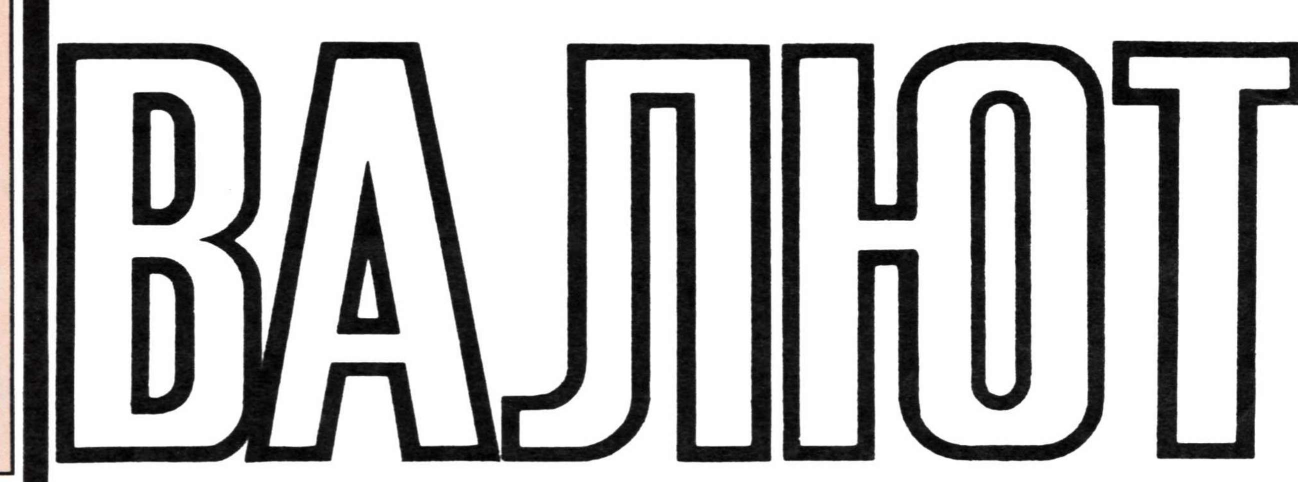
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

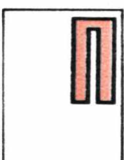
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПРОШУ СЛОВА

Алексей ЕМЕЛЬЯНОВ,
член Верховного Совета СССР

Парламент обсуждает план жизни страны на 1990 год. Идут поиски решения приоритетных проблем, среди которых продовольственная занимает особое место. Для выхода из продовольственного кризиса нужны меры неотложные и нестандартные. Об одной из них и пойдет речь.

В августе нынешнего года правительство объявило о закупках зерна и масличных культур за конвертируемую валюту. Многих постановление удивило. И есть чему удивляться. Меры стимулирования неординарные. Обычно как было? По мелочевке расписывали хозяйствам, кому и сколько продавать зерна за наши обесцененные в ходе инфляции рубли. Определяли централизованно. И жестко, несмотря на заверения руководства страны о самостоятельности колхозов и совхозов, которую те якобы, наконец, обрели в ходе перестройки. И вдруг — разрешено продавать часть хлеба за свободно конвертируемую валюту. Не парадокс ли? Столь радикальная мера как-то нелепо соседствует с изжившими себя принципами управления сельским хозяйством из Центра. Заметим сразу, что такая мера могла появиться на свет только под давлением депутатов-аграрников на Съезде народных депутатов и сессии Верховного Совета СССР.

Первая практика применения новой формы закупок зерна породила обескураживающие перекосы, о которых стало известно из печати. Да это и понятно. Дело новое, опыта никакого. Колхозы, тем более совхозы, давно отучены торговать какой-либо собственной продукцией, особенно зерном — продуктом стратегическим. А тут вдруг продажа за валюту! Может ли полнокровно жить сей золотой остров новой экономической политики в море бесхозяйственности и волюнтаризма в отношениях государства и земледельцев, держателей зерна? Пока даже механизм выплаты валюты не отработан; постановление принято на ходу, без всесторонней подготовки. Хотя мечты о золотой продаже давно витали в головах многих аграрников, высказывались в печати. Понятно, что практическое использование валюты затруднено. В самом деле, допустим, начислят хозяйству конвертируемую валюту, а что с ней делать? Известно, хозяйства даже на облегченные отечественные рубли могут приобрести лишь то, что им выделит райком по разнарядке, согласно фондам и лимитам. А тут настоящая валюта. Куда ее расходовать? Где и что на нее купить? Райком не поможет, а на базах пусто. Добраться бы до зарубежного рынка, да как? Там, по слухам, всего навалом в результате кризисного перепроизводства... Конечно, специалисты знают, что в 20-е годы, во времена А. Чаянова, наш незаколлективизированный крестьянин через кооперацию мог без хлопот выйти на мировой рынок.

Выйти со своим хлебом, мясом, льном, не видя в глаза того рынка. Сейчас не те времена. Нет как нет четкого механизма, надежно обслуживающего крестьянина, точнее, современных производителей хлеба и другой продукции сельского хозяйства. Колхозы и совхозы до сих г на коротком партийно-государственном поводке, который строго контролирует отступления в ту или другую сторону.

Немалые издержки и трудности в практическом использовании новой формы закупок связаны и с тем, что постановление было принято в общем-то тогда, когда в южных зерновых районах закупка хлеба или уже прошла, или подходила к завершению. Хозяйства заранее ничего о новшестве не ведали и, конечно, не могли предусмотреть продажу зерна на новых, столь заманчивых условиях. Зерно растеклось по обычным госканалам, в основном уже продано государству за обычные рубли в обязательном порядке. Сработал госзаказ — первая заповедь. На запоздалый выход постановления подействовал и наш обычный механизм. Уже подготовленное законодателями и согласованное с правительством, оно еще немало времени блуждало по кабинетам высокого органа, руководящая и направляющая роль которого в нашем обществе закреплена конституционно... Не просто блуждало и настаивалось, как коньяк, но претерпело определенные изменения. И понятно, в какую сторону...

Такова реальность. Она не могла не сказаться на восприятии такой неординарной хозяйственной меры. Но было бы опрометчиво из-за первых трудностей отвергать новую форму закупок, негативно оценивать ее в принципе! Нет, продажа хлеба за конвертируемый рубль, на мой взгляд, прочно займет свое место. И речь не только о зерне! Другие продукты так же достойны иных цен, твердых валютных рублей при расчете с государством. Значение закупок продукции сельского хозяйства за инвалюту у своих колхозов и совхозов необходимо видеть в свете нашей общей ситуации с продовольственным импортом. Известно, что великая держава наша оказалась в большой продовольственной кабале от зарубежного рынка. Закупаем непомерно много. И ходим по миру в поисках все новых рынков. Понятно, что это не делает нам чести. Но беда в том, что эта тенденция усугубляется.

А ведь так не всегда было. Я не беру времена царские, когда Россия была крупнейшим экспортером и хлеба, и другой продукции. Но тогда, как нас учили в школе, хлебодержатели действовали по принципу: недоедим, а вывезем... Вот более близкие времена. В восьмой пятилетке (1966—1970 гг.) экспорт зерна и мяса (а это основные позиции) превышал импорт. Зерна в среднем за год вывозили тогда 5,9 миллиона тонн, а закупали три миллиона тонн. Мяса закупали около 98 тысяч тонн, а экспортировали более 115 тысяч тонн. Так было, и совсем недавно. Сейчас цифры выглядят иначе. Ежегодно закупаем десятки миллионов тонн зерна. И в этом году, по некоторым оценкам, может быть, купим не менее 50 миллионов тонн! Экспорт же сократился до двух миллионов тонн... Аналогичное положение по мясу и мясопродуктам. Импорт возрос до 900 тысяч тонн (в отдельные годы он составляет около 960 тысяч тонн), а экспорт упал до 25—30 тысяч тонн.

А теперь поставим, что называется, проблему ребром: может ли страна обойтись без импорта продовольствия?

Я дал бы на этот вопрос уверенный, бескомпромиссный ответ: да, может!

И не только может, но и должна.

Мы могли бы иметь совершенно иную ситуацию. Но при одном условии — при более разумной и ответственной экономической политике.

На чем зиждется мой вывод? Прежде всего на учете реальных наших возможностей. Я не буду рассматривать все резервы наращивания вала собственного продовольствия — они поистине безграничны.

Их использование связано с перестройкой структурной политики в АПК, с новыми формами хозяйствования и собственности в деревне! С новым мыш-

Фото Харальда ЛЕППИКСОНА

лением в планировании и новым экономическим стимулированием. Обобщенно говоря, с обретением, точнее, с приходом хозяина на землю. Каждый из этих вопросов требует специальной статьи. Многие из них широко освещаются в печати. Позволю себе остановиться на одной проблеме — совершенствовании структуры зернового баланса. Вопрос использования зерна мне не раз приходилось ставить в разных аудиториях, в том числе и в Комитете по аграрным вопросам и продовольствию во время прошлой сессии Верховного Совета. Но почему-то наше высокое руководство остается глухим к новым подходам к важной проблеме. Тут, очевидно, преобладает прежнее мышление. Новым там и не пахнет! Обычно руководители, пытаясь обосновать необходимость нынешних масштабов импорта зерна, ссылаются на свои расчеты. Нам доказывают, что для сносной жизни стране нужны 240—250 миллионов тонн зерна в год. А производим? В бункерном весе, весьма отличном от амбарного, немногим более 200 миллионов. Значит, не хватает 40—45 миллионов тонн, их-то якобы и надо закупать за рубежом. Причем говорят о больших закупках горделиво, как о проявлении заботы о благе народа! Когда-то считалось, что вообще-то на человека надо иметь тонну зерна. Для нас это значит не менее 290 миллионов тонн. Сейчас о «тонне на человека» малость забыли.

А вот цифра 240—250 миллионов тонн зерна в год не сходит с уст руководителей страны и Госплана. Ну, а насколько обоснованны такие расчеты? Смотря как оценивать. Если брать за базу старое мышление, стереотипы, то действительно нам нужно не менее 250 миллионов тонн хлеба; а если получим больше, то лучше. Новое мышление, новые подходы открывают совсем иные виды на проблему. Какие?

Прежде приведу пример из международного опыта. В странах ЕЭС потребление зерна на продовольственные цели и фураж составляет около 500 килограммов на человека в год. И эти страны, как известно, неплохо кормят себя. И еще немало продуктов животноводства экспортируют. США в совокупности расходуют зерна в расчете на человека примерно столько, как и мы. Но они не испытывают дефицита продовольствия, а зерно экспортируют. В нашей стране фактическое потребление зерна в расчете на человека составляет около 800 килограммов. В чем же дело? Почему такой острый дефицит всего, что связано с зерном?

Еще раз оговорюсь: не касаюсь широкого круга проблем нашей аграрной политики, которая довела деревню до предынфарктного состояния, но остановлюсь лишь на одном вопросе — структуре производства и использования зерна. Возможности здесь огромные. Прежде всего это — сокращение потерь зерна. Ориентировочные оценки показывают, что сегодняшние «хозяева» земли, колхозники и работники совхозов, теряют зерна не меньше, чем государство закупает за рубежом. Аналогичная картина и по другим продуктам. Причем по овощам, картофелю, фруктам потери, разумеется, еще больше! Велики ли затраты на обеспечение сохранности продукции? Ясно, что они намного меньше, чем расходы на выращивание зерна и прочего. И тем не менее из года в год находятся средства, валюта для закупки продукции за рубежом, но их нет для строительства хранилищ, элеваторов, амбаров, складов... На это средств не хватает. Так не умнее ли небольшую толику тех ресурсов, которые из года в год выделяются на импорт продовольствия, направить на закупку оборудования для переработки и хранения своей продукции! Это ясно всем. Но — не тем, кто управляет нашим аграрным сектором. В этих условиях нашему аграрному Комитету непросто изменить старую линию привычной антиэкономики. Одно ведомство видит свою функцию в том, чтобы выращивать и гноить продукцию. А другое ведомство в то же время закупает продукцию за рубежом... Экономика остается в тупике. Такая политика дискредитирует Советскую державу и наш терпеливый, многострадальный народ. А те органы и их руководители, которые

НЫЙ ХЛЕБ

стоят надо всеми ведомствами, которые призваны отвечать за все, что происходит в стране, по-прежнему рассуждают о значении Продовольственной программы... При этом за всех решают сами, определяют, чему быть и чему не быть, не отвечая ни за что...

Вопрос можно было бы снять, не трогая валютных средств. Достаточно использовать ресурсы, которые идут на производство ежегодно гибнущей продукции. Действительно, зачем наращивать производство продукции, если она все равно пропадает? Крестьянин раньше всегда руководствовался этой азбучной истиной. А в нашем плановом хозяйстве при сложившейся политике и при нынешнем руководстве аграрным сектором стали нормой парадоксы.

В этом году эта утвердившаяся практика выглядела особо парадоксальной. На сессии Верховного Совета, в Комитете по аграрным вопросам депутаты — руководители колхозов и совхозов заинтересованно обсуждали стратегические проблемы выхода из продовольственного кризиса, а в те же часы на полях их хозяйств погибал богатый урожай: не было горючего! И ничего поделать депутаты не могли. На внешний рынок горючее подается мощной рекой, а в свое сельское хозяйство — ручейком. Вот любопытное сравнение. Все отрасли АПК потребляют горючего в среднем примерно в два с половиной раза меньше, чем его перекачивают на внешний рынок. Эта проблема остро ставилась в Комитете по аграрным вопросам и в ходе текущей сессии Верховного Совета СССР.

Итак, одно только сокращение потерь выращенной продукции могло бы избавить нас от импорта продовольствия.

Сейчас основная часть зерна идет у нас на корм скоту — около 115 миллионов тонн. А надо ли столько скармливать? И почему на фураж используется так много пшеницы? Тут очевидна малоэффективная экономика. Когда-то надо было расширить посевы пшеницы, чтобы хлеба было больше и чтобы увеличить экспорт зерна. Ныне положение изменилось. Хотя на многих партийных съездах говорилось о необходимости перестроить структуру зернового баланса, о повышении удельного веса в нем зернофуражных культур,— воз и ныне там. А можно бы сэкономить не один десяток миллионов тонн!..

Далее. Лишь около половины фуражного зерна скармливается в виде комбикормов. Остальное — в натуральном виде. Отдача такого корма выходом продукции намного меньше. Да и комбикорма наши лишь условно можно называть КОМБИКОРМАМИ: они не сбалансированы по питательным веществам. А цена «кусается»... Только из-за несбалансированности кормов по белку мы теряем 20—25 миллионов тонн зерна! Хозяева так не поступали бы...

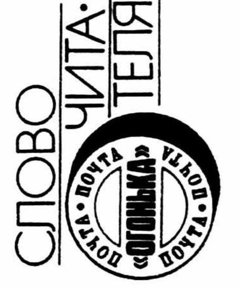
И еще об одном резерве хотелось сказать. Об использовании грубых и сочных кормов, потенциальные запасы которых обширны во всех регионах. Эти объемные корма особенно нужны крупному рогатому скоту. Между тем почти половина фуражного зерна идет на крупный рогатый скот. В большинстве случаев это зерно можно с успехом заменить грубыми и сочными кормами. Однако внимание к ним приглушено. Сена заготавливается намного меньше, чем в США. И это при бескрайних просторах наших луговых угодий! Мы запасаем сена также меньше, чем делалось это при царе. И в то же время расходуем крупному рогатому скоту все больше зерна. Но при тех средних низких удоях и привесах, какие мы имеем, просто бесхозяйственно кормить скот зерном. Во всяком случае, если и использовать зерно, то не в таких количествах. Это неизмеримо выгоднее экономически. Это важно и с учетом биологических особенностей крупного рогатого скота. В частности, неоправданная ориентация на концентратный тип кормления является одной из причин возросшей яловости коров.

Таковы лишь некоторые резервы освобождения страны от кабального импорта зерна. Резервы эти видны невооруженным глазом.

Вот только теперь — в аспекте сокращения импорта зерна — следует оценивать его закупку у колхозов и совхозов за валюту. Мера призвана заинтересовать хозяйства в продаже зерна государству. Мол, на вырученные конвертируемые рубли они купят нужную технику и технологии: все то, чего не достанешь на внутреннем рынке. Правда, практически сейчас руководителям хозяйств трудно это делать. Надо в неотложном порядке формировать механизм, облегчающий выход хозяйств на внешний рынок. Механизм, свободный от административно-бюрократических рогаток.

Я не касаюсь сокращения импорта продовольствия в результате улучшения всего нашего хозяйствования в деревне. Понятно, что импорт продовольствия — это отражение общего состояния аграрного сектора. Сегодня хороши все меры, которые помогут увеличить сбор продукции сельского хозяйства. Главное — поскорее освободить страну от пут продовольственного импорта. Но как это сделать практически? Вряд ли помогут те, кто десятилетиями управляет хлеборобами.

ЗАСЛОН НИТРАТАМ ●
КАК ТЕБЕ СЛУЖИТСЯ?.. ●
«ДРОБИЦКИЙ ЯР» — НАША ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ●
ЗАГОЛОВОК ДЛЯ ГАЗЕТЫ ●

■

В конце июля я был участником учредительной конференции по подготовке к созданию Ассоциации крестьянских хозяйств и сельских кооперативов России (АККОР). Конференция показала, что есть кому хозяйствовать на земле. Она развеяла искусственно создаваемый противниками перестройки миф о том, что землю брать в арендное хозяйствование некому. Она вселила уверенность в быстром росте высокопродуктивных арендных хозяйств, независимых от кабального диктата администрации, благоденствующей за счет присвоения труда арендаторов. Появилась реальная возможность ускоренного выхода из продовольственного кризиса.

Жизнь показала, что внутренняя структура колхозов, совхозов архаична, нежизненна. Повторяя в миниатюре административно-командную систему многократного бездумного подчинения, эта структура подавляет творческую инициативу труженика, делает его бездумным исполнителем чужой воли. Подневольный труд никогда не был и не будет производительным.

Сделать все колхозы и совхозы рентабельными, вдохнуть в них производительную силу можно, только перестроив их устарелую внутреннюю структуру и создав условия для развития коллективной аренды в объеме всего колхоза, совхоза или их отделений. Удачный образец коллективной аренды показывает С. Н. Федоров на базе отделения совхоза Мытищинского района Московской области. В журнале «Огонек» С. Н. Федоров рассказывает, как убыточное ранее отделение совхоза стало через полгода высокорентабельным.

Но существует много тормозных колодок, отбивающих охоту быть арендатором. Это администратор, навязывающий крестьянину кабальный внутриколхозный договор аренды. Например, он платит арендатору за сданное мясо по 2 руб. 53 коп. и, ничего не делая, сдает это мясо государству по 5 руб. за 1 кг.

Индивидуальная и коллективная аренда — это то, что дает простор и свободу в инициативном творческом труде сельских тружеников.

К. ЛАКШИН,
член КПСС с 1943 г.,
подполковник
в отставке, инвалид ВОВ
Москва

■

У вашего журнала есть рубрика «Боль отечества». Вот такой болью и скорбью харьковчан является Дробицкий Яр — место массовых казней советских людей гитлеровскими изуверами. В этом месте фашисты расстреляли свыше 30 тысяч мирных граждан, военнопленных, подпольщиков. А. Н. Толстой, посетивший Харьков в сентябре 1943 года, писал в статье «Возмездие»: «Я был при раскопках этих ужасающих ям и удостоверяю подлинность убийства, причем оно было произведено с чрезвычайной изощренностью, чтобы доставить жертвам как можно больше муки...»

Прошло десять лет после окончания войны. В Харьков возвратились фронтовики, многие приехали из эвакуации. Что же увидели в Дробицком Яру родственники и близкие погибших? Вымываемые дождями из склонов оврага кости, черепа, вещи убитых, раскиданные на большой территории. И вот в середине 50-х годов А. Б. Каган, инвалид, способный передвигаться только на костылях, пройдя девять кругов ада, добился, чтобы были преданы земле останки погибших и насыпан холм, на котором соорудили стандартный, убогий обелиск. А затем... затем наступило забвение. На три с половиной десятилетия.

Три года тому назад я впервые побывал на территории Дробицкого Яра. Страшное запустение открылось глазам: заросли бурьяна и дикого кустарника, мусорные свалки, следы выпаса скота. И среди этой заброшенности — пришедший в негодность обелиск, вернее вертикальный камень.

Группа энтузиастов создала общественный комитет «Дробицкий Яр», поставив перед собой задачу — вернуть городу память о погибших. В минувшем году Харьковский облисполком принял решение о реконструкции территории Дробицкого Яра. Сейчас наш комитет находится при Харьковском областном отделении Украинского фонда культуры. Открыт счет для сбора средств в фонд сооружения мемориала. Харьковчане горячо откликнулись на наш призыв: средства перечисляют как отдельные граждане, так и коллективы предприятий, научно-исследовательских и проектных институтов, учебных заведений.

Нашей важной задачей является установление фамилий и имен погибших в Дробицком Яру, составляется книга памяти, куда заносятся сведения о погибших, в том числе воспоминания, документы и т. д. Но есть у нас и большие трудности. К нам иногда приходят письма из других городов страны от родственников погибших в Дробицком Яру. Случайно от харьковских знакомых они узнают о переменах, происходящих у нас, просят сообщить номер счета, чтобы внести и свою лепту в увековечение памяти жертв фашизма, сообщают имена дорогих им людей, чья жизнь была насильственно оборвана.

Сообщаем, что пожертвования можно вносить на р/с № 000702902 Харьковского областного отделения Украинского фонда культуры Жилсоцбанка г. Харькова, МФО 351016. При этом обязательно следует указывать: «На сооружение мемориала в Дробицком Яру». Инвалютный счет № 70200002 Советского фонда культуры во Внешэкономбанке СССР. Затем нужно указать Харьковские реквизиты и цель перечисления. Сведения о близких сообщать по адресу: 310003, г. Харьков, площадь Советской Украины, 16, Харьковское отделение Украинского фонда культуры, общественный комитет «Дробицкий Яр».

П. П. СОКОЛЬСКИЙ,
председатель общественного
комитета «Дробицкий Яр»
Харьков

■

В последнее время получила хождение формула «Как работаем, так и живем». С точки зрения стратегической она не вызывает сомнений, так как является своеобразной интерпретацией основного принципа социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Но эта формула применима лишь к нормативному социализму. В условиях же деформированного социализма, в состоянии которого еще продолжает находиться наша страна, эта формула не срабатывает. Более того, она, хотим мы это признать или нет, вольно или невольно берет под защиту далеко не сломленную командно-административную, бюрократическую систему руководства. Именно она прежде всего повинна в нынешнем тяжелом положении советского общества. Действительность дает основания считать, что сейчас более реален тезис «Как руководим, так и живем».

Для того чтобы формула «Как работаем, так и живем» стала реальной, необходимы подлинное народовластие, заинтересованность тру-

дящихся в творческой, инициативной работе, дисциплина и ответственность каждого за свои дела и поступки.

Л. П. БОРИСОВ,
кандидат исторических наук, доцент МАИ
Москва

■

В приемную Президиума Верховного Совета СССР обращаются люди, оказавшиеся по ряду причин в сложнейших ситуациях. Для многих это последняя надежда, вера в утерянную справедливость. И вот с чем мы столкнулись, обратившись туда 26 сентября 1989 года.

Чтобы попасть на прием к депутатам Комитета по вопросам гласности, прав и обращений граждан, мы провели ночь на улице. Нас собралось до открытия более 200 человек. Зам. заведующего отделом писем и приема граждан А. И. Черкасов объяснил, что будет производиться запись к депутатам не более 10 человек, но примут только тех, кого отберет сам депутат. Но, к сожалению, ни один из 200 посетителей не был выслушан, а среди нас находились люди, добивающиеся приема не один месяц. На наше требование пригласить к народу депутата и объяснить причину отказа в приеме ответом послужил вызов милицейского наряда.

Столкнулись мы и с грубым отношением к посетителям служащих приемной, которые своими действиями нагнетали нервозную обстановку. Мы понимаем всю важность государственных задач, возложенных на плечи наших депутатов, но кто же займется нами, избирателями?

Л. ДЕНИСОВА
Владивосток
Н. ГАПОНЮК
Сосновка Львовской области и еще 201 подпись

■

В последнее время все чаще стали говорить о растущей бездуховности, равнодушии, жестокости нашего общества. Да, это так. Есть много причин этого страшного процесса, и одна из них — утрата жалости к «братьям нашим меньшим», утрата ответственности «за тех, кого мы приручили». И к этому, как ни странно, толкает нас государство, которое вроде бы должно быть заинтересовано в воспитании лучших человеческих качеств.

Говорить о том, какая у нас ветеринарная служба, невозможно, потому что, в сущности, ее вовсе нет. Единственное, что делает ветеринар, например, у нас в Мурманске,— это ежегодные прививки, причем только при предъявлении квитанции об уплаченном налоге. Нет скорой ветеринарной помощи. Если собака заболела в субботу, никакой помощи не получить до понедельника. Вот и мается животное, а с ним и его хозяева. А ведь мы ежегодно платим налог. Куда же он уходит?

И вот что опять собираются сделать, чтобы воспитать у молодежи сочувствие и сострадание к животным: повысить налог на собак до 60—120 рублей!

Неужели не понятно, что начнется? Теперь ребенок даже не посмеет просить у родителей разрешения завести собаку. Люди почерствее выкинут собак, невзирая на слезы детей. И впрямь, как их винить? 120 рублей — это, например, больше, чем мой оклад. Могу ли я оторвать от семьи такие деньги? Нищие пенсионеры, у которых пес — единственная и последняя отрада, будут прятать собак, не станут водить их на прививки, лечить будут подручными средствами. Разведется огромное количество бродячих собак, среди которых будут и породистые.

На Западе, между прочим, есть специальные службы, которые занимаются защитой прав животных, наказывают хозяев за жестокое отношение к ним. А у нас собаколовы ездят по улицам на радость подросткам с садистским уклоном. Вывод можно сделать один: живем мы плохо, лишнего себе мало кто может позволить. А теперь даже беспородная, спасенная от утопления дворняжка величиной с рукавицу становится предметом роскоши. А детям про любовь к животным мы будем объяснять на пальцах...

И. БОГДАНОВА
Мурманск

■

Известно, что с начала 1990 года на базе изданий «Социалистическая индустрия» и «Строительная газета» будет выходить объединившая их «Рабочая трибуна». Не буду оспаривать целесообразность такого решения. Хочу возразить против названия. Оно неудачное. Выспреннее, напыщенное, а значит, фальшивое.

На памяти у всех бесконечно повторявшиеся в средствах массовой информации «трибуны»: «трибуна передового опыта» (а его-то было много меньше, чем возвещалось), «трибуна пропагандиста» (мы теперь знаем, сколь честной и действенной была эта пропаганда), «трибуна новатора» (а его-то если в шею не гнали, то с назойливой мухой сравнивали непременно), «трибуна народной инициативы» (где и кто ее находил?), «трибуна бережливых» (мы-то?). И так далее — название книг, брошюр, рубрики газет. Слово отравлено еще на многие годы. Его нельзя употреблять — тем более в заголовке! — в этом значении.

Мы переживаем новое время. Сейчас таким языком больше не говорят. Пусть будет новая газета (взамен прежних двух), раз это целесообразно, но заголовок желательно заменить. Со словом надо считаться.

Ю. КОСТИНСКИЙ,
кандидат филологических наук
Москва

■

В нашей печати регулярно появляются публикации на тему об отравленных нитратами пищевых продуктах. Сколько уже написано на тему о том, что наше родное сельское хозяйство, да и не только сельское, ведет настоящую химическую войну против собственного народа.

А что же конкретно делается для исправления положения, кто конкретно виноват и понес ли наказание? При отсутствии ответа на этот вопрос получается, что мы без конца разводим руками и сетуем то на несознательность вообще, то на отсутствие должной техники и т. д. Мы как бы находимся в неведении, что ларчик открывается просто. Как?

Если мы сами до сих пор не знаем или не желаем знать, то, может быть, кому-то пригодятся такие сведения. Во всех развитых странах существует жесткий, обеспечиваемый соответствующим законодательством контроль за качеством пищевых продуктов.

В качестве примера можно привести дело одной калифорнийской фирмы, поставившей два года назад на рынок арбузы с высоким содержанием нитратов, что привело к массовым отравлениям, в том числе к двум случаям со смертельным исходом. Продукция этой фирмы была немедленно изъята с полок магазинов, а впоследствии Министерство юстиции проинформировало общественность, что суд приговорил обоих владельцев фирмы к 10 годам тюремного заключения и 2,5 миллиона долларов штрафа в порядке компенсации отравившимся и членам семей погибших. Не выявившие вовремя опасность инспектора получили по 5 лет плюс на каждого из них был наложен штраф в размере 10 тысяч долларов. Фирма, естественно, обанкротилась.

Как видим, нет никакой нужды прибегать к рассуждениям, что, мол, у медиков нет «надлежащих средств для диагностики», что «пора бы поставить заслон» и т. д. А кто или что мешает нам поставить заслон в виде соответствующего законодательства при обеспечении его неукоснительного соблюдения?

Уже, по-моему, малому ребенку ясно, что констатация фактов в наших условиях никого ни к чему не обязывает, и, увы, она, эта констатация, уже превратилась в привычное и в общем-то безнадежное дело. Ну произошло, ну постараемся и «больше не будем». Но не будем ли? Возьмем пример со взрывом газопровода под Уфой, унесшим сотни человеческих жизней. Констатировали уже и госкомиссии, и газеты: взрыв произошел по той простой причине, что этот газопровод и был сдан в эксплуатацию, и эксплуатировался без соблюдения элементарных технических норм.

И висит в воздухе вопрос: до каких пор нам будут безнаказанно устраивать подобную «сладкую жизнь»? Ведь речь идет о здоровье и жизнях людей нашего и будущих поколений.

Н. ТУРКАТЕНКО,
заведующий отделением ТАСС
Вашингтон

■

Мой сын служит в одной из частей, расположенных на территории ПНР. Не обращаюсь за конкретной помощью, преследую единственную цель: привлечь внимание к прохождению действительной срочной службы в частях СА, расположенных за границей СССР.

В этой связи несколько вопросов к Министерству обороны. Осужденный за самое тяжкое преступление гражданин СССР имеет право: на переписку, свидание с родителями, посылки. Мой сын не самый лучший солдат, но, очевидно, за границу посылают и не самых худших. Наверное, какой-то отбор идет. Так вот. Я не говорю об отпуске, обязательном для каждого военнослужащего срочной службы. Это голубая мечта. Я о самом элементарном. Почему мой сын и вместе с ним все солдаты срочной службы лишены: увольнительных в город, права не то что на посылку, но даже на бандероль, на свидание с родителями, на денежный перевод?

Почему из пяти писем, которые я посылаю сыну ежемесячно, он получает только одно? Почему одно письмо идет три дня, а другое — месяц? Какая крамола в двух чистых конвертах, которые я послал ему в письме, которое было мне возвращено со штампом: «Недозволенное вложение»? За какие «грехи» мой сын и тысячи других поставлены в условия худшие, чем не только их сверстники, проходящие службу на территории СССР, но и осужденные за преступления?

С. Г. ГОРЖИК
Хуст, Закарпатская область

■

Пусть народные депутаты СССР дискутируют на тему, можно ли прожить в нашей стране на 70 рублей в месяц и считать ли такое положение всемирно-историческим достижением социализма. Нам ясно, что еще долго будут говорить о светлом будущем, а старики с печалью и обидой будут уходить в мир теней.

Нет, я не против лишней десятки в тощий кошелек пенсионера. Я о другом. Сейчас мне 50 лет. Через 5 лет уйду на пенсию (я работаю на Крайнем Севере). И, пока бог не обидел здоровьем, хочу разыскать единомышленников — «юных» стариков, чтобы сколотить нечто вроде фирмы из 15—20 человек. Конечно, это должны быть люди, психологически совместимые, думающие, умеющие и любящие работать. За эти пять лет нам надо хорошенько познакомиться друг с другом, сколотить солидный совместный капитал, на который можно было бы построить оригинальную и удобную усадьбу. Где она будет, на берегу ли Байкала или на Лене-реке, какой род деятельности выберет кооператив «юных» стариков — решать им самим.

Такой дом даже примерно не должен походить на унылый сиротский приют. Да и «команда» кооператива должна быть подобрана так, чтобы там оказался хороший врач, умный юрист, толковый экономист, грамотный инженер и просто крестьянин. Отцы-основатели, поставив дело на хорошую основу, тотчас забывают о своих «благодеяниях», о внесенных суммах и живут по одному для всех принципу: «От каждого — посильный труд, каждому — равные блага». Отныне любой «юный» старик, успешно выдержавший месячный экзамен на психологическую совместимость с коллективом, может быть принят в кооператив при полном единодушии. Общим же числом голосов может быть исключен тот, кто заболеет склочностью.

Думайте, «юные» старики. Дарю идею. А к своему будущему «шалашу» приглашаю моего возраста стариков, желательно сибиряков-северян, потому как сам я иркутянин, по профессии журналист, ну а сама жизнь еще много чему научила.

Л. ПРОЗОРОВ
Нерюнгри

■

Мы стараемся сделать наше государство правовым. А это значит, что мы должны соблюдать законы своей страны. К сожалению, в погоне за сенсационным материалом наши издатели порой не соблюдают норм авторского права. Так, в частности, поступил московский журнал «Горизонт», так поступила и газета «Семья», напечатав воспоминания З. Н. Пастернак, вдовы поэта, без согласия ее наследников.

В коллективном письме в журнал «Горизонт» В. Каверин, Т. Иванова, Н. Дорлиак, Т. Табидзе, А. Асмус, Л. Озеров указывали на неправомерность действий как журнала, так и публикатора этих воспоминаний З. Масленниковой, воспользовавшейся тем, что она в свое время вела машинописную запись этих воспоминаний. Это незаконно вводит в заблуждение читателей, поскольку представляет на их суд не правленный автором экземпляр рукописи. К сожалению, попытки таких публикаций со стороны З. Масленниковой продолжаются. Также мы протестуем и против публикации глубоко личных писем Б. Л. Пастернака к З. Н. Пастернак и отрывков из них вопреки воле наследников автора и адресата.

Только научно подготовленное издание с использованием материалов семейного архива должно ознакомить читателей с этой стороной жизни поэта. Для защиты памяти о Б. Л. Пастернаке мы считаем возможным прибегнуть к силе закона.

Н. ПАСТЕРНАК,
Е. ПАСТЕРНАК

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

Александр РАДОВ

УБИТЬ ГАДИНУ!

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ: ЛАЗАРЬ ЗАХАРОВИЧ ШУГОЛЬ, ЧЕЛОВЕК, КАК И ВСЕ МЫ, ГРЕШНЫЕ, СМЕРТНЫЙ (МОСКВИЧ, БЕСПАРТИЙНЫЙ, АССИСТЕНТ РЕЖИССЕРА С КИНОСТУДИИ ИМЕНИ ГОРЬКОГО, В ЮНОСТИ СВОЕЙ ДВАЖДЫ ФРОНТОВИК — НА ФИНСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ), ШУТЯ И ИГРАЯ ПРЕВЗОШЕЛ ВТОРОЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА: ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СИЛОЙ УМА СОКРУШИЛ СТРАШНЕЙШЕЕ ИЗ ЧУДИЩ, ТЫСЯЧЕ-, ДА ЧТО ТАМ, МИЛЛИОННОГОЛОВУЮ ГИДРУ, ЕЖЕДНЕВНО ОПУСТОШАВШУЮ НАШИ ТУЧНЫЕ НЕКОГДА НИВЫ...

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

1.

О гидре — чуть погодя, а пока — о Шуголе. Он рожден, как мне кажется, министром, главнокомандующим или, на худой конец, крупным хозяйственником, поскольку от бога заложено в нем нечто, что зовется «гений организации». Если в обычных словах — удивительнейшая и непостижимая способность из бог знает чего делать конфетку. Дар, согласитесь, редчайший. Доверь такому масштабное, на сегодня провальное дело — очень скоро и без больших затрат превратит его в доходнейшее, во всех отношениях образцовое. Однако за тридцать пять лет, что прошли с момента окончания вуза, ничегошеньки не доверили. И даже потом, когда у Шуголя появился второй диплом — теперь уже профессионала управления,— никто из ответственных должностных лиц не проявил к нему ни малейшего интереса. А впрочем, к нему ли одному?

Вот так и сложились его жизнь и судьба: даже ничтожной карьеры не сделал. Больше того: и то, что было, потерял. Начинал еще в молодости членом худсовета студии, а заканчивает всего только ассистентом режиссера, начальной, так сказать, ступенькой. Да что ему карьера — бог с ней. Но ведь совсем не получил полигонов для творческого самоосуществления. И блестящие организационные идеи, и подробно расписанные организационные проекты, безусловно, обещающие немедленное — да-да, немедленное — устранение самых кровоточащих проблем государства, складывал за ненадобностью в семейный книжный шкаф. Они и теперь еще там, никакой инстанцией не востребованные.

Так что ж — банальнейший неудачник? Я, честно признаюсь, так и заключил, понимая, конечно же, что в гнуснейшую эпоху удушливого безвременья в неудачниках пребывали наиболее нравственные, самые, как правило, даровитые люди. Шуголь, следовательно, никакое не исключение. Но ведь эпоха та, казалось бы, прошла! Отчего ж не получает сатисфакции? Тут можно гадать, но сам Лазарь Захарович категорически против такого истолкования: «Что вы! Да я, если хотите, самый счастливый на свете — всю жизнь делал лишь то, что хотел!..»

Он не уточнил при этом: «Кроме двух лет...» Вспоминать их, а тем более всуе, и до сих пор не любит, хотя мог бы (не без выгоды, естественно!) на этом сегодня сыграть. Еще бы — был, ни много ни мало, «узником Лубянки». Да не сталинской поры, а во времена, как ни странно, хрущевской оттепели. Чтобы не вдаваться в подробности, которые уведут от темы этих заметок, одной фразой поясню: на самой ранней стадии, когда болезнь едва-едва проявилась, он бесстрашно посмел предостерегать Хрущева и К° от экономического волюнтаризма. Вместо благодарности получил тюрьму, ею расплачиваясь за прозорливость свою и бесстрашие сердца. Слава богу, что качеств этих и до сих пор не утратил. Но кому они сегодня требуются?

А впрочем, не напрашивается на благодарности, не нуждается, как ни трудно в это поверить, в личных материальных выгодах. «Не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить»,— совсем про него сказано Достоевским. А мысль, которая дороже ему миллионов, важнее, чем личное самосохранение, проста: многие замучившие нас проблемы страны можно и должно решить не только быстро, но и задешево, если взглянуть на них управленчески грамотно. Что это значит? Сие Шуголь готов не только и не столько объяснить, но самое-то главное — и практически продемонстрировать, взяв для примера почти любую первоочередную проблему. Такую хотя бы, как очередь...

2.

Теперь пора признаться, что мерзкая гадина, которую почти образцово-показательно победил профессионал управления Шуголь, есть очередь! Да-да, самая рядовая очередь из обычнейших, как правило, людей, выстроившихся чередой в затылок друг другу во имя большого или малого (тут разницы нет) блага. Где-нибудь там, где одни только «их нравы», вся жизнь, если верить классикам,— театр! А у нас — сплошная и нескончаемая, изводящая и отупляющая, силы и время пожирающая очередь!

Изобретенная, как уверяют историки, в Англии, слишком известная во всем мире, только у нас в стране она приобрела тотальное, просто чрезвычайное значение. Настолько, что для всего остального мира Советы и очередь, очередь и социализм есть нечто ну совершенно неразъединимое. Целым обществом мы заняты очередями больше, чем науками и искусствами, всеми видами образования. Не потому ли так далеки еще от цивилизованности?

Коли верить статистике, лишь ради приобретения товаров мы расходуем в год аж 65 миллиардов человеко-часов. А если и прочие очереди учесть, окажется: «35 миллионов человек у нас постоянно «работают» в очередях» (тут я цитировал известного в стране публициста, доктора экономических наук Отто Лациса). Зрительно представьте себе: вся Испания или Польша с утра до вечера топчется в наших очередях...

А последствия таковы, что мы предстаем сегодня страшно усталой, чрезвычайно измученной нацией, задерганной и деморализованной прежде всего в неисчислимых очередях. У нашего населения, к которому и я, конечно же, отношусь, просто нет запаса сил, чтобы сильно прибавить в работе, нет резервов свободного времени, чтобы систематически набираться ума, нет соответствующего настроения, чтобы испытывать вдохновение и хотя бы элементарно радоваться жизни... Осознавая эти печальнейшие итоги, в своем трактате, который пришлось ему для высочайшего прочтения написать, Шуголь заключает: «Очереди являются величайшим социальным злом, а массовые потери свободного времени в очередях чреваты для любой страны, в том числе социалистической, как угодно опустошительной экономической катастрофой».

Очереди, таким образом,— беда, позор и трагедия наши. Ладно бы временные. В разных местах страны не раз проводились исследования, которые неизменно подтверждали — подавляющее большинство населения мрачно пророчествует: с очередями родились, с очередями и умрем. А из тысячи опрошенных в Москве покупателей сорок процентов настроено и вовсе фаталистически — «очереди не исчезнут никогда». И только шесть процентов опрошенных выразили робкую надежду, что с очередями, быть может, удастся покончить до 2000 года. Большинство же заметило обратную тенденцию: за четыре года перестройки очереди только выросли...

Сразу же замечу: мнение, что очереди неистребимы,— большая ложь. Докажу это ниже, а тут добавлю: даже многоопытнейшие работники торговли, и в особенности из самого верхнего эшелона, твердо и безапелляционно убеждены — наши магазины без очередей ну просто немыслимы!

При таком раскладе представьте себе, какую реакцию вызвало следующее заявление Шуголя, адресованное первому заместителю министра торговли страны П. Д. Кондрашову:

«Очереди, как известно, всегда, везде и на всё, что реализуется в формах розничной торговли и в порядке живой очереди, являются следствием лишь и только управленческой бездарности соответствующей ответственной администрации.

Я готов в короткий срок (не более трех месяцев!) ликвидировать очереди в системе торговли города Москвы без увеличения штата работников торговли и без дополнительных капиталовложений.

Я понимаю, что задача эта очень простая для всякого профессионального управленца, но я не ищу лавров открывателя, мне просто надоело мириться с этим разорительным безобразием, которое Вы в своей статье «Где начинается очередь?» («Правда» от 7 февраля 1984 года) выдаете (по вполне понятным ведомственным соображениям) за объективную необходимость.

Чтобы минимизировать предварительную бумажную волокиту и лишить Вас всякой возможности выдать моё предложение за вздорное, я готов ликвидировать очереди в любом крупном магазине, в том числе образцовом, то есть таком, где, казалось бы, все возможности рационализации торговли уже исчерпаны. Я сделаю это всего за несколько дней и под Вашим непосредственным наблюдением».

К тому времени, когда было сочинено это и до сих пор шокирующее заявление, Лазарь Захарович не только умозрительно разобрался в феномене торговой очереди, но и сумел испытать его на ощупь, осуществив для этого «включенное», как сказали бы социологи, наблюдение. Поясню: сверхзадачи своей не обнаруживая, нанялся в заурядный московский продмаг рядовым грузчиком, получив таким образом редчайшую возможность детально и с помо-

щью своей особой зрячести исследовать подпольные, то есть миру невидимые, механизмы советской, самой усложненной на свете торговли.

Что ж вывел в итоге? Вопреки широковещательным публичным декларациям о том, что покупатель всегда прав и что высшая, дескать, задача торговли — содействовать наилучшему удовлетворению разнообразных и непрерывно растущих потребностей советских людей, вся система торговли (а не отдельные торговые предприятия или, тем более, их конкретные сотрудники, которые вполне могут быть к этому не причастны!) — заведомо антинародна и уже поэтому безнравственна. Долгие десятилетия она и структуры свои, и руководящие нормативы, и человеческие помыслы очень сознательно ориентировала вовсе не на интересы населения, а исключительно на собственные выгоды.

Торговле прежде всего потребна реальная и могущественная власть — как над официальной властью, так и над всем населением. Только слепые или специально прикупленные люди могут отрицать, что это давно случилось. Сегодня у «объединенного профсоюза» торговых воротил нет ничего невозможного. Например, убрать со своего пути любого или, напротив, любого вознести, определив чуть не на любую из высших должностей государства. Если взять всего только директора гастронома, то его реальная власть во много раз обычно превосходит властные полномочия хотя бы первого секретаря райкома партии.

Второе, что у торговли на уме,— умопомрачительные барыши, позволяющие в этой нищей для народа стране жить не просто жируя, но и на уровне высшего мирового стандарта. Официальная статистика это, как и многое другое, не подтвердит, сославшись прежде всего на то, что нет якобы данных, хотя знаю наверняка, что есть. Но были, слава богу, социологические исследования, хотя и частные, но позволяющие тем не менее сделать общие выводы. Профессор В. С. Панюков из Одессы несколько лет назад знакомил меня со своими эмпирическими данными, которые и теперь, увы, никак не устарели: если сравнивать, к примеру, рабочих из сферы производства и таких же (по профессии и квалификации) рабочих из сферы обслуживания, то последние, при значительно меньших официальных доходах, в два с лишним раза лучше обеспечены всем набором социальных благ — квартирами, дачами, машинами, сберкнижками и т. п. При движении вверх по должностной лестнице разница увеличивается уже в «разы». Тут стоит сделать маленькое отступление. Когда вся наша широкая общественность неистово сражается с номенклатурными привилегиями начальства, хорошо бы помнить, во-первых, что они — пайки, конверты, спецдачи и спецбольницы — есть жалкая подачка государства, не доплачивающего всем нам, а уж наилучшим, то есть самым действенным представителям сверхсложного умственного труда, коим является труд руководящий, аж в десятки, порой и в сотни раз; а во-вторых, что негласные, но очень надежные привилегии работников торговли, превосходящие и министерские, и обкомовские, перестали почему-то быть бельмом на глазу, уже не вызывают ярости масс. Кстати сказать, те пайки и конверты, которые торговля уже от себя доплачивает представителям и местной, и центральной власти, тоже в «разы» превосходят те, что дает государство. Вот почему с некоторых пор официальные власти служат торговым и прочим мафиям успешнее, чем государству и народу.

Третье, что выговорила для себя торговля,— комфортнейшую безответственность, когда свои собственные, самые вопиющие пороки, ошибки и преступления можно без всяких для себя последствий спокойно списывать на кого-то или на что-то. Еще один комфорт, который заполучила для себя торговля и почти повсеместно использует,— возможность работать, себя не утруждая: ни физически, ни умственно.

Как ни странно, но наилучшее, быть может, единственное средство, обеспечивающее все эти неафишируемые цели торговли,— очередь. Она и дымовая завеса, надежно скрывающая пороки как всей системы организации отрасли, так и конкретных администраторов, поступающих и вопреки управленческой науке (рядом с которой и не стояли), и даже простому здравому смыслу. Очередь, кроме того, просто не заменимая для торговли вещь, позволяющая привязать всех вокруг цепями зависимостей, а значит, брать со всех и за все. И все же самое главное: очередь — это доминирующий в торговле, почти универсальный инструмент каждодневного жульничества, позволяющий грабить население у него же на глазах, почти ничем не рискуя. Вот данные, уже публиковавшиеся в печати: из 58 продавцов овощных магазинов Москвы, проверенных с помощью контрольных закупок, обвешивали 57. Или другие цифры, опубликованные буквально на днях: правонарушения, попадающие под Уголовный кодекс, систематически вершатся в каждом втором торговом предприятии страны.

Практика массового обмана, творимого с помощью почти всегда истерически нетерпеливой очереди, даже слышать не желающей о справедливости в отношении к каждому отдельному ее участнику, отличается чрезмерной, почти демонстративной наглостью: нам открыто сбывают залежалый, прокисший, протухший и т. д. товар; всучивают уже списанное плодоовощное гнилье; по цене самых дорогих продуктов продают миллионы тонн самой тяжелой в мире оберточной бумаги, нас безжалостно и на все лады обсчитывают...

Нет, не будет преувеличением сказать, что подлинное хищение века — это на самом-то деле советская очередь, которая почти планомерно, без остановок и сбоев грабит всех нас на десятки миллиардов рублей наличными плюс на сотни миллиардов и даже триллионы в стоимости похищенного рабочего и внерабочего времени.

Такой бесценнейший для себя инструмент наша замечательная торговля лелеет и оттачивает десятилетиями. И сегодня добилась такого поразительного совершенства, что почти любой работник торговли может создать очередь буквально из воздуха, без малейшей причины и сколько-нибудь убедительного оправдания. Для этого идут на все: ломают, когда требуется, целые партии электронных весов, сверхэффективных кассовых, фасовочных, упаковочных и прочих аппаратов. Во имя столь желанных очередей-кормилиц очень искусно и почти всегда искусственно создаются самые разнообразнейшие дефициты. Не только продуктов или товаров, но и всего того, что позволило бы их быстро реализовать. Включая сюда и людей — продавцов и кассиров, фасовщиков и грузчиков. Когда в качестве причины очереди нам выставляют болезнь работника — мы хоть раз проверили? Знайте: верить нашей торговле на слово никак нельзя. Если, к примеру, видите, что надрывается, управляясь с длиннющей очередью, уже явно вымотавшаяся продавщица,— не спешите ее жалеть. Лучше понаблюдайте и приметите: вот выпорхнула из подсобки другая и подменила уставшую. Откуда взялась? Так их и положено две, но работают почему-то не в паре, хотя рядом пустуют другие весы, а по очереди, друг друга заменяя. То же, кстати, с кассиршами, грузчиками и т. д.

Тут мы наткнулись на момент, который не стал еще достоянием общественного сознания: наша всемогущая торговля, никому реально неподконтрольная, почти повсеместно установила для себя сильно сокращенный, а кое-где уполовиненный рабочий день. Добавьте сюда и великую нелепость, о которой пишет Шуголь: «Кто не видел этой возмутительной картины: один продавец, изнемогая от усталости, обслуживает огромную очередь, а другие работники магазина (плюс вся администрация!) в это время созерцают это безобразие, и все только потому, что отвечает за товар лишь единственный продавец, другим же сотрудникам магазина он не может доверить его реализацию».

Нелепостей таких в торговле бездна, однако десятилетиями она с ними не расстается. Привыкла, как к сношенным башмакам. И горе тому, кто возьмется с ними бороться, сунется с проектами рационализаций. Тут вмешаются не только внутримагазинные, но и внешние мафии. Имею в виду спекулянтов, цеховиков, воротил черного рынка. Для преуспевания им крайне необходим кавардак в торговле, и в первую голову — очереди, всегда и за всем.

Итак, на что же рассчитывал Шуголь, если прекрасно осознавал дикие нравы нашей торговли, ее неистребимые как будто пороки? Он был тем не менее твердо уверен, что хорошо освоенная им управленческая наука и присущий ему талант организатора и в каждом отдельном магазине, и во всех сразу помогут отыскать такие действенные стимулы, с помощью которых очередь можно немедленно превратить в дело абсолютно невыгодное, даже разорительное для торговых работников. И рядовых, и начальствующих.

Вот тут он не ошибся, но это выяснится только через четыре с половиной года, которые уйдут сначала на пустые и унизительные хлопоты («Дядя, позволь я бесплатно сделаю для тебя большое и доходное дело!»), а потом — почти безнадежное ожидание: когда же первые торговые руководители страны, сами не больно-то заинтересованные обуздать очереди, пригласят на это его: человека со стороны, притом кинематографической. Да дадут ему для абсолютно беспроигрышного испытания хотя бы один магазин Москвы...

3

ройдет срок, и Шуголь получит сразу три магазина самообслуживания, да очень больших. В каждый из них время от времени захаживаю, а один — гастроном «Таганский» — посещаю буквально через день. Подоплека банальна: рядом живу. Так вот, еще год назад приметил разительную перемену — очереди стали чисто символическими: пять, семь, изредка десять человек. А раньше, как память моя сохранила, в очередях к кассам скапливалось никак не меньше 30—50 персон.

Позже, уже специально, когда зашел в кабинет директора таганского гастронома Галкина, выяснилось: в качестве побочного результата выскочил фантастический по размеру финансовый эффект — с первого же месяца эксперимента при неизменном ассортименте продуктов товарооборот магазина увеличился сразу наполовину: вместо двух миллионов вышел на три. Галкин только руками разводил. Не скрыл: когда ему и двум его коллегам-директорам предложили в Главторге методику Шуголя — они только посмеялись. Это ж дичь — торговать в Москве да еще на бойком месте без очереди! И уж совсем невозможно было предвидеть этот неведомо как возникший побочный эффект. Теперь-то Галкин объясняет его исключительно психологией покупателя. Представьте: вечером после работы вы забежали в продмаг, чтобы обзавестись чепуховиной — солью, макаронами, подсолнечным маслом. А там — очередь. Что ж решаете? А-а, дескать, черт с ним — перебьюсь... Если же, напротив, очереди нет, то вы к одному желанному продукту с радостью добавляете и что-то другое. Так вот, теперь все, случайно попадающие в эти три гастронома, с пустыми руками не уходят. Сколько ж денег дополнительно пошло в оборот? «Прибавка Шуголя», по моим прикидкам, уже составила миллионов под тридцать. Каково! А если б запустили эту систему не в трех магазинах, а в тысячах? Да не год назад, а все пять? От цифр с громадным числом нулей у меня и голова кругом. Кто знает: может, и не было бы ста двадцати миллиардов бюджетного дефицита... Но они есть! Кого за это благодарить? Что Минторг — в этом у меня никаких сомнений.

Понимаю гримасу экономически подкованного читателя. Если б не эта бесспорно существующая прибавка к товарообороту, я бы и сам ни за что не поверил, что в наших магазинах, которые мы привыкли считать пустыми, можно покупать заметно больше. Но разговор с директором Галкиным натолкнул меня на мысль: а ведь и сегодня в наших квартирах нет слишком многого из того, что безмятежно пролеживает на магазинных полках, к которым тем не менее не подойти — каждодневные очереди. Мы и не подходим, возненавидев магазины на всю оставшуюся жизнь. Только уж когда совсем приспичит — тут выберешься. И что же? Непременно принесешь много такого, что не ожидал в магазине встретить. Привычки же прогуливаться вечерами возле хорошо освещенных и замечательно укомплектованных образцами всех наличных товаров витрин, чтобы сразу решить, что пойти купить завтра,— такой привычки, давно существующей во всем цивилизованном мире, у нас нет. Как, впрочем, и нет таких витрин. Вот почему у нас идут в магазин не покупать, а всего только разведать — что есть и чего нет... Из-за этого четыре пятых, если не девять десятых, посетителей магазинов — не покупатели, а зеваки. Особенно в промтоварных... Надо ли говорить, сколько тут излишних шума, криков, толчеи, истерики...

Итак, упрямый и цепкий Шуголь добился-таки своего. Но надо ли скрывать, что ни в одном из трех магазинов не получил полный карт-бланш? Там всего только воспользовались его отточенными рекомендациями и то выборочно, частично. Но и этого, как ни странно, оказалось довольно, чтобы без каких-либо серьезных материальных вложений уничтожить очередь. Хотя уточню: затраты все же были, но вовсе не по инициативе Шуголя, убежденного, что без них легко обойтись. Теперь-то можно и так трактовать: руководители торговли страховались, чтобы уберечься от срыва. Однако у Шуголя на это другой взгляд: специально делали, чтобы потом сказать — эксперимент-де прекрасный, целей достигает, но посмотрите, какой ценой... Чтоб таким способом побороть всесоюзную очередь, придется, дескать, вложить миллиарды. А где они у нас? Так и похоронят под пение аллилуйи...

Подозрителен Шуголь? Зря наговаривает? Но как его упрекнешь, если действительно Главторг столицы пять лет не мычал, не телился, а потом, словно бы опасаясь крупного общественного скандала (Шуголь-то успел и прессу возбудить, и народный контроль подтолкнуть), нехотя, явно из-под палки взялся. Потом в «Московской правде» пропишут: по инициативе Главторга проведен эксперимент. О Шуголе ни слова... Хотя в журнале «Городское хозяйство Москвы» (№ 12 за 1988 год) заведующая лабораторией НОТ Главторга В. А. Таликова и признает: «В основе эксперимента — работа Л. З. Шуголя, и в частности главное его предложение — о материальном стимулировании работников торговли, совершенно иной, чем прежде, системы оплаты их труда, предусматривающей выплату премий не за план товарооборота, а только за отсутствие очередей. Размер премий равнялся 40% к должностному окладу. При наличии в очереди свыше 15 человек премии не выплачиваются полностью. Итак, наличие очередей становится магазину невыгодным».

Все верно — здесь основная суть: ликвидация очередей превращается для магазина, его руководителей и всего персонала в сверхзадачу, а это многое меняет. «Ответственность рядовых работников только за очередь,— объясняет в том же журнале сам Шуголь,— а не за план реализации, на выполнение которого те фактически никакого влияния оказать не могут, ибо ни количество товаров, ни сроки их завоза от рядовых работников торговли не зависят, открывает перед торговлей перспективу неограниченной рационализации, борьбы рядовых работников за культуру и качество обслуживания».

Все это и в самом деле началось. Теперь кассирша лишнюю минуту не покурит — не начальство помешает, а рядовые коллеги. Так, во всяком случае, я наблюдал в «Таганском». Но это в его секции самообслуживания, а в другой — где гриль-бар, кондитерские товары, продажа вина и водки — все «в старых добрых традициях»: возмутительные по размеру очереди, неработающие кассы, несуразицы, для устранения которых «неограниченной рационализации» не хватило. Неужели все это потому, что названные секции в эксперимент не попали?

А самый большой выигрыш дала в эксперименте его, Шуголя, маленькая придумка. Кто не знает: в магазинах самообслуживания самым узким местом становится кассовый узел. Касс чаще всего предусмотрено много, но большинство из них зачехлены — нет людей. Ясное дело, администраторы вовсе не сбиваются с ног в поисках претендентов, а тех отталкивают перегрузки в часы пик — когда прет на тебя бесконечная, до предела взвинченная очередь. Что же придумал Шуголь? За счет экономии зарплаты (которая образуется в каждом магазине самообслуживания) нанимать почасовиков, но с тройной оплатой: вместо полтинника — полтора рубля за час.

Уж тут, казалось бы, отбоя не будет от желающих. Но администраторы магазинов и здесь стали уверять, что охотников нет. И объявленный уже эксперимент завис на волоске. Что делает Шуголь? Мчится в городской штаб студенческих отрядов и договаривается — круглый год студенты, и прежде всего торговых специальностей, будут подрабатывать по 2—3 часа в день. Для них лафа: работая после занятий, иметь в месяц еще две стипендии. (Кстати сказать, студенты и школьники — вот тот людской резерв, ориентируясь на который торговля может как угодно удлинить всесоюзный прилавок, оборвав эту поднадоевшую песню: «Нет людей, безрабочесть...») Думаете, обрадовались администраторы магазинов? Стали уверять: у нас материальные ценности, мы не можем допустить чужих людей... Но Шуголь сообразил: другого боятся — допустить в подсобки лишних свидетелей... Но чтобы Шуголь не упорствовал, предложили ему компромисс: мы своих людей выведем — в их выходные дни. На том и порешили, и теперь это выглядит так: кассирша или даже администратор магазина, отработав смену, в свой свободный день выходит подработать на два-три часа. Мало того, что магазин выручает. И сама имеет в результате общий заработок порядка пятисот рублей. «Нет теперь резона,— комментирует мне директор таганского гастронома Галкин,— рисковать, обсчитывая покупателей». Здесь, таким образом, и нравы меняются. Та же история с грузчиками и фасовщиками — они тоже подрабатывают в свои выходные дни...

Шуголь предполагал: предложенная им система позволит энергично избавляться в торговле от бездарных руководителей. Но похоже, что это именно они так блокировали эксперимент, что дальше он не пошел. Больше того, и его обобрали — единственного автора проекта, без которого, как без мотора, дело бы не сдвинулось. В заключительном документе, предназначенном «для изучения и практического применения в подведомственных предприятиях», Шуголь называется лишь вот в каком контексте: «С учетом предложения покупателя т. Шуголя Л. З. разрешено привлекать работников для выполнения разовых работ по трудовым соглашениям с оплатой труда 1,5 руб. за час». И получилось, что Шуголь — «примкнувший к ним»... Дело не в том только, что не признали, не зафиксировали безусловное авторство, что из тысяч и тысяч премиальных рублей, выплаченных конторе по итогам эксперимента, и десяти рублей не нашлось, чтоб хотя бы символически премировать Шуголя. Но главное-то — поставили его в столь сомнительное положение, что ему почти невозможно двигать дело дальше, а остается одно — роль жалобщика...

Еще в феврале 1984 года, в первый раз получив серьезный отлуп, Шуголь так разгорячился, что прямиком отправился к прокурору Москвы и выпалил: в московской торговле, как он убежден,— мафия... Иначе чем объяснишь, что торговые руководители Москвы отбрасывают такие выгодные для страны проекты? Будто извиняясь, прокурор отвечал: вы понимаете, мы должны сначала за руку схватить. Самое-то смешное, что случилось это незадолго до «дела Трегубова» или, точнее, Главторга.

Спустя пять с половиной лет он, уже убедившись в эксперименте, что был абсолютно прав, обратился с резким письмом в Комиссию по торговле Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Сославшись на проведенную им работу, утверждает:

«1) Очереди в продовольственных магазинах не имеют никакого отношения к дефициту продовольствия, а равно к степени централизованной фасовки и техническому оснащению магазинов.

2) Подлинной причиной наших разорительных и антигуманных очередей за продовольствием являются феноменальное профанство руководства на всех уровнях и безнаказанность огромного количества жуликов среди руководителей и рядовых работников торговли за сознательное создание очередей в корыстных целях.

Мои деловые встречи в высоких учреждениях (выше которых только Верховный Совет СССР!) как до начала эксперимента, так и после его завершения дают достаточно оснований утверждать следующее:

1. Проблема очередей никого не интересует.

2. О подлинных причинах очередей и способах их преодоления там вообще не имеют никакого понятия.

3. Нигде ни с кого за очереди всерьез не спрашивают.

4. Никому и в голову не приходит, что о решении продовольственной проблемы в нашей стране не может быть и речи, пока мы не решим проблему очередей. Наоборот, все начальники убеждены, что надо только решить продовольственную проблему — и очереди исчезнут, если вообще стоит о них говорить. Было бы лишь чем торговать...

Я категорически утверждаю, что с такими руководителями (и контролерами) мы обязательно придем к продовольственной катастрофе! В связи с беспомощностью государственной власти я категорически требую дать мне возможность выступить перед Комиссией с докладом о проблеме очередей как проблеме ключевой в разрешении продовольственного кризиса в стране. Я настаиваю на этом выступлении еще и потому, что ни мои (трижды!) выступления по радио, ни в печати, ни статьи обо мне и эксперименте не произвели никакого впечатления на торговую мафию Москвы и страны в целом».

И две недели не прошло — приходит ответ. Стремительно его пробежав, Шуголь возликовал, натолкнувшись на строчку: «По возвращении народных депутатов СССР из отпуска Вы будете приглашены для беседы». И вдруг на тебе — абзацем выше вот такая строка: «Ваше письмо... направлено для рассмотрения в Управление торговли исполкома Московского городского Совета народных депутатов».

Да боже ж мой — неужели все начинать сначала?!

4

Вот теперь время упомянуть, что Шуголь не самый первый в стране избавитель народа от торговых очередей. Пальму первенства очень давно и прочно держит человек всесоюзно знаменитый — Аркадий Авидиевич Лихтиншайн, который уже 35 лет возглавляет Управление торговли Клайпедского горисполкома. Несколько недель назад мне довелось подробно, неторопливо с ним говорить, но прежде я — раз и другой, и третий — прошелся по прекрасно оформленным, четко организованным магазинам и самолично убедился: не преувеличивают, называя Клайпеду городом без очередей...

Ясное дело: Клайпеда не Москва. В ней всего только двести тысяч жителей и 121 магазин. Покупать в них, особенно в магазинах промтоварных, есть что, однако на одну покупку там тратят всего 4 минуты. В Москве — раз в десять больше. Да и сами они начинали с 2—3 часов.

Чтобы прийти к этим 4 минутам, пришлось традиционную торговлю (то есть удобную и выгодную торговому персоналу, но неудобную и невыгодную покупателям) перевернуть вверх тормашками, принципиально отказавшись от «неправильных», по выражению Аркадия Авидиевича, технологий, «которые как раз и способствуют очередям и всем прочим социальным патологиям». Подход был кардинальный. В продовольственной торговле 98 процентов товарооборота реализуется через магазины самообслуживания и столько же товаров поступает в расфасованном виде. Откуда поступает? С городских баз и непосредственно с городских предприятий. Смотрите, что это дало: прежде, то есть во времена, когда существовали прилавки, колбасой торговало в городе 150 человек. Теперь только 25 расфасовывают колбасу для всего города, то есть экономия живого труда в шесть раз. С рыбой — в 4 раза. И так далее. Надо ли говорить, что это принципиально меняет ситуацию для каждодневного жульничества? Но, кроме всего прочего, значительно экономит продукты. Отстояв за колбасой длиннющий хвост, покупатель уже психологически подготовлен взять целую «палку» колбасы. Но сегодня вечером съел кусочек, завтра себе и членам семьи отрезал по ломтику, а послезавтра, приметив, что колбаса позеленела и сморщилась, безжалостно отправляет ее в мусоропровод. И совсем другое дело, когда любые по весу расфасованные кусочки свежей колбасы легко и без очереди доступны вам каждый день. Уж тут возьмешь самую малость... В Клайпеде подсчитали: экономия колбасы на треть по сравнению со столь же обеспеченными колбасой городами. И все то же с другими продуктами. Вот вам неожиданный вклад в Продовольственную программу...

Клайпеда, кроме всего, и город без спекуляции. То есть она, конечно же, тут есть, и я собственными глазами видел за магазинами, как вершились сделки, в которых с одной стороны выступал продавец. И все же спекуляция и в малой степени не носит столь вызывающего характера, как в других городах, даже прибалтийских, где — это я понимаю — национальные и региональные традиции удерживают от многих социальных патологий.

Для массовой спекуляции нет здесь почвы, а самое главное — организационных возможностей. Уже много лет все дефицитные товары распродаются или по месту работы, где достается обязательно каждому, или, что чаще, и в особенности в отношении товаров длительного пользования, распределяются профсоюзными комитетами, и счастливые обладатели получают приглашение, но именное, с указанием паспорта, которое, как понимаем, гораздо труднее перепродать или уступить кому-нибудь по протекции.

Кто-нибудь сморщится: приглашения, талоны, заказы — демократизацией, дескать, не пахнет. Наоборот, тут просто присмотрелись, кому попадает дефицит, когда он в свободной, через обычную очередь, распродаже. Фарцовщикам и тунеядцам, у которых, как понимаем, гораздо больше и времени, и информации, чтобы оказаться в нужный момент и в нужном месте первыми, взяв товар для себя и «для того парня»...

Но и система заказов очень легко может выродиться в такое, к примеру, безобразие, каким является московская система продажи мебели. Сам убедился на днях: ничего, буквально ничего в продаже нет, поскольку купить можно только по открыткам, однако любой грузчик шепнет, сколько нужно переплатить за тот гарнитур или за эту тахту, чтобы привезли прямо на дом. И опять, как видим, торговые придумки легко начинают обслуживать исключительно мафиозные интересы. Чтобы в это не выродилась система заказов, нужен постоянный и бескомпромиссный общественный контроль.

Всем хороша клайпедская система организации торговли, снимающая ажиотажность в распределении, экономящая для населения время, труд, деньги, нервы... Но она и для работников торговли комфортна: им удается за целый рабочий день не заниматься ручным трудом и уж тем более не таскать на себе ящики, мешки и все прочее. Дело тут не только в централизованной расфасовке. Все продукты непременно привозят в контейнерах, которые тут же, причем с минимальными, доступными и девчушке усилиями доставляются в торговый зал и становятся в нем «прилавками».

Тут стоит сообщить, что в контейнерах доставляют теперь продукты и во многих других городах, но посмотрите, что при этом обычно происходит. Рассказывает Аркадий Авидиевич:

— Я недавно был на Украине и зашел в крупный, на три тысячи квадратных метров, гастроном. На моих глазах привезли контейнер с минеральной водой. Сначала спустили его в подвал, вынули из него бутылки и уложили в штабеля, чтоб контейнер отправить обратно. Когда потребовалось воду продавать — опускают в подвал ящики и укладывают в них бутылки, поднимают ящики наверх и тележкой перевозят в торговый зал. А там еще раз из ящиков выкладывают — теперь уже туда, откуда покупатели смогут их брать.

Такими нелепицами сверху донизу переполнена наша торговля. Миллионы и миллиарды паразитных, никому не нужных, абсолютно непроизводительных операций, но благодаря им все 10 миллионов торговых работников страны при деле, как будто оправдывают свое бестолковое существование.

Так вот, подобных нелепиц за тридцать пять лет Аркадий Авидиевич разрушил, убил на корню множество. Он просто переходил на новую технологию торговли, которая революционно поднимала производительность труда и в той же степени удобства покупателей. Но кроме того — и поставщиков. Переход, к примеру, на контейнеры позволил предприятиям не держать при себе или сократить 300 грузчиков, которые каждый день сопровождали грузы от предприятия до магазина. Теперь это не требуется — разгрузит всякий. И для этого не придется мобилизовывать продавцов или кассирш (как это обычно бывает), еще больше увеличивая очереди.

Мне несколько неловко все это пересказывать. Много раз про это рассказывалось. Вышла, наконец, и книга самого Аркадия Авидиевича «Как торгуют в Клайпеде» (изд-во «Экономика», 1988). Больше того, все двадцать лет, которые существует в своем оформлен-

ном и завершенном виде опыт клайпедской торговли, в городе бывает до 800 делегаций в год.

Я спросил Лихтиншайна: есть ли хотя бы один город в стране, где ваша система внедрена более-менее цельно?

— Нет! — был категоричен Аркадий Авидиевич.— И я скажу почему: всякая делегация меня вначале спрашивает... Точнее так: люди, которым предстоит у себя внедрять: «А зачем это мне нужно? Что это мне даст?»

Работая неизмеримо более продуктивно и качественно, действительно удовлетворяя растущие потребности людей, добровольно отказавшись при этом от левых доходов, клайпедские экспериментаторы оказались в самом незавидном положении — заработки самые низкие в стране...

Неужели же Минторг, который много раз декларировал, что он рекомендует перенимать опыт Клайпеды, не может догадаться: чтобы дело по стране пошло, принося фантастические по размеру выигрыши, надо рекомендуемый образец действительно сделать привлекательным, и прежде всего с точки зрения оплаты за сверхэффективный и в высшей степени качественный труд.

Нет, они не дотаций, не подачек просят, а всего только права платить себе из сверхзаработанного, дополнительно сэкономленного. Сегодня в Клайпеде получают прибылей в среднем на один процент выше, чем где-либо в стране. А это составляет в год дополнительно три миллиона рублей. Их бы на все и про все хватило, если б позволили самим распоряжаться. А что надо, чтоб позволили? Еще лет 15 назад была в городе представительная комиссия из Минторга страны. Восхитилась и сама предложила министерству назвать Клайпедское управление торговли опытным (что давно соответствует действительности — тут и так опытный полигон для всей торговли страны, но только на своих харчах), чтобы все работники могли получать на сорок процентов выше. На этом предложении тогдашний министр торговли написал резолюцию: «А нельзя ли такое (т. е. опытное.— **А. Р.**) управление создать в Москве?».

Аркадий Авидиевич не знает, а я подозреваю, что так и случилось: эта безобразная во всех отношениях, самая, быть может, мафиозная и коррумпированная московская торговля по каким-нибудь там невидимым публике документам является и опытной, и образцовой, и, конечно же, сверхоплачиваемой...

Сейчас, слава богу, другой министр, хотя свита у него прежняя. Неизменно пребывает в кресле и печально известный Шуголю замминистра П. Д. Кондрашов, который не может не нести ответственности за то, как он десятилетиями «боролся» с торговой очередью и что из этого вышло. Пшик вышел — не более того... Так неужто за вселенские муки наши, загубленные время и нервы, упущенные выгоды ценой в триллионы так ни с кого и не спросим?

5

Аркадий Авидиевич, коему повезло объехать и Старый, и Новый Свет, а недавно очутиться в Японии, предсказывает нам еще одну страшную катастрофу, теперь уже торговую. Мы б ее могли получить раньше, если б выполнили, как замахивались, Продовольственную программу, и еще другую — наращивания производства ТНП: товаров народного потребления. Коли б это случилось, то наши убогие, недоразвитые, в полной мере средневековые торговые сооружения и торговые порядки буквально захлебнулись бы. Не от изобилия — до него еще очень далеко, а от потока продуктов и товаров, превосходящего возможности быстрой реализации. Последствия могли быть самые невероятные. Вплоть до катастроф...

— Я часто слышу от коллег: ты нам дай товар, а мы как-нибудь продадим... Так вот, как-нибудь не удастся.

Резюмировав, Аркадий Авидиевич начинает сравнивать для меня вещи, абсолютно несравнимые: торговые возможности Москвы и Токио. В нашей столице — 30 универмагов. В Токио — 275. Плюс к этому четыре недавно возведенных подземных города — целиком торговых. И еще приплюсуйте 85 тысяч магазинов и 110 тысяч предприятий общественного питания.

Для здоровой или, скажем так, сбалансированной экономики — тут воистину не роскошь. Потому что торговля — это вовсе не внепроизводственная сфера, как мы много десятилетий считали и соответственно к ней относились, а, напротив, хоть и последнее в технологической цепочке, но незаменимое звено производства, без которого его полный цикл не может считаться завершенным. И если вдруг гигантское по масштабам производство заканчивается бутылочным горлышком торговли — тут явно жди большой беды.

Эту азбучную истину давно поняли и на Востоке, и на Западе. Мы, быть может, единственные, кто тут крохоборничает, и это выходит нам боком. Смотрите, в Италии, где в прошлом году был Лихтиншайн, на зарплату персоналу идет 10 процентов от суммы товарооборота. А у нас — 2—2,5 процента. Впрок ли эта экономия? Растаскивают, как я думаю, гораздо больше 10 процентов, и это неизбежно: трудно быть честными, находясь рядом с ценностями, а зарабатывая так, что не хватает на пропитание. И ладно бы только тянули. По всей стране — тысячи пожаров в магазинах, на складах, базах. «И за каждым ЧП,— комментирует в газетах начальник Главного управления пожарной охраны МВД СССР генерал-лейтенант внутренней службы А. Микеев,— чей-то преступный интерес. Кто-то, будем называть вещи своими именами, проворовался и с помощью огня решил скрыть недостачу. Кому-то выгодно вызвать искусственный дефицит товаров повседневного спроса».

Крохоборничаем мы и при строительстве торговых объектов. Даже в Клайпеде, где, как мы видели, дела более благополучны, на тысячу жителей приходится всего сто пятьдесят метров торговых помещений, а в ГДР — 600, в ЧССР — 700, в Финляндии — 1,5 тысячи. Надо ли при этом говорить, что оснащенность этих метров в развитых капиталистических странах потрясает воображение? Разница с нами такая же, как между бухгалтерскими счетами и персональными компьютерами.

Лихтиншайн ревниво следит за поступью мирового технического и организационного прогресса в торговле, готов подхватывать лучшие образцы, начинать обслуживать покупателя прямо на дому — как это все больше распространяется в мире. «Но чем торговать?» — требовательно меня вопрошает. Торговать пока нечем, но как жаль, что не даем ему поработать впрок, освоить завтрашние формы нашей всесоюзной торговли...

Я спросил Аркадия Авидиевича: а если б его сегодня назначили руководителем торговли Новосибирска или Таганрога, сколько б ему потребовалось времени, чтобы внедрить там свою систему и прийти к показателям на уровне Клайпеды?

— Если хорошо поработать, то четыре-пять лет...

Он, как видим, человек обстоятельный, сторонник фундаментального подхода, думающий о системности и комплексности, мечтающий как следует оседлать в торговле научно-техническую революцию. И многое ему удается, хотя возможности у него более чем скромные. Но он умеет найти деловых партнеров повсюду, в том числе в промышленности, объяснив толково, какую выгоду их коллективы от полноценной торговли получат. Больше того, он удивительно умеет приспособить для своих нужд и все, что где-то и у кого-то валяется, не используется. Вот так он без фондов и лимитов разыскал в республике и заполучил первую партию электропогрузчиков. С них и пошло...

Давно удивляюсь, почему и он, яркий первопроходец, талантливейший менеджер, бесконечно преданный идее торговли без проблем, показавший класс, выше не пошел, не призван для того, чтобы свой совершенный опыт распространить на целые регионы, республики, Союз? «Иностранная» фамилия помешала? Общее наплевательство к новаторам? Или темные силы, для которых опыты Лихтиншайна — угроза существованию?

Не зовут его даже в советчики, не привлекают к разработке стратегий. А впрочем, не уверен, что кто-то о стратегиях торговли, обещающих выигрыш нам, ее потребителям, а не ей самой, всерьез думает. Тест, который поставил на Минторге Шуголь, это убедительно подтвердил.

6

В отличие от терпеливейшего Аркадия Авидиевича, Шуголю жаль терять годы да и не видит в этом большой нужды. Но есть между ними другие отличия. Сверхзадача первого — сервисное обслуживание, ради которого не грех и потратиться, поскольку, кроме экономических, обещают быть и громадные человеческие эффекты. Шуголь же ставит задачу уже — «Долой очередь!», и всё тут! Но не любой ценой, а минимальной, исключительно за счет серого вещества. Зато, если как следует выложишься, сдвинешь горы! Вот исходя из какой веры он просит всего три месяца, чтобы избавить от торговых очередей всю Москву. «Ненормальный»,— я б сам так подумал, если б не сверхуспешный эксперимент в трех московских гастрономах. После него придется поверить Шуголю, что в нашей торговле, как, впрочем, и в других сферах, слишком много очевидного и разорительнейшего непорядка, профессиональной нечестности и некомпетентности. Если применить всего только умные управленческие меры, можно принципиально изменить ситуацию покупателя.

Как это сделать, Шуголь продумал в деталях. В трактате, который еще пять лет назад передал в Минторг (и тот без толку пролежал в одном кабинете, потом в другом), он подробно описывает 12 форм торговли, применение которых обещает сразу же покончить со значительной частью «хвостов». В том числе и при продажах дефицита, хотя и заметил Шуголь: каждодневно-привычные очереди за недефицитными товарами отнимают львиную долю наших мучительных выстаиваний в магазинах. Но нет, на эти остроумнейшие новации Минторгу оказалось наплевать...

Уже этот нечаянно поставленный Шуголем тест убеждает: это бесполезное дело — уговаривать торговлю. Добровольно со своими щедрыми кормилицами-очередями она не расстанется. Нет, надо со всей решительностью и лучше всего устами Генерального Законодателя — Верховного Совета, а еще лучше Съезда народных депутатов — потребовать: торговать без очереди! И баста!

В том, что это принципиально и реально возможно в наших условиях, убедительнейше доказали и в Клайпеде, и в Москве. Так чего теперь ждать? Но только наличие такого категорического и непременно жесткого требования заставит, уверен, торговлю слишком многое в себе переделать. Прежде всего безжалостно избавиться от паразитов и злоумышленников, которые не захотят и не смогут работать без очередей. Второе — призвать, да на самых выгоднейших условиях, Шуголя и Лихтиншайна, других понимающих в умной торговле людей. Третье — всерьез присмотреться и к старому и к нарождающемуся мировому опыту, отправив для этого в длинные командировки не тех чинодралов, у кого одно на уме — заграничные шмотки да «их нравы», а молодых и не очень молодых людей, безусловно, способных к обучению, а потом — к практическому применению новых знаний...

Прекрасно понимаю: одним внешним требованием тут не обойдешься, хотя и преуменьшать его значение тоже нельзя. Не зря Макаренко все дело воспитания с этого и начинал — с максималистских требований к воспитаннику, дающих понять — дальше его такого не потерпят... Уж тут попустительство в сторону. Применительно к торговле надо будет сразу перекрыть те источники почти легального жульничества, которые словно специально организованы. По этой причине директора, к примеру, овощных магазинов, формально не воруя, могут становиться миллионерами. Чтобы это прекратить, надо немедленно пересмотреть нормативы «естественной убыли» и процедуры списания гниль. Без этого, без перекрытия других лазеек персонал магазинов ни за что не приобретет мотивацию к добросовестному труду. Эта последняя потребует и конкуренции, немыслимой в условиях монополизма единого торгового ведомства. В торговле не менее, а, может, и более требуется многоукладность, различие форм собственности. Чтобы все это заработало, надо решительно снести бюрократическую надстройку. Кто сможет сосчитать — семи-, девяти-, или даже двенадцатизвенная структура управления выстроилась над магазинами. И вся она — преступно коррумпированная. Лечить — бесполезно. Единственный выход — снести! Только это позволит оторвать экономику торговли от теневых структур — как экономики, так и политики. Но только взявшись за ликвидацию очередей, можно обнажить эти криминальные зависимости и выйти наконец-то на тех, кто с выгодами для себя уже слишком давно дезорганизует и формы производства и сферы потребления.

* * *

В это трудно, я знаю, поверить (поскольку живет снисходительное: очередь — не причина, а следствие), но именно очередь представляется мне самым решающим звеном, потянув за которое можно вытянуть всю цепь экономической перестройки, политической демократизации. Именно на этом пути быстрее, чем удавалось, накормим народ, дадим ему достаточное благосостояние. И еще не упустим: нет на сегодня другой такой кровоточащей проблемы, которую действительно можно решить в месяцы, дав разочарованному народу столь важное сегодня психологическое ощущение: перестройка — работает, перемены от нее — для всех налицо. Их можно увидеть не только дальним, но и ближним зрением, присмотревшись к любому магазину.

А у Шуголя, сумевшего, несмотря на неверие и сопротивление, показать, как надо убить гадину, наготове еще несколько проектов. Например, рационализации городского транспорта, чтобы пользование им не превращалось в драму. Или, как перестроить снабжение городов овощами, чтобы, с одной стороны, они не гибли по пути и при хранении, а с другой — не отнимали у потребителей миллиарды и миллиарды человеко-часов. Есть у Лазаря Захаровича проект, связанный с наиболее эффективным производством фильмов, то есть индустрии, которой он посвятил всю жизнь и смог разобраться как никто. И что же? Его коллеги — кинематографисты, декларирующие после пятого съезда поддержку всякому-де новаторству, не рассмотрели его у близкого товарища, а когда был слишком настойчив, раздраженно осаживали: знай сверчок свой шесток...

Так доколе же будет на нашей опустошенной, измученной земле: нет пророка в своем отечестве? Доколе?..

ДЕСАНТ НА ПАЙЯХСКУЮ

На исходе третий час полета. Маршрут — от Красноярска к Норильску и дальше на север, к буровой Пайяхская. Наш транспортный ИЛ-76 загружен тремя платформами, на которых плотно упакованные мешки с цементом. Платформы, снабженные парашютными системами, предстоит сбросить на буровую. Испытатель парашютов советует приготовиться: мы над точкой. В иллюминаторе вышка и балки на фоне бесконечной тундры. Делаем несколько заходов, снижаемся. В хвостовой части самолета медленно открывается зев грузового люка. В проем врывается свет, рев двигателей, вибрация... Внимание! Звенит сигнализация. Вытяжной парашют выскакивает из гнезда и вылетает наружу. Хлопок. Вижу, как он раскрывается и натягивает фал, идущий к платформе. 10-тонная платформа мгновенно приходит в движение, с лязгом выкатывается из самолета и проваливается вниз. Осторожно подходим к рампе грузового люка и видим четыре бе-

лых купола, удаляющихся от самолета в сторону буровой.

Еще два захода, и все повторяется снова: мелькает вытяжной, натягивается фал, выкатывается платформа, раскрываются купола. Владимир доволен, кажется, все в порядке. Успеваем увидеть на земле рядом с буровой три платформы, вокруг которых, как шампиньоны, погасшие купола. У мастера Пайяхской Валентина Шитенко сегодня праздник — с неба свалилось 25 тонн цемента.

Наверное, не предполагал коллежский асессор Глеб Евгеньевич Котельников, получивший в 1911 году охранительное свидетельство на спасательный ранец с автоматически выбрасывающимся парашютом, что над использованием и усовершенствованием его изобретения через 78 лет будет работать солидный научно-исследовательский институт, одним из направлений которого станет «Доставка народнохозяйственных грузов в труднодоступные районы с помощью средств десантирования». Инициатор этой работы, совершивший более 4000 испытательных прыжков, поведал мне, пока летели на Пайяхскую, что очень уж ему хотелось вопреки запретам прыгнуть и на полюс, вот и нашел он повод, предложил забрасывать туда грузы с помощью парашютов.

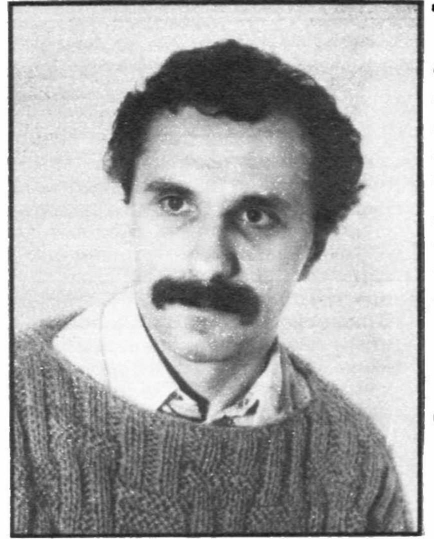
Дело оказалось полезным. Первые платформы были десантированы на «СП-25» в 1982 году. В 1984 году на «СП-26» на парашюте опустили трактор, затем были грузовые десанты на «СП-27», «СП-28». Наступление хозрасчета и тенденция к сокращению вооружений заставили разработчиков расширить область применения парашютно-десантной техники. В перспективе у института, помимо участия в антарктических экспедициях, совместная работа с англичанами по доставке продовольствия (английского) в труднодоступные районы Африки. Но главный сегодняшний заказчик — это геологоразведчики Севера. У геологов основной грузовой транспорт — вертолет. В северном небе то и дело видишь этих снабженных винтами «муравьев», буксирующих на тросе какую-нибудь трубу, бочку с соляркой или даже вездеход.

— Вертолетные перевозки недешевы, капризны к погоде и к расстоянию, требуют в наших условиях промежуточных баз, погрузок, разгрузок вручную,— поясняет мне в своей дудинской конторе начальник Нижне-Енисейской нефтегазоразведочной экспедиции Александр Николаевич Азарнов.— Десантирование грузов в каких-то случаях оказывается более рациональным. Загрузили цемент или трубы в Красноярске в ИЛ-76, и через несколько часов они уже на точке, за полторы тысячи километров. Дорогое, конечно, для нас удовольствие, но, с другой стороны, сколько стоят мучения шоферов, прорывающихся иногда неделями с грузом по зимней тундре.

На следующий день мне удалось побывать на Пайяхской и уже с земли наблюдать, как гасли купола парашютов в первые секунды после приземления платформ. Красивое зрелище.

Фоторепортаж
Марка ШТЕЙНБОКА

Александр ХУРГИН

Миниатюрный рассказ, короткая новелла в журнальной периодике не в чести. Понятно, астафьевским «затесям» или солоухинским «камешкам на ладони» место находится, и то при условии, что они подкреплены авторитетом писательских имен, наработанным прозой более полновесной. А молодому автору с таким «мелким жанром» в редакциях солидных изданий лучше не появляться. Если в мини-рассказе присутствует хоть намек на улыбку или иронию, может принять соответствующий отдел, когда таковой имеется. Александр Хургин знает это по своему скромному опыту: печатался лишь в разделе юмора и сатиры и настоящая публикация в «Огоньке» — первая серьезная.
А то, что молодой прозаик из Днепропетровска вполне серьезен, могли бы подтвердить писатели, у которых учился Хургин,— Бабель, Зощенко, Платонов. Впрочем, о том, что их уроки даром не прошли, судите сами.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

РАССКАЗЫ

СТАРЫЙ ПОЕЗД

По старой железной дороге шел старый железный поезд. Шел не то чтобы скоро, не то чтобы тихо, не то чтобы точно по расписанию, а как-то так, вообще. Но все-таки по расписанию. Хотя и по старому. Потому что поезду же бог весть сколько лет!

А внутри, в поезде, было неуютно. Потому что холодно. То есть не холодно, конечно, а морозно. И то, что поезд шел по старому, летнему, расписанию, положения не спасало. Наверно, то лето, в какое это летнее расписание составляли, морозным выдалось. А тут еще в окнах щели, занавесок нет, и стекла хулиганы выбили. И зима.

Но это все ничего. А вот то, что в поезде люди ехали,— это, конечно, хуже. Хотя и люди ничего. Ехать-то всем хочется. Вот и ехали они, несмотря ни на что, а убежденный пассажир Евсей Фомич, так тот даже жизнерадостно пританцовывал, и ладонями бил себя для согрева по спине, и еще приговаривал:

— Холодрыга, в бога душу черт! — так и говорил, как думал.

И правофланговому многомиллионной армии пролетарских проводников товарищу Нинке так и сказал в глаза:

— Мороз, мать бы его увидеть, товарищ Нинка. Ну прямо не хуже, чем в окопе.

А Нинка Чучуева — проводник передового отряда советских проводников — тоже сказала ему по-нашему, ясно и убедительно:

— Зима!

Насчет зимы как явления природы Евсей Фомич ничего не имел, но он же был пассажиром не чета другим, а пассажиром по происхождению и призванию, так что мог возразить любому. И возразил:

— Против зимы я не возражаю,— возразил Евсей Фомич, член партии пассажиров с девяностого года,— но зима находится за окнами, а не здесь.

Наверное, он был прав, этот пассажир. Пассажиры — они всегда правы. Но проводнику без страха и упрека Нине Чучуевой подобные выражения были, что снежная пыль в лицо. Она только прищурила один глаз и оглядела пассажиришку другим, неприщуренным. И еще сказала, вежливо перейдя с мата на «вы»:

— А перед окнами, по-вашему, значит, не зима? — Она посмотрела на Евсея Фомича безжалостно, опять прищурив один глаз и опять не прищурив другой, и смотрела до тех пор, пока не удостоверилась, что Евсей Фомич от ее взгляда съежился и ослабел душой. А может, он ослабел не от взгляда, а от холода, но что ослабел — факт. Потому что он говорить продолжал, а его и слышно-то почти не было. Да и говорил он ерунду — бредил, скорее всего:

— Перед окнами,— бредил Евсей Фомич,— надо, чтоб тепло было. А то, за что ж боролись все время, жизни клали куды зря и деньги за билеты платили, если оно холодно и чаю не наливают?

Старый кадровый проводник-наставник Нина Власьевна дала достойный отпор этим псевдопассажирским бредням:

— Чаю не будет! — таким был ее отпор.— Потому что титан, благодаря многолетним разрушительным действиям со стороны, проржавел до осей, чем льет воду на рельсы. Менять его надо к едреной бабушке, на свалку истории!

— Тогда уж весь вагон,— простучал зубами сквозь собственный стылый шепот все еще пассажир Евсей Фомич, и пар из его рта стал совсем невидим.— Или весь поезд к бабушке на свалку.

Заслуженный проводник республики, видный общественный деятель службы движения к светлому будущему Нина Власьевна Чучуева поняла, что с ее так называемым оппонентом говорить бессмысленно, и спросила сама у себя:

— А что толку? — спросила она.— Когда дорога... Одна слава, что железная.

— И дорогу туда же! — несмотря на то, что его не спрашивали, выкрикнул окоченевший некто и, подозрительно дернувшись, замолчал.

Так как обращаться теперь было точно не к кому, персональный проводник железнодорожного значения, проводник соцтруда Нинель Власьевна Чучуева сказала ни к кому не обращаясь:

— Не,— сказала Нинель Власьевна,— дорогу не получится. Ее еще при каком-то царе Горохе — то ли Васильевиче, то ли Петровиче, не помню,— на века строили. Ее, когда весь мир насильем рушили, и то разрушить не смогли. А вот расписание, дорогой наш любимый пассажир — не знаю твоего имени-отчества,— мы заменим, и светлая память о тебе навсегда останется в наших сердцах.

Она промокнула уголки глаз мизинчиком, постояла секунду скорбя, потом встряхнулась решительно и решительно же произнесла:

— А вообще-то не баре, и так поездим, тем более что лето не за горами.

ДОМ

Женя построил дом. Десять на двенадцать — как положено. Сам построил. Своими руками. Пять комнат, кухню, ванную, туалет, веранду. Все сам. Из кирпича б/у. Старого то есть. У него на заводе цех ломали, который в тридцать третьем году пущен был в эксплуатацию, из этого кирпича он свой новый дом и построил. Каждый кирпич от раствора отскреб и на свое место уложил. И строил не очень долго. Семь лет всего. Конечно, из старого кирпича строить дольше и хуже. Зато нового не достанешь и дорого. А б/у — он, считай, дешевле привозки обошелся. А что семь лет строился Женя, так он бы и быстрее мог. Если б строителей нанять. Но он же сам строил, один. Все своими руками. Да он и сам бы мог быстрее построиться, так Галка рожать начала. За три последних года два раза рожала. То жили, жили — и ничего, а тут два раза. Кесарево сечение оба раза делали и оба раза удачно. Теперь есть кому дом оставить. Против детей они с Галкой никогда ничего не имели. Просто болела Галка после Вологодской области. Они когда поженились, в Вологодскую область ездили, по вербовке на лесоповал. Чтоб денег заработать на дом. Там она и стала болеть. Почками и зобом. Две операции уже делали — камни вырезали из почек и зоб тоже вырезали. Но денег они заработали. И дом купили. Не этот, а первый. Он тут же и стоял. Маленькая такая развалюха. За шесть тысяч всего купили. Женя ее лет пять потихоньку достраивал — в отпуске, по выходным, после работы. Фундамент новый под стены подвел, комнату пристроил, крышу поменял. Высокая крыша получилась, крутая. На чердаке — хоть конем гуляй. Летнюю кухню тоже выстроил. Она и сейчас стоит вот. А дома того нет. Дом сосед спалил. Напился до

поросячьего визгу и спалил. Женя только строиться кончил и на неделю с Галкой в Евпаторию уехал. У него тетка там. Хотел раз в жизни отдохнуть. Ну, они поехали, а сосед на третий день дом и спалил. Так что они всего день на море побыли — и назад. Сосед, правда, повесился к их приезду. Снова, значит, нажрался, поналивал во все колодцы мазута и повесился. Милиция приехала про пожар его спрашивать, а он висит. Они его увезли, экспертизу сделали и в институт сактировали, чтоб студенты на нем обучались, потому что все равно его никто хоронить не хотел. А дом сгорел. Собачья будка и то сгорела. Все, короче, сгорело. Одна летняя кухня осталась.

Ну, Женя посмотрел на угли и новый дом начал строить. А жить пошел к брату по отцу квартирантом. Там, у брата, полуподвал есть. Сыроватый, но жить можно. Жалко, вещи в нем влажные делаются и плесенью пахнут. Когда дом горел, вещи успели вытащить. И холодильник вынесли. И шкаф. Телевизор не успели, а это все вынесли. Оно, в полуподвал больше б и не влезло ничего, а так еще и кровать встала. Женя с Галкой в этом полуподвале уже жили когда-то. До Вологодской области. Брат не возражал. Двадцать рублей в месяц платили — и жили. Вообще-то в этом доме, который теперь брата, Женя и родился. А когда мать под поезд попала — ему четырех лет не было,— отец заново женился и к жене ушел жить, а он, Женя, с бабушкой в этом доме остался и еще двадцать пять лет с ней прожил, школу закончил вечернюю отличником, институт. Потом поехал в командировку на месяц, а приехал — бабушку хоронят. Дом отцу по наследству перешел как бабушкиному сыну, а он — отец — его своему сыну, но не Жене, а другому, от второго брака, подарил. И Женя квартирантом стал жить в полуподвале. Сам жил, потом с Галкой, а потом они на три года лес поехали валить по вербовке. В Вологодскую область. А когда дом сгорел, они снова в полуподвал к брату перебрались. Четыре зимы перезимовали, потом дети родились, первый Антон, второй Даниил. Один Женин знакомый говорит: «дети подземелья».

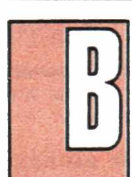
Когда дом у Жени сгорел, ему люди советовали в очередь на квартиру стать. Как погорельцу ему бы дали в течение трех лет. Но Женя — ни в какую. Страховку получил — тысячу сто двадцать рублей — и новый дом строить начал. Еще на работе ему помогли. Он и не просил, а ему помогли. Двести рублей материальной помощи выписали и кирпич б/у разрешили купить, когда старый цех ломали. А тогда не то, что сейчас, тогда с нетрудовыми доходами борьба шла и этого по закону не положено было. А ему разрешение дали, официально. Женя кирпич завез, цемент достал и начал. Семь лет строился. Если б денег чуть больше иметь, можно было б и за три построить. Заплатить строителям, и все. Но у Жени зарплата с премией, если она есть, двести десять грязными и Галкиных восемьдесят. Она в больнице на раздаче работает. Еду больным раздает в эндокринном отделении, а когда болеет, ее там же, на работе, лечат. И им хорошо, и ей. Платят, правда, восемьдесят рублей. Но она кое-что с работы приносит. Больные ж не все в столовую ходят, многие домашним питаются, вот и остается. То яйца, то тефтели, то суп. Она это и приносит. Пожрать Женя не дурак, кота с собакой тоже надо кормить. Таскать только Галке тяжело. Больная она все-таки, таскать много не может. Хотя жили они и без этого. В двух декретах Галка была — с голоду не померли, кур держали, огород тоже. А получи квартиру — даже если б ее тогда дали? Они с Галкой вдвоем были, значит, однокомнатную могли бы дать. Что в ней делать? А тут как раз двое детей. В полуподвале с ними, конечно, плоховато было жить, особенно когда их двое стало. Но с двумя они там, считай, и не жили. Года полтора, может. А потом Женя дом построил... Первый, который сосед спалил, пять лет только достраивал, а этот за семь лет полностью построил. С погреба начал — и все сам. Если этот дом продавать, тысяч тридцать можно бы просить, а то и тридцать пять,— место хорошее, до центра города электричкой двадцать минут, железная дорога рядом, огород прямо под насыпью начинается. Конечно, кому-то может не понравиться, что поезда грохочут, но у Жени нервы крепкие, недаром он никогда на больничном не был. Да и Галка тоже жила тут — ничего. И дети привыкнут. Правда, недавно товарняк с путей сошел, шестнадцать задних вагонов. Несколько домов раскрошило, а Женин не тронуло. Забор повалило, и все. Комиссия установила, что полоса отчуждения не соответствует нормам. Еще повезло, что платформа недалеко, и поезда тут скорость сбрасывают. А то было бы. Но теперь полосу отчуждения расширяют, чтоб соответствовала нормам и чтоб люди не пострадали, если еще авария случится. Всю улицу уже выселили и дома снесли. Один Женин дом остался. Новый. Женя говорит, что с ним вместе могут его дом сносить, пожалуйста, а без него — нет. Ему уже и свет отрезали, и газ, а он все живет и живет с Галкой и детьми в полосе отчуждения, живет и живет.

Никого вокруг больше нету. Только они.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

СТАРИЧОК

Вышел на улицу старичок. Наверное, в магазин или еще куда, по своим надобностям. А на улице вечер почти и скользко. Но он все равно вышел. Дома хоть и телевизор, и газету сегодня приносили, а все же... На улице люди ходят, окна светятся изнутри красиво, шум разный, жизнь всякая. Только вот скользко и вечер почти. Он, старичок то есть, может, и раньше бы вышел, да к нему гость приходил от завкома. Год как вчистую на пенсии, а его помнят. Недаром, выходит, до семидесяти лет без малого горбатился. Теперь уже год отдыхает по старости, а этот, от завкома, пришел.

— Как,— говорит,— жизнь, Семеныч?

А старичок говорит радостный:

— А что жизнь? Жизнь она и есть. Да. Только Степаныч я.

— Я и говорю Степаныч,— говорит этот, от завкома.— Ты, Семеныч, глохнуть, что ли, стал? А я тебе, значит, это, удостоверение принес. «Ветеран комтруда» называется. На вот торжественно, распишись. И ценный подарок, значит, это. Тоже распишись, тут вот, где пять рублей. Бери и держи хвост котлетой, бабке — привет от завкома.

— Нету бабки. Пять лет уже как.

— А, ну, значит, это.

Гость сложил ведомости в красную папку и ушел. А старичок весь день дома просидел с удовольствием — удостоверение читал, подарок рассматривал. Хороший подарок. Пушка вроде бы на вид, блестящая такая, гладкая, а потянешь за дуло — и вылезает из него штопор. Красиво. Не зря, значит, горбатился до семидесяти лет без малого. Помнят там, в завкоме. Надюха, жалко, не дожила. Так бы оно еще веселей сейчас было. А так, конечно, не то.

Короче, сложил старичок подарок с удостоверением в шифоньер, подогрел себе на первое суп из пакета, на второе пельменей рыбных сварил, поел, помыл тарелку, выкурил сигаретину «Прима», дым в форточку пуская, надел костюм, тот, что с Надюхой в военном магазине покупали то ли на серебряную свадьбу, то ли на шестьдесят лет, в общем, когда в ресторан ходили. Балюк тогда еще салат испортил, водку в него уронил вместе с рюмкой. Так и выкинули салат.

Сверху старичок шапку надвинул, полупальто-московку на все пуговицы застегнул, обулся хорошо, в бурки — сосед Яшка ему недавно сшил, перед тем, как сгореть от денатуры. Хорошо сшил, по ноге. Только подошвы резиновые не успел притачать, как обещал,— сгорел. Теперь, конечно, бурки скользят, а если мокро, то и промокают. Но когда мокро, старичок их не носит. Были бы галоши, тогда другое дело, но галошей нигде нету. И куда они, интересно, подевались? Раньше же сколько было галош, да, теперь нету.

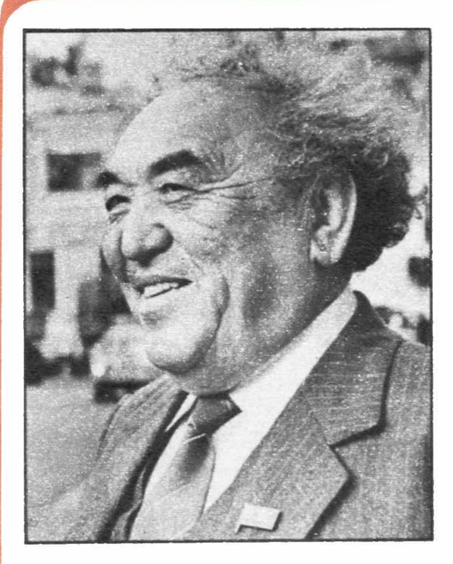
Запер старичок дверь на оба замка и вышел на улицу. Наверное, в магазин решил сходить, хлеба купить или, может, колбасы. У них в магазине часто колбасу выбрасывают, рублевку. Хорошая колбаса, по рублю кило. А если ее отварить, то совсем получается вкусно. Любит старичок, чтоб вкусно. Он и молодым это любил. Селедочку с луком, картошку в духовке испечь. А то еще борщ Надюха варила с коровьими хвостами. Вкуснейшая вещь, да. Хорошо. Только улица, черт, перед вечером сильно остыла, ветер порывами задул нервно, снег скололся, по щекам просекает, и скользко. И опять чего-то старичку Балюк покойный вспомнился. Ведь не попробовал он тогда салата. Не успел. А подарок красивый от завкома, надо ж придумать — пушка, а в ней штопор. Ну дают, и всего пять рублей. Не разогнались, конечно, в завкоме, но все ж таки помнят, что до семидесяти лет без малого честно. И не из-за денег, как другие. Что деньги? Что на них покупать, на эти деньги? Костюм еcть, московка, плащ тоже хороший, с подстежкой,— сын забыл, когда на похороны Надюхины приехал,— ботинки, телевизор, холодильник, бурки вот. Все есть. За квартиру заплатить, газету выписать, поесть чего-нибудь, а что еще? Ну, Надюху похоронить много стоило — это да. Так это когда было! И дождь лил проливной. Если б не дождь, гораздо дешевле бы обошлось. Да. Галоши, правда, надо купить к буркам, да нету их нигде. В магазине сказали: «Не выпускают промышленностью». А так — какие деньги! И пенсия-то остается. Если б еще выпивал, так, может, и не хватало, а без этого — свободно. Так что не в деньгах дело. Не из-за них до семидесяти лет без малого. Вот и в завкоме понимают. Пушку подарили со штопором. Жаль все-таки, что не выпивает он давно и что бурки Яшка резиной подбить не успел, как обещал, скользко без резины ходить, а галош нету.

Старичок осторожно ступал маленькими шагами, не отрывая ног от обледенелого тротуара, ступал не спеша, с разбором, спокойно и аккуратно. Поэтому совсем непонятно было, почему он вдруг судорожно взмахнул руками и опрокинулся на спину, почему не стал, кряхтя и потирая ушибленные места, подниматься, а остался лежать в желтом свете вспыхнувшего в этот миг уличного фонаря, быстро желтея лицом.

И вообще, зачем выходил человек, когда почти вечер и так скользко?

Непонятно.

Днепропетровск.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

В БАРНАУЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПОЭМЫ

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

БЛОК

На закате дня, когда свинцово
Сумерки на землю опускались,
Нас, приговоренных к долгим срокам,
Лириков, священников, воров,
Обреченных на этап, собрали
В деревянной церкви в Барнауле.
Не отапливался Божий храм,
Было душно, холодно и шумно,
И в тяжелом шуме мы искали
Тех, с кем познакомиться успели...

II

Те, кто были согнаны сюда,
Прежде не молились никогда,

Но лучи таинственного света
Загорались в бывшей церкви этой,

И казалось нам: нездешний свет,
Из давнишних низошедший лет,

В полумгле сияет темно-серой.
Здесь дышала радостная вера

Посреди заиндевевших стен,
Побеждая горе, муку, тлен.

Веру миллионов мы вдохнули
В деревянной церкви в Барнауле.

Те, кто были согнаны сюда
По суду иль даже без суда,

Те, кто скучивались, озирая
Адом ставшее подобье рая,

Поняли внезапно: русский Бог
Ни одним из них не пренебрег,

С каждым по-отцовски он горюет,
Каждому надежду он дарует,

Он жалеет в благости своей
Милосердья жаждущих людей.

Он благословляет их, как равных,—
Мусульман, буддистов, православных,

Русский, иль калмык, или казах
Одинаковы в его глазах,

Как бы говорит он: «Сбросит время
Полное обид и горя бремя,

Те, кто нарекли самих себя
Повелителями бытия,

Те, на коих смотрят все со страхом,
Завтра станут пылью, станут прахом,

Те, кто неповинных ввергли в ад,
Лишь мгновению принадлежат!»...

И глядят апостолы, жалея
И безгрешного, и лиходея.

Вот баланды маленькую радость
В церкви заключенные вкусили,
Все рассказывают небылицы,
Но с доверьем слушают друг друга:
Не поверишь, значит, и тебе
Не поверят. Каждый утверждает,
Даже тот, кто получил свой срок
Не по пятьдесят восьмой,— что здесь
Без вины сидит, по оговору,
По навету злому. А меж тем
Про себя все думают: «Без дыма
Нет огня, навряд ли просто так
Взяли... Вот меня — другое дело».
Только одинаковость смущает
Приговоров: неужели все
Одинаково перед законом
Виноваты?..

В самом дальнем уголке, где выступ
Каменный лоснится, собрались
Те, кто ночкой вьюжною ограбил
Сберегательную кассу. Стали
Выяснять, кто заложил их. С бранью
За грудки хватаются, и каждый
Вор клянется: заложил не он.
Но один из них, видать, пахан,
Коренастый, щурясь темным взглядом,
Приказал, чтобы прекратили гвалт.
Мы услышали, как кто-то крикнул:
«Это все брехня! Брехня! Пустите!» —
Изо рта, откуда выпал кляп,
Хрипло вырывалось оправданье.
Понимали мы: сейчас случится
Нечто страшное. Свою беседу
Прекратили мы. Чутьем звериным
Чувствовали: быть большой беде.
Церковь онемела. А бандиты,
Догадавшись, что мы слышим их,
Притворились, будто веселятся,
Друг на друга падают, сжимаясь
В плотное кольцо. Какую тайну
Прятали они от очевидцев?

Вдруг раздался в деревянной церкви
Вопль нечеловеческий, животный,
Будто под ножом свинья визжала.
Вслушивались мы в испуге. Кучка
Тех воров, как будто по приказу,
Дрогнула, распалась. Вслед за каждым,
Словно бы гналась за ним, бежала
Широко разлившись, кровь. На шее
Мертвеца пока еще держалась
Голова. Был тряпкой заткнут рот.
Рядом — острая стальная бритва:
Утром передал ее пахану
Повар, и теперь она лежала
Удовлетворенная, что дело
Сделала свое. К нам подошел
С наглою усмешкою бандюга.
Он сказал, уверенный, что мы
Засвидетельствуем: «Наш чувак
Испугался каторжного срока,
Лютого сибирского мороза,
Бритвой он...» И, словно шут, кривляясь,
Крупною рукой провел по горлу,
Не заботясь: верим или нет
Лжи его,— он знал, что мы боимся,
Что его слова мы подтвердим.

Здесь, в родной стране, где стар и мал,—
Все объяты страхом волосатым,
Где не слову верим, а ножу,
Где угодливо смеемся там,
Где должны мы были б горько плакать: —
Скажем всё, что нам сказать велят,
Хоть на Библии заставят клясться,
Белое мы черным назовем:
Это понимали все бандиты,
Властелины лагерей и тюрем.

Разве тот, кто правил всей державой,
Постепенно потерявшей святость,
Как и эта церковь в Барнауле,—
Разве не был он паханом в маске
Полководца, мудреца, вождя?
Разве ножницы его усов
Не перерезали горло жертвы,
Чтобы в жадной пасти лагерей
Гнило обезглавленное тело?

Разве не заставил нас, дрожащих,
Руки поднимать одновременно
И одновременно опускать?
Разве, нашим насладясь покорством,
Он народами не управлял
Точно так, как управляли воры
Нами, заключенными?

III

Однако
Неожиданно для нас сегодня
Вдруг сопротивление возникло.
С места встал старик и без боязни
Вору-душегубу он сказал,
Голоса не повышая: «Знаю,
Это ты зарезал человека».
Оскорбленным притворясь, ворюга
Старца угрожающе спросил:
«Кто ты? И чего болтаешь, фраер?»
«Я священник»,— отвечал старик.
Рассмеялся вор ему в ответ:
«Поглядите на него: вражина
Опиумом отравлял народ,
А теперь клевещет на меня,
Злясь, что я советский человек».
Свой кулак он поднял здоровенный,
Но тот парень молодой, что рядом
Со священником стоял седым,
Подлого ударил в подбородок.
Вор, подпрыгнув, повалился на пол,
«Грех»,— сказал священник белоглавый.

Из толпы другой выходит парень:
Комсомолец с детскими глазами,
С головою золотой, как солнце.
После окончания уборки,
Собирая хлебные колосья,
Чтобы голодающим братишкам
Зернышки на зубы положить,
Заработал срок, когда попался.
То, что здесь произошло, увидев,
Он затрясся в ужасе, и, словно
В приступе внезапном малярии,
Стало пепельным его лицо.
Он зубами клацал в забытьи,
И, как бы очнувшись, подбежал
Он к дверям, руками и ногами
Стал он бешено стучать, крича:
«Ой, ратуйте, люди, убивают!»

Двери приоткрылись. Часовой
Показался. Парень, обезумев,
Оттолкнул плечами часового,
Ринулся на Божий свет. Ужели
Он в отчаянье решил бежать?
Или впрямь, рассудок потеряв,
Испугался: так сайгак в степи,
В трепете мистическом дрожа,
Убегает, испугавшись волка.

Но отменно службу исполнял
Часовой, как видно, полагая,
Что поступок смелый совершает,
Как боец на фронте. Пареньку
Безоружному, почти подростку,
Щуплому, как будто по уставу
«Бей, руби, коли», как будто с рослым
Немцем он схватился в рукопашной,
Он прикладом, сделанным из дуба,
По виску нанес такой удар,
Что рассек он череп комсомольцу.
Тот упал. И кровь струею вверх
Из пробоины забила. Церковь
Деревянная завыла гулко.
Часовой позвал солдат на помощь,
Сам в дверном проеме он предстал
Перед заключенными, и трижды
Выстрелил он вверх. В проеме этом
Возвышался часовой, как в раме,
Заслоняя ясный день от зеков,—
Олицетворение судьбы.

«Если двинетесь, я всех на месте
Уложу. Ложись!» — Он закричал
В страхе, в исступлении и в злобе.
Кровь, разлившись ярко, покрывала
Пол цветным ковром. Упали зеки
На пол. Оказалось, что из трех
Выстрелов один попал в окно,
Два других две дырки просверлили
В голове Христа, как будто Бог
Палачом был предан новым мукам,
Будто, сострадая нам, Христос
Принял эти две безумных пули.

Перевел с калмыцкого С. ЛИПКИН

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Тема очень сложна. Мы следили, чтобы в этом номере не было больше материалов, затрагивающих ее же. Мы обкладываем статью Н. Бердяева большими и мягкими подушками комментариев и жесткими, если не сказать больше, цитатами из некоторых сегодняшних публикаций именно потому, что не хотим, чтобы позиция наша могла быть хоть в чем-то неясной. Так уже вышло, что целый ряд изданий ищет причины советских бед в злодействе неких вредоносных наций, а не в социальных корнях, в принципиальных дефектах сложившейся у нас политической и экономической ситуации. Многим виновникам недавних провалов, хорошо (пусть и затаенно) знающим степень своей вины, выгодно отводить от себя угрозы, направляя их на кого угодно: кооператоров, иностранное радио, инородцев. И здесь все становится серьезным, взрываясь забастовками в Азербайджане и Молдавии, Грузии и Эстонии, Армении и Узбекистане. Несколько лет назад в столице Казахстана бушующие юнцы склонны были верить, что русские обездолили их; русские, а не кунаевщина. Русские подбрасываются в качестве удобного для отвлечения народного гнева противника во многих национальных республиках, округах, областях Советской страны. Ситуация нелепа, антиконституционна, но творцам застоя выгоднее выискивать «виновный народ», чем признать собственную вину и оказаться лицом к лицу с жаждущими ответа.

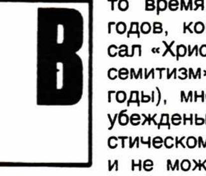
В России труднее. В России издавна роль этаких национальных злодеев, «преступной нации» бюрократия и существующая при ней журналистская «группа обслуживания» сваливала на евреев, толкая в их сторону не шибко образованные, но подозрительно хорошо организованные отряды шариковых. Это всегда вызывало протесты прогрессивной российской интеллигенции, издавна стремившейся к поискам настоящих причин бед и надежных путей спасения. Как на любом крутом историческом повороте, в годы перестройки вскрываются (а порой и расковыриваются умышленно) многие старые раны. Итак, мы ждем ваших откликов на публикации, связанные с национальными проблемами в нашей стране, в том числе и на эту.

Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается.

Игорь ШАФАРЕВИЧ,
«Наш современник», № 6, 1989 г.

«Антисемитизм», как и всякий «анти», возникает не на пустом месте... Не секрет, что в партии большевиков евреи составляли значительный процент. Не секрет, что руководители еврейской национальности активно участвовали во всех случаях геноцида русского народа... После окончания гражданской войны руководство новоиспеченной каторги — Беломорско-Балтийского канала СПЛОШЬ состоит из лиц еврейской национальности. Непропорционально высок процент евреев в руководстве ОГПУ — НКВД... Коллективизация. Возглавлена наркомом земледелия Яковлевым-Эпштейном. После приезда Кагановича на Дону лежат по оврагам сотни отрубленных голов с вырванными золотыми зубами... Некоторые евреи очень любят твердить о многочисленных обидах и поношениях, кои потерпели от «великорусских шовинистов». Так пусть же они попытаются понять обозленного русского, сидящего посреди развалин России, и не сваливают на Сталина преступления Ягоды, Бермана, Когана, Кагановича!

Александр БУШКОВ,
«Красноярский комсомолец»,
20 июня 1989 г.

то время, в начале 30-х годов, когда Бердяев писал «Христианство и антисемитизм» (то есть в 30-е годы), многие у нас были убеждены, что в социалистическом обществе нет и не может быть «еврейского вопроса». Так утверждал Сталин, отвечая на вопросы иностранных журналистов. Но полвека спустя все-таки ясно (и в этом Бердяев оказался неоспоримо прав): «трагический еврейский вопрос» все еще неразрешим.

Бердяев рассуждает как христианский богослов и просвещенный философ и искатель правды. Его последовательные, спокойные аргументы должны быть убедительными для тех, кто не поддается дурнящей лжи расистских мифов. Однако ни заповеди Евангелия, ни свидетельства истории не убеждают тех, кто одержим слепой ненавистью, кто все свои беды и все беды вокруг себя объясняет только происками злокозненных чужаков, «жидо-масонов», иноверцев, иноземцев, инакомыслящих... Недоверие к чужому, инородному, недоверие, рождающее страх и ненависть, растет из подсознания, из недр какого-то нечеловеческого инстинкта. Этим врожденным недобрым инстинктам издревле противоречат человечные мысли и чувства, мечты о времени, когда лев будет лежать рядом с ягненком.

В первом столетии нашей эры апостол заклинал: «Теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь. Но любовь из них больше» (Павел к коринфянам. I,13,13). Однако сегодня на нашей все более тесной планете отнюдь не слабеет вражда между разноязыкими и разноверующими народами. Антисемитские мифы, многократно, убедительно опровергаемые, находят все новых неистовых проповедников и доверчивых послушников.

Необычайно живучи эти зловещие мифы, освещенные кострами инквизиции, заревами погромов, огнем освенцимских крематориев, но все так же непроницаемо темные, как сотни лет тому назад...

Необычайно разнообразны те, кто проповедовал вражду к евреям,— расчетливые политиканы, ученые-расисты и безграмотные погромщики.

Однако не менее разнообразны и те, против кого направлена неостудимая ненависть антисемитов.

Говорить о евреях как о расе или этносе нельзя. Ведь уже в библейские времена деления на «12 колен», на Иудею и Израиль означали племенные этнические различия. Древнее еврейство было религиозно-политическим союзом разных племен, а все последующие войны, пленения, завоевания и два тысячелетия рассеяния только усиливали и умножали биологические и культурно-психологические различия между потомками этих племен. Совершенно очевидны различия между сефардами и ашкенази, между африканскими, среднеазиатскими, аравийскими, кавказскими, китайскими, индийскими евреями. Они так же, как евреи разных европейских стран, различны по языку и по внешнему облику, по образу жизни и по мировосприятию и часто отличаются друг от друга не меньше, чем те народы, среди которых они живут.

Но тем не менее понятие «еврей» связывает между собой французского офицера Дрейфуса и киевского плебея Бейлиса, американских интеллигентов Этель и Юлия Розенбергов, которые казнены в 1953 году как «русские шпионы», и московских врачей, в те же самые дни объявленных «убийцами в белых халатах — агентами империализма США».

Принято считать евреями тех ученых и литераторов разных народов, разных стран, чьи деды или родители считались евреями, а они не хотели отречься от гонимого, дискриминируемого племени.

В конце XIX века в Австро-Венгрии, России и Франции усилились антисемитские гонения. Новый расистский антисемитизм не признавал уже ни крещения, ни ассимиляции. Теории Гобине и Х. Чемберлена подготовили практику Гиммлера — Эйхмана, антидрейфусары и погромщики из «Союза Михаила Архангела» были прямыми предшественниками фашистских палачей. Идеи и мифы сионизма возникли и развивались в сознании тех, кто хотел сопротивляться погромам, спасать своих близких от Освенцима и Бабьего Яра, противопоставляя смертельным угрозам, гонениям и унижениям древнюю мечту и новое мужество.

Но все горестные и страшные воспоминания, разумеется, не могут оправдать сегодня тех израильских ультра, которые изгоняют и унижают палестинских арабов. Ссылки на гибель миллионов европейских евреев, на бессмысленный терроризм арабских фанатиков не оправдывают трагедии палестинских беженцев, массовых репрессий в районах, оккупированных израильскими войсками... Так же, как, с другой стороны, никакие ссылки на действительные и мнимые злодеяния израильских солдат не оправдывают системы «регулирования национального состава кадров», которая от старой царской «про-

центной нормы» отличается только лицемерной секретностью.

Светлана Аллилуева рассказала, что Сталин был антисемитом. Но при нем откровенные жидоеды еще не публиковали свои романы и «научные» трактаты.

Впервые с «еврейским вопросом» я столкнулся в 1942 году на фронте. Но антисемитские настроения в некоторых частях мы сами себе правдоподобно объясняли влиянием «новых граждан» — жителей Западной Белоруссии, Западной Украины, прибалтийских стран, которые, мол, так «буржуазно» воспитывались, в том числе нацистской пропагандой, более умелой, чем наша.

В 1943 году то ли на февральском, то ли на июльском Пленуме ЦК Сталин сказал (привожу его слова, как они были записаны членом Военного Совета фронта, который прочел их на собрании работников Политуправления без каких-либо своих комментариев): «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы всегда его правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране великая великорусская нация, а это надо понимать!» В том же разделе речи он сказал, как бы походя: «Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом».

Вскоре после этого появились и первые распоряжения, разумеется, сугубо секретные, чаще всего только устные: об отстранении евреев с командных постов, о сокращении количества еврейских фамилий в наградных списках и т. п. Тогда это объясняли необходимостью противоборствовать антисемитской пропаганде нацистов.

В чем заключаются существенно новые особенности «еврейского вопроса» в наши дни?

В России и в СССР действительно существовала еврейская нация — примерно 4 миллиона человек говорили на одном языке, многие исповедовали одну религию, развивалась еврейская национальная литература (Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, Маркиш, Фефер, Квитко, Бергельсон и др.), театр Михоэлса и Зускина.

Принадлежность к этой нации — как и к любой другой — определялась реальными внешними связями между людьми, а также внутренним культурно-языковым сознанием. Национальное самоопределение личности было в значительной степени делом свободного выбора. Тот, кто родился евреем, но вырос в русской или украинской среде и не ощущал, не сознавал себя иным, чем его друзья, товарищи, земляки, мог — до 1917 года, крестившись, а позднее и просто так — считать себя русским или украинцем.

Значительная часть еврейской нации в нашей стране была истреблена. Гитлеровцы в 1941—1944 годах истребляли радикально быстро и откровенно. Сталинские истребители действовали постепенно и лицемерно потаенно. Одновременно шел процесс ассимиляции, наметившийся давным-давно, ускоренный революцией и хотя затрудняемый, но все же неотвратимый.

Вследствие этого от еврейской нации в СССР теперь остались только разрозненные общины — главным образом в западных областях и рудиментарная «автономия» Биробиджана.

Но зато тем большее значение приобрел и продолжает приобретать пресловутый «пятый пункт» анкеты; в некоторых учреждениях и учебных заведениях его дополняли двойным подпунктом: «национальность отца и матери». Таким образом, теперь национальность определяется не свободным выбором, не языком, не культурой (или религией), не национальной средой, в которой вырос, воспитан и живет гражданин первого в мире государства, провозгласившего интернационализм одним из принципов своего существования, а только неким биологически-генеалогически-административным роком.

Но сталинский антисемитизм вовсе не был исключительным, случайным отклонением или болезненной манией. Преследование «безродных космополитов», «агентов Джойнта» и т. п. было закономерным следствием всей великодержавной геноцидной политики. В 1936—1937 годах дальневосточные области были «очищены» от китайцев и корейцев, изгнанных за рубеж или переселенных в Среднюю Азию; тогда же Ленинградскую область «очистили» от финнов и эстонцев; в 1937—1941 годах выселяли поляков из старых и новых областей у западной границы; в 1941 году за одну ночь ликвидировали Республику немцев Поволжья; в 1943—1944 годах расправились с калмыками, чеченцами, ингушами, балкарцами, крымскими татарами, карачаевцами, месхами, а также с болгарами; в 1947—1952 годах выселяли на восток тысячи латышей, литовцев, эстонцев и западных украинцев. А в 1953 году предстояло выселение евреев и абхазов.

Политика, проявившаяся во всех этих переселениях народов, стала источником обостренных национальных противоречий и вызвала рост во всех национальных республиках и областях националистических теорий.

Впрочем, в этом наша страна не исключение. Национальные и националистические движения растут по всей земле — даже в тихой Швейцарии, в Уэльсе, а всего более в Африке, в Азии, в Латинской Америке, у негров в США. Процессы бурного становления новых и возрождения старых национализмов оживляют древние и создают новые мифы, обостряют давние и вызывают новые противоречия и трагедии.

В 1947—1953 годах официальные сообщения и неофициальные слухи о еврейском национализме в СССР, о заговорах, террористических актах и т. п. были злонамеренной ложью сталинских черносотенцев. Они использовали старые средства отравления душ, полагая, что их действенность подтверждена опытом гитлеровцев.

Сталин принял в наследство политический опыт уже разгромленного Гитлера, видимо, полагая, что побеждены были нацистские войска, а не нацистские идеи. Сталинцы переняли мирodержавные претензии нацистов и вместе с ними антисемитские мифы о мировом заговоре «сионских мудрецов» о вечной несовместимости еврейской крови с арийским духом.

Раньше ядовитая ложь распространялась шепотом, но выразительно подкреплялась громогласной травлей «космополитов» и стала куда более убедительной, чем вся казенная риторика об интернационализме и дружбе народов. Сегодня новые откровенные черносотенцы уже вещают безоглядно.

Я не знаю, сколько советских граждан с еврейскими паспортами хотят сегодня покинуть страну. Но это чаще всего молодые люди. Среди них немало таких, чьи родители и даже деды уже считали себя русскими, украинцами, белорусами, есть и дети смешанных браков, обладатели «чистых» паспортов. Этих юношей и девушек загнал «обратно» в еврейство безликий административный рок, мешая им поступить в институты, выбирать работу, снова и снова доказывая, что они хуже тех, кто не запятнан еврейскими генами, что отмечены некоей каиновой печатью. Наперекор этому року, наперекор брезгливой вежливости или откровенной грубости «кадровиков», отказывающихся принять заявления («для таких, как вы, у нас вакансий нет»), наперекор злобным окрикам в очередях, в электричках, в троллейбусах эти юноши и девушки начинают воспринимать клеймо как знак избранничества. Они изучают иврит, слушают радио Израиля, сознательно превращают себя в израильтян, добиваются отказа от советского гражданства.

Старые и новые сталинцы пытаются заглушить, затемнить историческую правду, разжигая межнациональную вражду, возбуждая недоверие к другим народам. Для них антисемитизм — проверенный оселок для оттачивания любых шовинистских клыков. Поэтому нельзя оспаривать антисемитизм, не оспаривая и других проявлений великодержавного и всех прочих видов шовинизма.

Так же как нельзя оспаривать антисемитскую мифологию, не оспаривая мифологии сионистской, не возражая против жестоких реальностей сионистской политики в Палестине.

Необходимое условие для решения этих, как и всех других проблем нашей общественности и культурной жизни, разумеется, гласность. Только в открытых прямых дискуссиях можно опровергнуть и злонамеренную ложь, и живучие небылицы и прояснить хотя бы ту простую истину, что у нас понятие «евреи» до сих пор служит для обозначения по меньшей мере четырех существенно разных групп населения:

— евреи-израильтяне — те, кто считает своей родиной Израиль и хочет туда уехать;

— евреи, сознающие себя особой национальностью, но считающие своей родиной Советский Союз — страну, где жили многие поколения их предков; они хотят здесь иметь свои очаги национальной культуры; их язык — идиш, а не иврит израильтян;

— те евреи, которые говорят на двух или даже на трех языках и живут одновременно в двух национальных сферах. Таким был, например, Э. Казакевич, русский прозаик и еврейский поэт;

— евреи только по паспорту, то есть русские, украинцы, белорусы — потомки еврейских семей, которых с дедами уже не связывает ничего, кроме одной строчки в паспорте и анкетах.

Для большинства людей, числящихся в СССР евреями, сегодня понятием «еврей» определяется, по сути, не национальность, а некое наследственное социальное положение, сословие, подобно тому как в 20-е годы были «лишенцы», в 30-е — родственники репрессированных, а в 40-е — почти все, кто побывал в плену или в оккупации.

Я принадлежу к этому еврейскому сословию русского народа. Мой прадед-кантонист был русским солдатом и воевал в Севастополе, мой дед — строителем, укреплял берега Десны и Днепра, выбился из рабочих в подрядчики, мой отец-агроном больше полувека работал на русских и украинских полях, мои дяди и братья похоронены в русских солдатских могилах.

В годы войны и для немецких солдат, и для польских граждан я был русским офицером, а теперь для всех зарубежных друзей и для многих соотечественников я русский литератор.

Однако моим внукам — детям «смешанных» браков еще приходится встречать недоверие и неприязненные взгляды, мол, «полукровки», «нечистая кровь».

Верю, что именно ученики Бердяева когда-нибудь объяснят и трезво растолкуют природу исторической судьбы Агасфера — Вечного Жида. До сих пор это не удавалось ни ученикам Маркса и Ленина, ни ученикам Ницше и Фрейда.

Надеюсь, хочу надеяться, что для моих правнуков проклятый «вопрос» уже не будет трагическим.

Без надежды трудно жить.

Лев КОПЕЛЕВ

Евреи же молодцы. История ли выучила, личный ли опыт, но они, как правило, не дают друг друга в обиду, быстро реагируют на изменчивость обстоятельств, действуют дружно и энергично. Порой просто поражаешься их связям друг с другом, быстроте передачи нужной и полезной информации, неуклонному стремлению к самоутверждению.

Лилия БЕЛЯЕВА,
«Московский литератор», 19 мая 1989 г.

ГРАЖДАНЕ-СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Мы, патриоты русской нации, жители Сибири, имеем право утверждать, что нас продолжают угнетать иудо-масонские ставленники. Наши предки, мечтая о светлой жизни, со времен Сталина, сами того не понимая, убирали людей, неугодных деспоту и его идейному руководителю Кагану-Кагановичу... После разоблачения культа Сталина сионисты поменяли тактику, но одно до сих пор остается прежним: совершение чужими руками, в основном тех, кого они называют гоями, актов тихого насилия и уничтожения достоинства.

Всем известно, что над миром нависла новая угроза — болезнь века СПИД, но мало кто знает ее истинных прародителей — масонское лобби в США. Именно они запустили ее через проституток и гомосеков с тем, чтобы контрольным пакетом акций на излечение держать в узде нужных людей. Не будешь исполнять воли верхушки, умрешь от СПИДа, сделаешь, как надо,— выживешь...

Мы призываем всех, кому неравнодушны судьбы своих детей, встать на борьбу с голубыми — масонами, требовать самых жесточайших мер к ним.

СОЮЗ ВОЗРОЖДЕНИЯ.
Листовка, отпечатанная на ЭВМ и распространяемая в г. Новосибирске.

Если бы Иосиф Бродский творил на своем родном языке, он, вероятно, стал бы настоящим поэтом — зорким, обобщающим и живым, и не возникло бы самонадеянной причины у него, еврея, давать зарубежным изданиям и радиостанциям интервью от имени русского...

Читая стихи Галича, я испытываю все то же ощущение: человек со стороны. С чужим для него языком, с личной драмой в чужом народе...

Русского Пушкина от России не оторвать, а нерусского Бродского к России не приставить...

В субботу в Доме литераторов перед поклонниками выступает Наум Коржавин, вознесенный до небес корешами, сумевшими спастись в России, когда неистовый Наум Коржавин уехал, не снеся ига издевательств, неправд и маеты. Но вдруг из Тель-Авива*, из обетованного рая, Наум Коржавин обратил тоскующие очи на серую Россию, прилетел, уважил нас, русских...

В воскресенье — общий, хоровой гвалт когорты тех же газет во славу названных мною имен, гвалт по радио, по телевидению, гвалт со сцен библиотек, институтов, дворцов культуры, школ... Нормально ли такое? Добровольно ли такое творится? Нужна мощная организация!..

Несчастное общество «Память» — общество «дураков, мракобесов, бандитов, идиотов, пьяниц, грабителей», стыдно читать! Правда, нахальная и безразборная брань в адрес «Памяти» дает обществу новых и грамотных сторонников, а России — новых надежных тружеников.

Валентин СОРОКИН
«Наш современник», 1989 г., № 8

* Поэт Н. Коржавин живет в Бостоне (США)

ХРИСТИАНСТВО И АНТИСЕМИТИЗМ

Николай БЕРДЯЕВ

Есть несколько типов антисемитизма, которые могут, конечно, соединяться и поддерживать друг друга. Я не буду останавливаться на том эмоционально-обывательском антисемитизме, который играет немалую роль в антисемитских движениях, но не представляет принципиального интереса. С ним связаны насмешки над евреями, изображение комического типа еврея, брезгливое отношение к евреям, в отношении которых не хотят допустить человеческого равенства. С этим обыкновенно не связывается никакой идеологии. Настоящая идеология антисемитизма есть идеология антисемитизма расового, и это самая распространенная форма вражды к еврейству. Германия — классическая страна этой идеологии, ее можно найти и у великих немцев, например, у Лютера, у Фихте, у Р. Вагнера. Евреи объявляются расой низшей, отверженной и враждебной всему остальному человечеству. Но при этом эта низшая раса оказывается самой сильной, вечно побеждающей другие расы в свободной конкуренции. С христианской точки зрения расовый антисемитизм совершенно недопустим, он непримиримо сталкивается с христианским универсализмом. Гонения против католиков в Германии вызываются тем, что католичество универсалистично. Христианство провозгласило ту истину, что нет эллина и нет иудея. Оно обращено ко всему человечеству и ко всякому человеку, независимо от расы, национальности, класса и положения человека в обществе. Не только расовый антисемитизм, но и вообще расизм не выдерживает критики с трех точек зрения — с религиозной, моральной и научной. Он недопустим для христианина, который должен видеть в каждом человеке образ и подобие Божье. Не только расизм, но и национализм для христианской совести неприемлем. Но он неприемлем и для общечеловеческого, гуманитарного морального сознания. Расизм бесчеловечен, отрицает достоинство человека, отрицает ценность человеческой личности и допускает обращение с ней, как с врагом, подлежащим истреблению. Расизм есть самая грубая форма материализма, гораздо более грубая, чем материализм экономический. Расизм есть крайняя форма детерминизма и отрицания свободы духа. Над представителями отверженных рас тяготеет фатум крови, и нет для них спасения. Экономика все-таки принадлежит психической среде, а не физиологии и анатомии, и определение экономикой не есть все-таки определение формой черепа и окраской волос... С расовой точки зрения еврею нет спасения, ему не поможет ни принятие христианства, ни даже усвоение себе национал-социалистического мировоззрения, над ним тяготеет фатум крови. Но расизм несостоятелен и с чисто научной точки зрения. Современная антропология считает весьма сомнительным самое понятие расы. Расизм относится к области мифологии, а не науки. Самого существования арийской расы современная наука не признает. Никаких чистых рас не существует. Раса есть категория зоологическая, а не антропологическая, преисторическая, а не историческая. История знает лишь национальности, которые представляют собой результат сложного смешения крови... Но миф может быть очень действенным, может заключать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало интересуются научной истиной и вообще истиной. Мы живем в очень мифотворческую эпоху, но характер мифов довольно низменный. Единственный серьезный расизм, существовавший в истории, есть расизм еврейский. Соединение религии с кровью и национальностью, вера в избранность народа, охранение чистоты расы — все это древнееврейского происхождения, внесено евреями. Не знаю, замечают ли германские расисты, что они подражают евреям. В расизме как раз нет ничего «арийского», «арийцы» индусские и греческие были более склонны к индивидуализму. Но есть разница между еврейским и германским расизмом. Еврейский расизм был универсально-мессианским, он вынашивал универсальную религиозную истину. Германский же расизм есть агрессивный, мирозавоевательный партикуляризм. Расизм сейчас означает дехристианизацию и дегуманизацию, возврат к варварству и язычеству.

Есть также тип антисемитизма экономического и политического. Политика тут является орудием экономики. Этот тип антисемитизма носит довольно низменный характер, он связан с конкуренцией и борьбой за преобладание. Евреев обвиняют в том, что они очень успешно спекулируют и наживаются, побеждая другие народы в экономической конкуренции. Но у обвинителей чувствуется желание самим спекулировать более успешно, чем спекулируют евреи. Ненависть к евреям часто бывает исканием козла отпущения. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить. Это не делает чести человеческой природе, но человек чувствует успокоение и испытывает удовлетворение, когда виновник найден и его можно ненавидеть и ему мстить. Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознательности, что во всем виноваты евреи. Эмоциональная почва всегда готова для создания мифа о мировом еврейском заговоре, о тайных силах «жидо-масонства» и пр. Я считаю ниже своего достоинства опровергать «протоколы сионских мудрецов». Для всякого не потерявшего элементарного психологического чутья ясно при чтении этого низкопробного документа, что он представляет наглую фальсификацию ненавистников еврейства. К тому же можно считать доказанным, что документ этот сфабрикован в департаменте полиции. Он предназначен для уровня чайных «союза русского народа», этих отбросов русского народа. К стыду нашему, нужно сказать, что в эмиграции, которая почитает себя культурным слоем, «союз русского народа» подымает голову, мыслит и судит о всякого рода мировых вопросах. Когда мне приходится встречаться с людьми, которые ищут виновника всех несчастий и готовы видеть их в евреях, масонах и пр., то на вопрос, кто же виноват, я даю простой ответ: как кто виноват, ясно кто, ты и я, мы и есть главные виновники. И такое отыскание виновника представляется мне наиболее христианским. Есть что-то унизительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же — очень слабыми, неспособными выдержать свободной борьбы с евреями. Русские склонны были считать себя очень слабыми и бессильными в борьбе, когда за ними стояло огромное государство с войском, жандармерией и полицией, евреев же считали очень сильными и не победимыми в борьбе, когда они лишены были элементарных человеческих прав и преследовались. Еврейский погром не только греховен и бесчеловечен, но он есть показатель страшной слабости и неспособности. В основе антисемитизма лежит бездарность. Когда изъявляют претензию на то, что Эйнштейн, открывший закон относительности, еврей, что еврей Фрейд, еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. В этом есть что-то жалкое. Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учеными и философами. Бороться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унизительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для не евреев.

Нужно остановиться еще на одном обвинении против евреев. Их обвиняют в том, что они создали капитализм и социализм. Но и для сторонников капитализма, и для сторонников социализма, казалось бы, желательно предоставить и «арийцам» честь создания чего-либо, нельзя же все уступить евреям. Оказывается, что евреи сделали все научные открытия, были замечательными философами, создали капиталистическую промышлённость, создали мировое социалистическое движение, борющееся за справедливость и за улучшение положения трудящихся, в их руках находится все общественное мнение, мировая пресса и пр. Сознаюсь, что в качестве «арийца» я чувствую себя обиженным и не согласен до такой степени все предоставить евреям. Остановлюсь на создании евреями капитализма и социализма. Прежде всего если это есть обвинение, то оно не может исходить от одного лица. Для сторонников капита-

---

* Печатается с сокращением по кн.: Николай Бердяев. Христианство и антисемитизм. Издание религиозно-философской академии. Париж.

В наши дни западные «радиоголоса» и «подголоски» можно слушать по всей стране беспрепятственно... Радиостанция «Свобода», финансируемая конгрессом США, 20 января сообщила: ответственный работник Валентин Фалин на встрече с представителями западногерманских еврейских общин на вопрос об обществе «Память» сказал, что в СССР разрабатываются законы против антисемитизма и расизма! Слушая это, я не верил своим ушам...

Что может быть циничнее и абсурднее?! Державе, спасшей евреев от ТОТАЛЬНОГО уничтожения, предлагать подобное законодательство.

А. АРХИПОВ,
«Молодая гвардия» № 4, 1989 г.

Не секрет, что в сфере духовной жизни, культуры, искусства, а в прошлые времена и в политической жизни нашего общества было неоправданно большое — по сравнению со всей многонациональной численностью советских народов — представительство евреев. Это вызывало известный перекос в культуре, потому что каждая национальная культура создается преимущественно представителями данной нации, что, разумеется, не исключает участия в ней отдельных представителей и других наций. Но не в этом только дело. Ущербность такой ситуации для развития национальных, и в частности русской, культур состоит в социальном положении евреев в нашей стране — у этого народа, как известно, нет своего рабочего класса и трудового крестьянства. А это дает сионистским кругам пищу для раздувания мифа об особой исключительности еврейского народа, о некой его богоизбранности.

Г. В. МАТВЕЕЦ,
«Молодая гвардия» № 5, 1989 г.

Под шум о благе космополитизма недавно, в феврале текущего года, был открыт «еврейский культурный центр» имени Соломона Михоэлса... Официально создан духовный центр советского еврейства, и наивно было бы полагать, что его деятельность ограничится культуртрегерскими задачами...

В свое время русско-еврейские отношения обсуждались на духовно-культурном уровне. Бердяев видел нечто общее в катастрофичности исторических судеб еврейского и русского народов, теперь мы видим, что наша катастрофичность усугубилась не без сионистского участия...

Михаил ЛОБАНОВ,
«Молодая гвардия» № 6, 1989 г.

Сталин — порождение эпохи, фигура, волею объективных и субъективных обстоятельств оказавшаяся наверху. А ведь выдвинула его наверх старая гвардия... А затем началась междоусобная борьба. А в общем-то это все одна шайка. Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев, Каганович, Ем. Ярославский (Губельман), Урицкий, Володарский, Эпштейн — это фанатики массовых убийств... А сейчас тех, кто устроил геноцид русского народа, да и других народов тоже, пытаются объявить жертвами, возвести в ранг святых, мемориал им поставить.

Валентин ПИКУЛЬ,
«Наш современник» № 2, 1989 г.

лизма создание евреями капитализма есть заслуга евреев, как для сторонников социализма создание евреями социализма есть их заслуга. Нужно выбрать обвинение. Что евреи играли преобладающую роль в создании капитализма, это есть тезис известной книги Зомбарта. Бесспорно, евреи играли немалую роль в этом процессе, бесспорно, в их руках сосредоточивались большие капиталы. Этому способствовали выработанные историей свойства евреев. В средние века евреи занимались ростовщичеством, единственным занятием, которое им было предоставлено. Еврейский народ создал тип ростовщика и банкира, но он же создал тип идеалиста, беззаветно преданного идее, бедняка, живущего исключительно высшими интересами. Но «арийцы» также руку приложили к созданию капитализма и капиталистической эксплуатации. Европейский капитализм зародился у купцов Флоренции. Обвиняющие евреев в создании капитализма обыкновенно не бывают противниками капитализма, они просто хотели бы быть более сильными в капиталистической конкуренции, иметь больше капиталов, чем евреи. Поразительно, что К. Маркс, еврей и социалист, был в известном смысле антисемит. В своей статье по еврейскому вопросу, которая многих смущает, он признал евреев носителями мировой капиталистической эксплуатации. Революционный антисемитизм Маркса, между прочим, опровергает легенду о мировом еврейском заговоре. Маркс и Ротшильд, оба евреи, непримиримые враги и в одном заговоре участвовать не могут. Маркс боролся против власти капитала, в том числе и еврейского капитала. Другое обвинение евреев в том, что они создатели социализма и главные участники революционных социалистических движений, очевидно, может исходить лишь от людей, которые не гнушаются капитализмом и хотели бы сохранить капиталистический строй. Для русских антисемитов обвинение это сводится к тому, что русская коммунистическая революция создана евреями. Фактически это неверно. Ленин не еврей, не евреи и многие другие вожди революции, не были евреями огромные рабоче-крестьянские массы, давшие победу революции. Но евреи, конечно, играли немалую роль в революции и ее подготовке. В революциях всегда будут играть большую роль угнетенные, угнетенные национальности и угнетенные классы. Пролетариат всегда активно участвовал в революциях. Это заслуга евреев, что они принимали участие в борьбе за более справедливый социальный строй. Но обвинения против евреев в конце концов упираются в одно главное: евреи стремятся к мировому могуществу, к мировому царству. Это обвинение имело бы нравственный смысл в устах тех, которые сами не стремятся к могуществу и не хотят могущественного царства. Но «арийцы» и арийцы-христиане, исповедовавшие религию, которая призывала к царству не от мира сего, всегда стремились к могуществу и создавали мировые царства. Евреи не имели своего царства, не только мирового, но и самого малого, христиане же имели могущественные царства и стремились к экспансии и владычеству.

Перехожу к типу антисемитизма религиозного, самому серьезному, единственному заслуживающему рассмотрения. Христиане бывали антисемитами главным образом по мотивам религиозным. Евреи признавались расой отверженной и проклятой не потому, что это низшая раса по крови, враждебная всему остальному человечеству, а потому, что они отвергли Христа. Религиозный антисемитизм есть, в сущности, антииудаизм и антиталмудизм. Христианская религия действительно враждебна еврейской религии, так как она кристаллизовалась после того, как Христос не был признан ожидаемым евреями Мессией. Юдаизм до Христа и юдаизм после Христа — явления, духовно различные. Есть глубокая парадоксальность в том, что явление Христа, то есть боговоплощение и богочеловечение, совершилось в недрах еврейского народа. Евреи с большим трудом могли принять богочеловечение, это было легче для язычников. Бог стал человеком — это представлялось евреям кощунством, посягательством на величие и трансцендентность Бога. Для древнего еврейского сознания Бог все время вмешивается в человеческую жизнь, вплоть до мелочей, но никогда не соединяется и не сливается с человеком, не принимает человеческого образа. Тут пропасть между христианским и юдаистическим сознанием. Христианство есть религия Богочеловечества и религия Тринитарная. Юдаизм же есть чистый монотеизм. Главное религиозное обвинение, которое евреи выдвигают против христианства,— это что христианство есть измена монотеизму. Вместо единого Бога является Троица. Христиане основали свою религию на том, что в истории явился человек, который назвал себя Богом, сыном Божьим. Для закостенелого юдаистического сознания это было кощунством. Человек не может быть Богом, человек может быть пророком Божьим, мессией, но не Богом... Такова затверделая почва еврейских религиозных верований, из нее выросло отвержение Христа. И вот на протяжении всей христианской истории раздается обвинение, что евреи распяли Христа. После этого на еврейском народе лежит проклятие. Еврейский народ сам себя проклял, он согласился на то, чтобы кровь Христа была на нем и на его детях. Он принял на себя ответственность. Этим воспользовались враги еврейства. Христос был отвергнут евреями, потому что он не оказался мессией, который должен осуществить царство Израиля, а оказался каким-то новым Богом, Богом страдающим и униженным, проповедующим царство не от мира сего. Евреи распяли Христа, сына Божьего, в которого верит весь христианский мир. Таково обвинение. Но ведь евреи же первые и признали Христа. Апостолы были евреи, еврейской была первая христианская община. Почему же за это не восхваляют евреев? Еврейский народ кричал: «Распни, распни Его!» Но все народы имеют непреодолимую склонность распинать своих пророков, учителей и великих людей. Пророков всегда и повсюду побивали камнями. Греки отравили Сократа, величайшего из своих сынов. Неужели проклинать за это греческий народ? И не только евреи распяли Христа. Христиане или называвшие себя христианами в течение долгой истории своими делами распинали Христа, распинали и своим антисемитизмом, распинали своей ненавистью и своими насилиями, своими услугами сильным мира сего, своими изменами и своим искажением Христовой истины во имя своих интересов. «Арийцы» также отвергли и отвергают Христа. И делают это во имя своего царства. И лучше, когда прямо и открыто отвергают Христа, чем когда прикрываются именем Христа для оборудования дел своего царства. Когда проклинают и гонят евреев за то, что они распяли Христа, то явно стоят на точке зрения родовой мести, которая была очень свойственна древним народам, в том числе и народу еврейскому. Но родовая месть совершенно неприемлема для христианского сознания, она совершенно противоречит христианской идее личности, личного достоинства и личной ответственности. Да и христианское сознание не допускает никакой мести, ни личной, ни родовой. Мстительные чувства греховны, и в них подобает каяться. Род, кровь, месть — все это совершенно чуждо чистому христианству и привносится в него извне, от древнего язычества...

Разрешим ли еврейский вопрос в пределах истории? Это вопрос трагический. Он не разрешим просто путем ассимиляции. В это разрешение верили в XIX веке, и это делало честь гуманности века. Но мы живем совсем не в гуманном веке, и события нашего времени дают мало надежды на разрешение еврейского вопроса путем слияния и растворения евреев в других народах. Да и это означало бы исчезновение еврейства. Немного надежды также на разрешение еврейского вопроса путем образования самостоятельного еврейского государства, то есть путем сионизма. И на собственной древней земле евреи испытывают преследования. Да и такое решение представляется противоположным мессианскому сознанию еврейского народа. Еврейский народ остается народом-странником. Можно было бы сказать, что судьба еврейского народа эсхатологическая, она разрешима лишь в перспективе конца времен. Но это нисколько не снимает с христиан обязанности христианского и человечного отношения к евреям. У Ап. Павла есть таинственные слова о том, что весь Израиль спасется. Эти слова разно толкуются, ибо под Израилем понимается не только еврейский народ, но и народ христианский, то есть Новый Израиль. Но очень вероятно, что Ап. Павел имел в виду обращение евреев в христианство и особенное значение этого обращения. Мы живем в эпоху не только зверского антисемитизма, но и все увеличивающегося количества обращений евреев в христианство. Для расовых антисемитов этот вопрос не интересен, для них материальный факт крови важнее духовного факта веры. Но религиозные антисемиты могут видеть единственное разрешение еврейского вопроса в обращении еврейского народа в христианство. В этом, с моей точки зрения, есть большая правда. Но вместе с тем требование такого разрешения еврейского вопроса может быть морально двусмысленным и даже ложным. Если христиане-антисемиты, приставив нож к горлу, требуют от евреев обращения в христианство, при несогласии же евреев обратиться считают естественным погром, то это есть моральное безобразие, ничего общего с христианством не имеющее. Почему же не требовать обращения в христианство от разных «арийских» народов, которые совершенно отпали от христианства или держатся за совершенно внешнее христианство? Да и обращение в христианство есть факт глубоко личный, и вряд ли в будущем можно будет говорить о целых народах, как христианских и не христианских. Для обращения евреев в христианство очень важно, чтобы сами христиане обратились в христианство, то есть стали христианами не формальными, а реальными. Ненавидящие и распинающие не могут быть названы христианами, сколько бы они ни били поклонов. Сами христиане являются ведь главным препятствием для обращения в христианство не христианского Востока, индусов и китайцев. Состояние христианского мира с войнами, национальной ненавистью, колониальной политикой, угнетением трудящихся классов есть великий соблазн. Как раз самые правые, самые ортодоксальные, почитающие себя наиболее благочестивыми, христиане являются сейчас наибольшим соблазном для малых сих. Для евреев между ними и Христом стоят христиане и заслоняют образ Христа. Евреи могут признать Христа своим мессией, такое движение есть внутри еврейства, могут признать роковой религиозно-исторической ошибкой отвержение Христа. Но тогда они признают Мессию Распятого и через Мессию Распятого признают Бога Униженного.

Формы, которые принимает современный антисемитизм, с христианской точки зрения есть приговор над антисемитизмом. Это есть заслуга германского расизма, который имеет в Германии глубокие, но совершенно не христианские корни. Гораздо хуже православный антисемитизм, например, в Румынии, он компрометирует христианство и вряд ли заслуживает серьезного опровержения. Антисемитизм неизбежно должен превратиться в антихристианство, должен выявить свою антихристианскую природу, и это сейчас происходит. Этому соответствует процесс очищения в самом христианстве, освобождение христианской истины от тысячелетних наслоений, связанных с приспособлением к господствующим формам государства, к социальным интересам господствующих классов, к социальной обыденности, к низкой ступени сознания и культуры, с использованием христианства для очень земных целей... Именно христианам подобает защищать достоинство человека, ценность человеческого лица, всякого человеческого лица, независимо от расы, национальности, класса, положения в обществе. Именно на человека, на человеческое лицо, на свободу человеческого духа посягает со всех сторон мир. Посягает и антисемитическое движение, которое за частью человечества отрицает человеческое достоинство и человеческие права. Еврейский вопрос есть испытание христианской совести и христианской духовной силы.

В мире всегда были и сейчас есть две расы, и это деление рас важнее всех остальных делений. Есть распинающие и распинаемые, угнетающие и угнетенные, ненавидящие и ненавидимые, причиняющие страдание и страдающие, гонители и гонимые. Не требует объяснения, на чьей стороне должны быть настоящие христиане. Роли тут могут меняться в истории. Сейчас христиане делаются гонимыми, как были ими в первые века. Сейчас и евреи делаются вновь гонимыми, как бывали уже не раз в истории. Об этом необходимо задуматься. Русские антисемиты, живущие в состоянии аффекта и одержимые маниакальной идеей, говорят, что евреи правят сейчас Россией и гонят там христиан. Это фактически неверно. Совсем не евреи по преимуществу стояли во главе воинствующего безбожия, русские играли в этом очень большую роль. Я даже думаю, что существует русский воинствующий атеизм, как явление специфически русское. Русский барин — анархист Бакунин был его крайним и характерным выразителем. Таков же был Ленин. Достоевский именно о русском атеизме, о его внутренней экзистенциальной диалектике сделал великие открытия. Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные евреи-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах, Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революции, они составляли существенный элемент в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что и евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии ее развития. В терроре якобинцев евреи ведь не играли никакой роли. Евреи же наполняют собой и эмиграцию... Печальнее всего, что реальности и факты не существуют для тех, мышление которых определяется ressentiment, аффектами и маниакальными идеями. Более всего тут нужно духовное излечение.

М. НЕСТЕРОВ. 1862—1942.

ФИЛОСОФЫ. 1917.

ЧЕРЕЗ ДВЕ ЭПОХИ

Михаил Васильевич Нестеров, проживший восемьдесят лет, пережил в своей долгой и многотрудной творческой биографии два пика — признание как одного из первых религиозных художников рубежа веков и как одного из лучших портретистов, классика советского искусства предвоенной поры. Придворный художник царской фамилии, в свое время расписывавший престижные, грандиозные храмы по заказу приближенных самодержца, он за год до кончины был удостоен Сталинской премии...

При этом никому и в голову не приходило счесть Нестерова ловким приспособленцем: мало кто имел в художественных кругах столь прочный нравственный авторитет, равно пользовался признанием интеллигенции и рядовых зрителей. Это и понятно: воспитанник московской передвижнической школы, несмотря на увлечение евангельскими, иконописными сюжетами, он всегда держался простого и ясного художественного языка.

Нестеров ранних лет находился как бы между двух огней: школьных навыков, почерпнутых у таких признанных бытописателей, как В. Перов и В. Маковский,— и внутреннего тяготения преодолеть мелкотемье и приземленность. Идя своим собственным путем, он в равной мере не был склонен ни останавливаться на сценках из жизни мелких чиновни-

ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ. 1889—1890.

ТРУДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ. Триптих. 1896—1897.

ков, купцов и ремесленников, ни превращаться в хваткого «богомаза». Свое слово он хотел сказать, сочетая достижения передвижников с европейской классикой религиозного жанра — от византийских мозаик и древнерусских фресок до новейших «идеалистов» Бастьен-Лепажа и Пюви де Шаванна. Глубоко верующий человек, выросший в патриархальной купеческой семье, Нестеров, однако, с младых лет усвоил дух скепсиса, здравомыслия демократов-просветителей. Это препятствовало откровенно мистической экзальтации и самозабвенному христианскому умилению. Он лирик и мечтатель, певец героев кротких и пассивных, созерцательных и женственных и одновременно беспощадный аналитик, чьи приговоры пошлости и буржуазному практицизму безжалостны и остры.

Но он же и неоромантик. Свой эстетический идеал искал вне повседневности, в средневековом благочестии, в возвышенности устремлений таких героев, как Александр Невский и Дмитрий Донской, в молитвенной погруженности монахов-схимников и «христовых невест» (так и назывались некоторые его полотна, начиная с переломного 1887 года).

Свою программную картину «Видение отроку Варфоломею» (1889—1890) художник начал компоновать с пейзажа. Окрестности Троице-Сергиева помнили тихую поступь основателя монастыря. «Ряд пейзажей и пейзажных деталей,— вспоминал Нестеров,— были сделаны около Комякина. Нашел подходящий дуб для первого плана, написал самый первый план, и однажды с террасы абрамцевского дома совершенно неожиданно моим глазам представилась такая русская, русская осенняя красота. Слева холмы, под ними вьется речка (аксаковская Воря). Там где-то розоватые осенние дали, поднимается дымок, ближе — капустные малахитовые огороды, справа — золотистая роща. Кое-что изменить, что-то добавить, и фон для моего «Варфоломея» такой, что лучше не выдумать. И я принялся за этюд. Он удался, а главное, я, смотря на этот пейзаж, им любуясь и работая свой этюд, проникся каким-то особым чувством «подлинности», историчности его... Я уверовал так крепко в то, что увидел, что иного и не хотел уже искать».

Третьяков купил «Варфоломея»,

и картина вошла в пантеон русского искусства. Художник становится членом Товарищества. Николай Ге величает молодого мастера «братом христовым».

Окрыленный успехом, живописец решает создать целый картинный цикл, посвященный Сергию Радонежскому. Триптих — форма весьма редкая в те годы — напрямую восходил к череде иконописных клейм, к деисусному чину иконостаса. В «Трудах преподобного Сергия» (1896—1897) также главенствующую роль играет пейзаж, причем разных времен года. Сергий, с его крестьянской, простонародной натурой, препятствовал ничегонеделанию монахов и сам первый показывал пример смиренного трудолюбия. Здесь Нестеров приблизился к осуществлению своей постоянной мечты — создать образ совершенного человека, близкого родной земле, человеколюбивого, доброго. В Сергии нет не только ничего напористого, но и ничего выспреннего, показного, нарочитого. Он не позирует, а просто живет среди себе равных и себе подобных, ничем не выделяясь.

Нестеров встретил Октябрь двойным портретом религиозных философов — П. Флоренского и С. Булгакова на фоне пейзажа окрестностей Сергиева Посада. Участвовать в реализации Плана монументальной пропаганды ни сил, ни намерений не было, и Нестеров покидает Москву. Его мастерская оказывается разоренной, и он с грустью констатирует необходимость, как молодому, начинать все с нуля.

Не быстро, в сомнениях и гнетущем расположении духа мастер постепенно втягивался в художественную жизнь, переключившись на портрет.

Его влекут по преимуществу люди самозабвенные, исполненные творческого порыва, жадные до практического дела: академик-генетик Северцов, скульпторы Шадр и Мухина, профессор-хирург Юдин, наконец, академик-физиолог Павлов.

Только в наши дни мы «разобрались» в Нестерове полностью. Наиболее полная его персональная выставка (после 1907 года) прошла минувшим летом в Государственной Третьяковской галерее, были там представлены и многие хранившееся дотоле в запасниках религиозные работы.

К. САГОВ

«Я НЕ МОГУ ПРО САМОХОДНОЕ ШАССИ...»

Лариса МАЛЮКОВА

Загримировавшись, она приоткрыла дверь съемочного павильона, где должны были проходить кинопробы, и услышала, как редактор киностудии выговаривает режиссеру В. Тепцову: «Ну зачем вам Полищук? Ее красота уже всем надоела!» — И чуть тише: «Обернитесь. Посмотрите, вот кто вам нужен!» В дверях стояла усталая пожилая женщина с невыразительными потухшими глазами, кое-как намазанными губами (так нередко красятся, не глядя в зеркальце, наши женщины). Образ завершали сморщенные приспущенные чулки и нелепая старая хозяйственная сумка...

Уже отсмотрев кинопробы, члены худсовета с недоумением посмотрели на режиссера: "Так где же Полищук?» Пришлось смотреть второй раз.

Популярность актера — вещь непредсказуемая. Иной «мелькает» из картины в картину, сохраняя для зрителей полную анонимность. Другой наутро после премьеры становится знаменитым.

Знаменитой сделал Полищук крошечный, почти трюковый эпизод. Этот шанс ей подарил Марк Захаров. В танго страсти из «12 стульев» актриса сгустила свой образ роковой женщины, бесстрашно иронизируя над ним. Гуттаперчевая партнерша Остапа Бендера вылетала из его рук, чтобы через мгновение появиться с обворожительной улыбкой в кадре, пробивала головой витрину, выделывала немыслимые па,

балансируя на грани комедии и шаржа.
«За кадром» импровизационной легкости, лихой веселости осталось более десяти неудачных дублей — когда, «приземлившись» мимо матраса на цементный пол, актриса уже не могла тут же встать и улыбнуться в камеру. Но самым незабываемым «впечатлением» от съемок осталось стекло. Обыкновенное витринное. Надрезанное в определенных местах, оно должно было вылетать под ударом локтя Андрея Миронова на мгновенье раньше, чем в проеме окажутся голова и обнаженные плечи исполнительницы. Страхуясь, успевала выбивать стекло сама, на секунду быстрее...
Впрочем, многочисленные царапины и ссадины казались пустяками по сравнению с ласковым теплом первых лучиков славы. Теперь к ней иногда подбегали на улице с вопросом:
«Скажите, это вас Миронов об пол стукал?»

Ах, если бы актер получал удар только на съемках!

Были, были и у нее признание, роли, поклонники уже в самом начале ее профессионального пути — в Московском мюзик-холле. Тогда, окрыленная победой на VI Всероссийском конкурсе артистов эстрады, новая звезда подготовила сольную программу, где в сиюминутном проступали вечные вопросы.
Впрочем, рассказывать о спектакле, которого не видели зрители,— дело неблагодарное.
К премьере программу не допустили.
Слишком много в ней оказалось Жванецкого — автора для тех лет, мягко говоря, нежелательного.
С помощью его раскрепощенной мысли молодая исполнительница посмела говорить правду, в то время именуемую очернительством...

У нее сегодня нет недостатка в работе. Начинаются репетиции интересного моноспектакля в Театре имени Пушкина.
Вместе с А. Филозовым она вскоре сыграет премьеру в театре «Школа современной драматургии» — «Пришел мужчина к женщине» по пьесе С. Злотникова. Идут съемки двухсерийной кинодрамы «Городские подробности».

Нашла она себя?

Я вслушиваюсь во взволнованные интонации, прерывистую, как сбивчивое дыхание, быструю речь:
«Актер, актриса,— само слово волнует как жизнь...»

Любовь Полищук читает мне новый монолог Михаила Жванецкого.
Это написано не только специально для актрисы, но и про нее.
И мне кажется, что «чужой» отрепетированный текст уже кончился:

«Трудно есть одинаково, жить одинаково, думать одинаково и ничего при этом не потерять, особенно женщине». Она останавливается, словно пытаясь поточнее подобрать слова:
«Не надо со сцены сообщать технологию сварки вытяжных устройств. Это слишком дорогое удовольствие — строить театр, собирать людей и сообщать им о плохой работе самоходного шасси...»

Слова монолога переплелись с мыслями, накопленными за годы постижения профессии.
**«Я женщина.
Я должна говорить как женщина.
Я не могу про самоходное шасси.
У меня другое все внутри и снаружи...»**

Фото
Игоря ГАВРИЛОВА

СПРЯТАННАЯ ВОЙНА

Артем БОРОВИК

Разумеется, предлагаемая читателю документальная повесть «Спрятанная война» — вещь субъективная и не претендует на то, чтобы дать полную историю войны в Афганистане или каких-либо событий, связанных с ней. Скорее это рассказ о том, что сам автор видел и испытал в Афганистане. О том, что человек делает на войне и что война делает с ним.

АВТОР

Твое имя и подвиги были забыты
Прежде, чем высохли твои кости,
А ложь, убившая тебя, погребена
Под еще более тяжкой ложью.
ОРВЕЛЛ
«Памяти Каталонии»

I

...Каждый из сотен тысяч прошедших через эту войну стал частью Афганистана, частью его земли, которая так никогда и не смогла поглотить всей пролитой на ней крови. А Афганистан стал частью каждого воевавшего там.

Впрочем, «Афганистан» — это не страна и уже почти год как не война. «Афганистан» — это скорее молитва, обращенная не столько к Богу, сколько к самому себе. Шепчи молитву эту перед сном ровно столько раз, сколько людей погибло там. Выплевывай это слово, выбрасывай его быстрее автомата. И если повезет, быть может, где-то на пятнадцатой тысяче ты поймешь, услышишь его изначальный тайный смысл.

Идиоты называли Афганистан «школой мужества». Идиоты были мудрецами: сами они предпочитали в эту школу не ходить. Они полагали, что «интернациональный долг», «битва с наймитами империализма на южных рубежах Отчизны», «решительный отпор агрессии со стороны региональной реакции» и все такое пятое-десятое...— словом, они убеждали себя и заодно страну в том, что Афганистан «обращает несознательных юнцов в стойких борцов за нашу коммунистическую веру».

Но Афганистан был никчемным университетом для юного атеиста. Именно там ты начинал верить в абстрактное существование Добра и Зла, хотя через пару месяцев и обнаруживал, что в итоге их противоборства Добро отнюдь не всегда выходит победителем. Чаще наоборот. Зло было везде и всем сразу: «духом», потом «мятежником», чуть позже «повстанцем», пока не превратилось в «вооруженную оппозицию». Иногда оно выступало в образе ротного, прапора, «дедушки», которому осталось всего два месяца до дембеля. Но где пряталось Добро, знало лишь оно одно. И постепенно ты начинал ценить просто-напросто доброту — так оно верней. Добро — доброволец — интернационалист — Афганистан — смерть. За добро не жди добра — уж это точняк.

В апреле 87-го я познакомился со снайпером, у которого тыльная сторона грязного подворотничка была исписана словами из псалма 90: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое. Бог мой и уповаю на Него...»

Война давала столько поводов, чтобы стать циником. Или убежденным мистиком. Каждый месяц, а на боевых — каждый, бывало, день,— она заставляла тебя мучиться в поисках ответа на извечный вопрос: «Господи, почему его, а не меня?! И когда же — меня? Через минуту или через пятьдесят лет?»

Сегодня солдат возносил молитву тому, кого на следующий же день проклинал.

И наоборот.

Помню, года четыре назад — кажется, в Кандагаре — паренек, только что прибывший туда после учебки, во время обстрела шептал быстро-быстро: «Мамочка, возьми меня в себя обратно! Мамочка, возьми меня в себя обратно!..» А другой, оставшись без рук и глаз, отправил из госпиталя письмо отцу: «На черта ты, старый хрен, сделал это девятнадцать лет назад?!»

В одном из наших монастырей я познакомился с болезненного вида человеком, который в конце разговора переспросил: «Вы были в Афганистане? Когда? Хм-м. И мне довелось...» Что за историю поведал мне он! Как-то раз пошел он в камыши по нужде, а в это время начался обстрел. Парень поклялся, что, если ему будет спасена жизнь, он уйдет в монастырь. В тот самый момент ребят из его отделения, стоявших на блоке неподалеку, накрыло прямым попаданием из миномета.

Он рассказал и больше не проронил ни слова. Я по привычке продолжал атаковать его длинной очередью вопросов. Он стиснул зубы, повернулся резко, на армейский манер, и ушел.

Вот тогда-то я и понял, что в этой войне вообще ни черта не смыслю.

В 86-м под Баграмом я почти сутки провел с заместителем командира роты по политчасти Сашей Бородиным.

Дело было числа пятнадцатого июня.

Еще поразила печать смерти на его лице: бывает и такое. Когда видишь ее — мурашки по загривку. Гибельность в тот день витала в воздухе.

...А через неделю с гаком, 24 июня, его невеста — по другую сторону границы, в Крыму, в поселке Щелкино — собралась на школьный выпускной бал. Белой материи в магазинах не нашла и, сшив себе платьице из черной, отправилась танцевать. Когда Тамара Петровна, мать замполита, узнала про черный цвет, задохнулась, беспомощно зашарила глазами, ноги ее обмякли. Она еще крикнула исступленно в телефонную трубку: «Почему же черный — сними черный! Ради Христа, сними черный!»

Но было поздно: кто-то (кто?) уж очень хотел, чтобы девочка в свои семнадцать стала невенчанной вдовой.

24 июня, в тот самый час, когда в щелкинской средней школе начались танцы, заместителя командира роты Бородина тяжело ранило, а в 10.30 следующего дня он скончался. «Черный тюльпан» доставил труп в Крым в холодном цинке.

Случайно случился случай? Стечение обстоятельств? Не знаю. Знаю другое: иногда то, в чем ты боялся молча признаться, чтобы не утратить остатки уважения к самому себе, оказывалось там, в Афганистане, всеобщей, но тщательно скрываемой манией.

Как-то раз в нужнике я стал невольным свидетелем страстной, неистовой молитвы здоровенного сержанта-спецназовца. Я скорее мог поверить в самое невероятное чудо (например, что мы выиграем войну), но только не в то, что видел своими глазами. Парень был олицетворением несокрушимой мощи спецназа — надежды наших надежд, генштабовского идола-божества. Не помню, о чем конкретно он просил. Помню, что сортир был единственным безопасным местом в той части, куда не мог проникнуть вездесущий глаз замполита, который, скорее всего, тоже молился втихаря, но не там и не в то время. Да и просил замполит, должно быть, о другом. О чем? Я готов был проторчать в той части на пару недель дольше, еще одну ночь пролежать в засаде — лишь бы узнать ответ на заинтриговавший меня вопрос. Но в тех местах тогда ничего не происходило, и я уехал в Кундуз: здоровая жажда происшествий оказалась посильней нездорового любопытства.

С каждым месяцем война все больше напоминала половой акт импотента. Меня всегда интересовала не столько видимая сторона жизни, сколько ее затемненная, если угодно — мистическая сторона.

Говорят, если хочешь понять явление, войди в него через черный вход. Но где искать начало нитки, образующей клубок тайн под названием «война в Афганистане»?

Сказать, что это была ошибка, значит ничего не сказать: как известно, найти ошибку значительно легче, чем истину.

«Франц Фердинанд жив! Первая мировая война была ошибкой».

«Брежнев был неправ! Война в Афганистане была ошибкой».

Эти фразы стоят друг друга.

Но люди, тщась объяснить себе что-то, часто довольствуются бессмысленной фразой, видимостью.

Даже если завтра общественности предоставят все секретные документы, связанные с решением войти в Афганистан, это вряд ли прольет свет на истину, но, возможно, еще больше запутает клубок.

Конечно, было бы любопытно ознакомиться с секретными телеграммами, которые слали из Кабула в Москву в 79-м году представители МИД, КГБ и Минобороны — Пузанов, Иванов и Горелов.

Было бы интересно узнать, что сообщил руководству начальник Главпура Епишев, посетивший Афганистан вскоре после Гератского восстания и встретившийся там как с Тараки, так и с Амином? Или какие впечатления вывез из Кабула Главком сухопутных войск Павловский? Или почему застрелился в конце декабря 79-го заместитель Щелокова генерал Попутин, незадолго до самоубийства ездивший в Афганистан? Какого рода переговоры велись между Бабраком Кармалем и советским руководством весной и летом 79-го? Что привело Чурбанова в Афганистан вскоре после начала девятилетней войны? Какие дары преподносили советским официальным лицам те афганцы, которые получили высокие государственные посты у себя в стране сразу же после ввода 40-й армии? Почему, наконец, было дано указание убить Амина?

Но все это легкие вопросы. Есть и посложней. Однако дело даже не в них.

Сегодня исследователи дают самые разные объяснения тому, что произошло 27 декабря 79-го года.

Одни полагают, что Брежнев и его коллеги, решив послать войска в Афганистан, хотели убить сразу двух зайцев: уничтожить вооруженную оппозицию и убрать Амина, чтобы привести к власти группировку во главе с Бабраком Кармалем. Международный отдел ЦК КПСС, МИД и КГБ связывали с именем этого человека надежды на объединение НДПА, распавшейся на две фракции — ХАЛЬК и ПАРЧАМ. Вывод же войск, как мыслилось, был бы осуществлен потом в обмен на прекращение зарубежной финансовой и военной помощи повстанцам.

Другие считают главной причиной войны то, что Брежнев, который целовался взасос и обнимался с Тараки во время краткой остановки последнего в Москве на пути из Гаваны в Кабул, не смог простить Амину, сместившему всего через несколько дней после этого Тараки на посту президента и, более того, отдавшему приказ о его убийстве, такой откровенной наглости. Амин, рассказывала его вдова, был отравлен нашим агентом-поваром, а потом убит при штурме его дворца советскими специальными подразделениями.

Бабрак Кармаль, прибывший в Кабул на нашей броне, объявил себя новым правителем Афганистана, а Амина — агентом ЦРУ. Дело дошло до того, что он затребовал у американского правительства секретные документы, подтверждавшие это. Советская пресса активно поддержала такую версию.

Многие данные свидетельствуют о том, что тогдашнее руководство КГБ действительно было обеспокоено деятельностью Амина. Его левацким креном во внутренней политике (террор против духовенства, интеллигенции и партийных кадров), а также его участившимися контактами с представителями США и Пакистана. Амин несколько раз просил Брежнева о встрече в любом месте и в любое время, однако в ответ слышал лишь молчание Москвы. Есть основания полагать, что именно этим было вызвано его шараханье то в сторону Пакистана, то в сторону Америки. Нашу зоологическую шпиономанию подхлестнул тот факт, что в юные годы Амин обучался в нью-йоркском Колумбийском университете.

Встретившись недавно с Бабраком Кармалем, я спросил его:

— Вы действительно верили в то, что Амин — агент ЦРУ?

— Я могу судить,— ответил Кармаль,— лишь по результатам его деятельности. Если бы американцы потратили сто миллиардов на дестабилизацию обстановки в Афганистане, они не смогли бы нанести ДРА столько вреда, сколько нанес стране Амин.

— Если исходить из подобной логики,— возразил я,— Брежнев, доведший СССР до ручки, был агентом сразу всех западных разведок.

В ответ Кармаль вспомнил очередную цитату из ПСС В. И. Ленина, а потом, хитро улыбнувшись, спросил:

— Скажите, а в СССР еще не запретили упоминать имя Ленина?

И сам себе ответил громким смехом.

Однако объяснять девятилетнюю трагедию тем, что Леонид Ильич обиделся на строптивого Амина, значит не объяснять ничего.

Академик Арбатов, хорошо знавший Брежнева и часто общавшийся с ним вплоть до последних дней

Рисунок Натальи МАРКОВОЙ

жизни бывшего лидера, говорил мне, что к концу семидесятых годов Брежнев был не только не в состоянии принимать самостоятельные политические решения, но даже не мог вести осмысленную беседу более двенадцати-тринадцати минут: его внимание и интеллектуальные способности увядали на глазах.

— Когда они принимали решение,— сказал Арбатов,— то не посоветовались ни со специалистами, ни со своими внешнеполитическими советниками. Лично я узнал о вводе войск по радио из сообщения «Голоса Америки». И тут же сказал об этом Добрынину. Мы с ним лежали тогда в больнице...

— Насколько мне известно,-сообщил мне другой приближенный к Брежневу человек,— Политбюро, собравшись 13 декабря, даже не голосовало по этому вопросу. Брежнев доложил о решении вводить войска, а Устинов тут же перешел к военной стороне дела.

Тем не менее версия о личной ответственности Брежнева получила широкое распространение. Одни утверждали, что таким образом Брежнев хотел оставить о себе память в истории России как о лидере, расширившем зону влияния Советского Союза на Востоке. Другие доказывали, что Брежнев увлекся стремлением Петра к теплым морям. По их мнению, следующим на очереди был Пакистан или Иран.

Но один наш высокопоставленный мидовский функционер вполне логично доказывал мне, что во всем виноваты военные. Что именно они запугали Брежнева скорой высадкой американского десанта в «нашем южном подбрюшье».

— Иначе,— говорил он,— зачем было вводить в Афганистан части ПВО? Повстанцы-то ведь авиацией не располагали. Генштаб боялся американского вторжения как реакции Белого дома на потерю Ирана. Да и вообще к середине семидесятых наши вояки достигли паритета с Америкой, и им во главе с Устиновым не терпелось опробовать где-нибудь свою мощь. Под рукой оказался Афганистан.

Однако такую версию категорически отверг генерал армии В. И. Варенников — в ту пору начальник Главного оперативного управления (ГОУ), первый заместитель начальника Генерального штаба, а ныне заместитель министра обороны СССР и Главком сухопутных войск.

— Генштаб,— сказал он мне,— выступал против идеи ввода наших войск в Афганистан до тех пор, пока это не приняло форму решения. Генштаб предложил такой альтернативный вариант: советским частям встать гарнизонами и в боевые действия не ввязываться... Сейчас ясно, что линия, которую предлагал тогда Генеральный штаб, была в принципе верной. И нам надо было отстаивать ее до конца, хотя это и таило в себе тяжелые последствия для защитников такой линии... К сожалению, в свое время мы поддались напору со стороны Бабрака Кармаля и позволили себя втянуть в затянувшуюся войну.

Эти слова генерала армии вызвали бешенство Бабрака Кармаля.

— Со всей ответственностью,— говорил он, затягиваясь «Кентом», а я слышал свист в его легких,— заявляю, что до начала 1980 года я ни по закону, ни на практике не был ни руководителем Афганистана, ни тем человеком, который пригласил в мою страну советские войска... Надо сказать, что действия советских войск в Афганистане, особенно на начальном этапе, не могли не вызвать недовольства народа. Здесь можно упомянуть и о наступательной тактике ведения боевых действий, и о проверке новых видов оружия, и о провокационных бомбардировках, происходивших вопреки моей воле, воле афганцев и ряда советских офицеров. Это общеизвестно, что я неоднократно хотел подать в отставку... Если хотите знать мою точку зрения, то надо было думать еще до ввода ваших войск. Надо было знать Афганистан, понимать афганцев. Надо было думать в самом начале. Если ввод войск — ошибка, то она проистекает из непонимания Афганистана, плохого знания этой страны и характера афганцев.

Но кто же тогда пригласил советские войска в Афганистан — Кармаль, который этого не признает и который не был уполномочен приглашать? Или Амин, который был убит через несколько часов после ввода войск?

Многие военные и мидовцы говорили мне, что сценарий, по которому развивались события в Афганистане, был разработан в КГБ.

— Понимаешь,— заметил один из них,— время от времени спецслужбы должны доказывать политическому руководству страны оправданность и необходимость своего существования, а также тех безумных финансовых затрат, которые идут на обеспечение их деятельности. Поэтому время от времени они создают заговоры, а потом их же раскрывают и нейтрализуют.

Человек, близко знавший Ю. В. Андропова, сказал мне, что сперва бывший председатель КГБ не поддержал идею ввода войск, но потом все-таки победил рефлекс, выработанный у него еще двадцать лет назад в Венгрии, где он был послом и куда пришлось бросать войска в 56-м. Андропов, как и многие его сверстники в Кремле, временами смотрел на Афганистан как на вторую Испанию, с событиями в которой ассоциировались в его сознании молодость и «победоносное шествие социализма» в СССР. Почему бы не повторить?

Кремлевские старцы и впрямь слепо любили коммунизм и идею мировой революции, но с годами эта любовь приобрела извращенный характер.

Однако мне приходилось встречать троцкистов, которые утверждали, что Россия вторглась в Афганистан для того, чтобы подавить афганскую революцию. Подобные заявления находили молчаливое сочувствие среди иных халькистов, недовольных тем, что Москва привела к власти парчамиста Кармаля. Почему, спрашивали они, вы делали все, чтобы защитить частную собственность и передать власть среднему сословию, а не революционному беднячеству?

А бывший государственный секретарь США Александр Хейг сказал мне, что Москва вторглась в Афганистан, потому что была обеспокоена укреплением пояса исламского фундаментализма на своих южных рубежах.

— Между Советским Союзом,— заметил он,— и Афганистаном существует лишь тонкая линия Амударьи. И потому любое удачное исламское движение на ваших южных рубежах неизбежно отразится на советских мусульманских республиках. Логика Брежнева объяснима.

Однако с Хейгом никогда бы не согласился Кармаль, который склонен рассматривать советскую военную помощь как проявление личной благосклонности к нему со стороны Брежнева.

И тем не менее у бывшего государственного секретаря найдется масса сторонников. Иные из них идут еще дальше, заявляя, что девятилетняя война была последним крестовым походом на Восток, превентивной битвой христиан с мусульманами перед массированным и окончательным наступлением последних.

Я знавал религиозных фанатиков, видевших в этой войне противоборство Христа и Аллаха. И вспоминал о них в Кабуле, когда тамошние дуканщики говорили мне: «Русский солдат всегда шел с севера на юг. Теперь он впервые уходит с юга на север. И он будет отступать все дальше и дальше. Аллах свидетель».

А Гульбеддин Хекматиар, один из лидеров афганской вооруженной оппозиции, заявил в мае 1987 года: «Если моджахеддины будут настойчиво продолжать борьбу, недалек тот день, когда оккупированные земли в советской Средней Азии будут освобождены».

— Отдаленная возможность того, что такое может случиться в какой-то момент в будущем,— убежденно говорил Александр Хейг,— и вынудило Красную Армию войти в Афганистан в 1979 году.

Однако если и допустить, что слова генерала несут в себе намек на истину, то 8 марта 1987 года, когда повстанческий отряд Ортабулаки обстрелял реактивными снарядами через границу таджикский городок Пяндж, полувоображаемая опасность разрастания мусульманского пояса неожиданно трансформировалась в кошмарную возможность.

...А тогда, весной 79-го года, Кремль с опаской наблюдал за действиями Вашингтона в Афганистане. Москва была убеждена, что Вашингтон видел в нем не только первый и долгожданный пример краха революции под натиском вооруженной оппозиции, но и шанс расшатать советские мусульманские республики.

Тем временем советское посольство в Вашингтоне информировало Кремль о том, что тогдашнему помощнику президента США по вопросам национальной безопасности Збигневу Бжезинскому удалось убедить колебавшийся государственный департамент в том, что укрепление альянса Москва — Кабул угрожает безопасности США, а также, что, если удастся скорректировать должным образом развитие ситуации в Афганистане, это сможет принести США существенную политическую выгоду. Как отмечалось чуть позже в очередном сообщении госдепа, «смена власти в ДРА продемонстрирует всему миру и в особенности «третьим странам», что убежденность Советов в исторической неотвратимости социализма не всегда оправдана».

Начиная с апреля 1979 года работники американского внешнеполитического ведомства начали под давлением Бжезинского регулярные встречи с лидерами афганской вооруженной оппозиции.

Каждое новое сообщение из-за рубежа увеличивало нервозность в Кремле.

Более десяти лет тому назад в Пакистане к власти пришел правый военный режим, свергнувший прогрессивное правительство Бхутто.

Зия-уль-Хак видел в обострении афганского конфликта уникальную возможность добиться резкого увеличения американской военной и финансовой помощи Пакистану. Аналогичным образом размышляли и преемники Мао, заложившего незадолго до смерти неплохие основы для американо-китайского сотрудничества. Что же касается египетского президента Садата, прозванного после подписания Кемп-Дэвидского договора «предателем дела арабов», то он спешил реабилитировать себя в глазах мусульман всего мира, а поставки оружия мятежникам в Афганистан (преимущественно советского) открывали ему такую возможность.

Без помощи Египта, Китая, Пакистана и США афганской вооруженной оппозиции было бы нечем воевать. По крайней мере так или приблизительно так, как говорят, объяснял себе советский министр иностранных дел А. А. Громыко враждебные действия четырех стран.

Ни его, ни Устинова, ни Андропова, ни Брежнева уже нет в живых. И тайну, связанную с вводом наших войск в Афганистан, они не забыли прихватить с собой, но, правда, великодушно оставили нам возможность свалить всю вину на них и тем самым спасти тех, кто еще здравствует. Воспользуемся ли мы этой «услугой»? Или будем копать глубже?

Если будем, то в данный момент меня интересует другой вопрос: где та точка отсчета роковых событий, начиная с которой все у нас в Афганистане пошло кувырком?

Может быть, все началось тогда, когда мы назвали кабульский военный переворот 78-го года Апрельской революцией и сразу же превратились в рабов этой фразы? Или же все у нас пошло вразнос с 68-го года в Чехословакии, где мы доказали самим себе, что при помощи войск можно сохранить режим? Или когда мы сделали то же самое двенадцатью годами раньше в Венгрии?

Некоторые из нас, споривших об этом в Кабуле, полагали, что Афганистан начался точно в 56-м. Потому что, во-первых, тогда была Венгрия, а, во-вторых, тогда мы приняли первую группу афганских офицеров и начали обучать их в наших военных училищах и академиях, а они через двадцать два года попробовали применить теорию на практике.

А если все для нас началось и кончилось в Афганистане еще за два года до установления русского протектората над Бухарой? Тогда, почти век назад, полковник Генштаба Глуховской, знаток Средней Азии, написал своему начальнику генералу Кауфману-Туркестанскому: «Никакие убеждения, советы, угрозы России не смогут пересоздать вековое устройство мусульманских государств...»

Или же все провалилось в тартарары, когда Россия презрела печальный опыт викторианской Англии в Афганистане? А он научил британцев тому, что лучше субсидировать мятежных племенных вождей, чем пытаться их утихомирить или уничтожить. Во всяком случае, стоило Брежневу лишь удвоить советскую экономическую помощь Афганистану, вместо того, чтобы посылать туда армию, и нам не пришлось бы сегодня раскаиваться в содеянном.

Один из английских военачальников в Афганистане, сэр Робертс, еще сто лет назад писал: «Нам не надо бояться Афганистана и лучше всего предоставить ему самому решать свою судьбу. Может быть, это и не столь привлекательно для нас, но я чувствую, что прав, когда утверждаю: чем меньше они будут видеть нас, тем меньше ненавидеть. Даже если предположить, что Россия попытается вторгнуться в Афганистан или захватить через него Индию, у нас будет значительно больше шансов перетянуть афганцев на свою сторону, если мы воздержимся от какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела».

Чему мы, обуреваемые горделивой идеей мессианства, хотели научить афганцев, если сами не научились вести как следует собственное хозяйство? Скорей всего мы экспортировали не революцию, а застой.

Порой мы напоминали тех самых астронавтов из знаменитого фантастического романа Станислава Лема, которые, отчаявшись распознать сущность мыслящего океана на планете «Солярис», решили воздействовать на него пучками сверхжесткого рентгеновского излучения.

Астронавты полагали, что изучают «Солярис», но на самом деле он изучал их.

Великие путешественники говорили: «Если хочешь познать чужую страну, растворись в ней». Но нам и этого не удалось. Восемь миллиметров брони на протяжении всех девяти лет хронически отделяли нас от Афганистана. Мы пытались понять страну, со страхом глядя на нее сквозь триплекс бронетранспортера.

Мы полагали, что воздействуем на страну при помощи телевидения, бомбардировочной авиации, школ, танков, книг, артиллерии, газет, новых видов оружия, экономической помощи и АК-47, но редко задумывались над тем, какое воздействие оказывал на нас Афганистан, пропустив через себя сотни тысяч советских солдат, офицеров, дипломатов, журналистов, ученых, партийных и военных советников.

Трудно определить, чему нам удалось научить Афганистан, однако много легче установить степень

влияния Афганистана на советских людей, воевавших и работавших там. Старческим мановением брежневской руки они были брошены в страну, где подкуп, взяточничество, бесчестность, спекуляция, наркотики были не менее обычны, чем у нас очереди в магазинах. А эти инфекционные болезни поопасней тифа или гепатита. Особенно если они приобретают характер эпидемии.

Наш советнический и офицерский корпус моментально поделился на две фракции — ХАЛЬК и ПАРЧАМ. И та война, которая шла внутри НДПА, переметнулась и на членов КПСС, работавших в Афганистане. К середине 80-х уже не собака виляла хвостом, но хвост — собакой.

Время шло, и мы постепенно стали напоминать самим себе Балаганова и Паниковского, которые давно поняли, что золота в гирях нет, но все равно продолжали пилить их с еще большим остервенением.

Война тянулась девять долгих лет — почти одну десятую всей советской истории.

В восьмидесятом году 40-я армия была такого же возраста, что и я: большинству солдат не перевалило еще и за двадцать. Но в последний раз, когда я был в Афганистане, с холодным ужасом вдруг заметил, что теперь армия младше меня на 10 лет.

Одно поколение входило в Афганистан. Совсем другое его покидало.

По официальной статистике, за годы войны мы потеряли в нашем южном «подбрюшье» около 15 тысяч людей, были ранены 36 тысяч. Без вести пропавших — более 300.

Старческое мановение брежневской руки стоило нам около 60 миллиардов рублей.

Но разве можно сравнивать эти потери с потерями нравственными?!

В Афганистане мы бомбили не повстанческие отряды и караваны, а наши идеалы. Эта война стала для нас началом переоценки наших этических ценностей. Именно в Афганистане изначальная нравственность нации вошла в вопиющее противоречие с антинародными интересами государства. Дальше так продолжаться не могло. И не случайно, что идеи перестройки победили именно тогда, когда война достигла своего пика,— в 85-м году.

Но неужели за прозрение нам следовало платить ценою 15 тысяч молодых жизней?!

Вспоминается разговор между офицерами, услышанный в январе 89-го на баграмском аэродроме:

— Польза от этой войны,— сказал один из них,— хотя бы в том, что здесь мы вкусили от древа познания. Социализм потерял тут свою девственную непорочность.

Как заметил один наш генерал — ученый, с которым я близко сошелся в Афганистане, все победоносные войны, которые вела Россия, вели к усилению тоталитаризма в стране, все неудачные — к демократии...

Я часто встречал людей, искавших позитивную сторону этой войны. Одни говорили так: «Нет худа без добра. Если бы не ввели войска сюда, то наверняка бы — в Польшу. А это стало бы еще большей катастрофой».

Другие утверждали, что в Афганистане мы испытали и довели до совершенства многие виды оружия и боевой техники.

Но таких было мало, и спорить с ними не стоило, потому что они отличались пуленепробиваемой твердолобостью и упрямством, подобными танку.

Однако не только война наносила ущерб нашей морали. Но и многолетнее официальное вранье о ней в газетах и по телевидению. Я не виню журналистов. Если кто из нас и пытался писать правду, то военная цензура виртуозно превращала ее в ложь.

Человек, в той или иной мере связавший свою жизнь с Афганистаном, находясь там или регулярно приезжая туда, проходил приблизительно через четыре стадии понимания того, что там происходило.

Первая стадия (длилась обычно до трех месяцев, в зависимости от прозорливости и догматизма вновь прибывшего): «Война идет нормально, надо добавить еще двадцать — тридцать тысяч войск, и тогда вообще все будет чики-чики».

Вторая стадия (пять месяцев): «Уж коли мы ввязались в это гиблое дело, надо быстрее довоевывать. Тридцатитысячной добавкой тут не обойтись. Чтобы перекрыть границы, нужна еще по крайней мере одна армия».

Третья стадия (еще полгода): «Нет, братцы, что-то тут глубоко не так. Ну и вляпались же мы!»

Четвертая стадия: «Братва, надо делать отсюда ноги. И чем быстрее, тем лучше».

И армия последовала последнему совету. Ушла из Афганистана, как здоровенный штангист с помоста, не взяв веса.

(Продолжение следует.)

Никогда еще о социальной защите людей не писали так много, как в последнее время.
Никогда не уделялось столько внимания бедственному положению многих миллионов наших сограждан.
Закон о неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения стал одним из первых, принятых новым Верховным Советом.
И все же пока минимальный размер пособий и пенсий не так высок, как хотелось бы, намного уступает реальному прожиточному минимуму.
Проблема бедности осталась и вряд ли скоро будет снята окончательно.
Какой должна быть сейчас социальная политика?
Об этом с министром социального обеспечения РСФСР Виктором Алексеевичем КАЗНАЧЕЕВЫМ беседует корреспондент «Огонька» Ольга НЕМИРОВСКАЯ.

— Виктор Алексеевич, в Российской Федерации нет иного ведомства, кроме вашего, которое должно защищать наиболее ущемленных людей — пенсионеров, престарелых, инвалидов. Все мы со временем становимся вашими подопечными: одни раньше — в связи с трагическими обстоятельствами, другие позже, в старости. И конечно, каждому небезразлично, как сложится в таком случае его жизнь.

— Вопрос о том, как осуществлять, как проводить социальную политику, совсем не прост. Слишком долго мы возводили потемкинские деревни, где в глубине, за фасадом, прозябали сознательно не замечаемые бедность, нищета, одиночество. Теперь мы их заметили, причем все проблемы сразу. Но материальная база, которой мы располагаем, пока не соответствует красивым лозунгам о всеобщей заботе и внимании. Более 97 процентов всех расходов нашего министерства идет на выплату пенсий. Слова «социальная защищенность» означают прежде всего, что размер пенсии позволяет людям достойно жить. Но, судя по положению с финансами, это перспектива, а малообеспеченному пенсионеру надо помочь уже сегодня.

Теперь мы не скрываем, что социальное обеспечение нуждается в финансовой помощи, в привлечении средств общественных организаций, и подвигаем, если хотите, трудовые коллективы, профсоюзы, кооперативы, различные фонды заботиться о неимущих. Некоторые предприятия уже помогают своим ветеранам, но такой опыт пока не стал повсеместным. Отраслевые министерства и ведомства от этого самоустранились, многие местные Советы и органы социального обеспечения предоставляют событиям развиваться самим по себе. Поэтому сейчас мы проводим в республике долговременную «Акцию милосердия», рассчитанную на то, чтобы активно привлекать для социальной помощи внебюджетные средства.

В акции может участвовать каждый человек, была бы на то его добрая воля. Вклад может быть самым скромным, но все вместе составит значительную сумму, даст возможность оказать пусть небольшую, но реальную помощь конкретному человеку.

— Как осуществляется акция, куда могут обращаться те, кто захочет в ней участвовать?

— В каждой области, автономной республике есть свои оргкомитеты со своими банковскими счетами для перечисления взносов организаций, кооперативов, пожертвований граждан, средств, поступающих от благотворительных концертов, от благотворительных художественных и вещевых лотерей. Районные и городские управления социального обеспечения также открывают свои счета Фонда социальной помощи.

Девяносто процентов этих средств пойдет на материальную помощь одиноким престарелым и больным людям, малоимущим ветеранам. Десять процентов — для оснащения Центра реабилитации инвалидов.

Непосредственно организаторскую работу осуществляют местные органы соцобеспечения.

— Доброта, сострадание ближнему, помощь больному и обездоленному — ценности общечеловеческие, основные заповеди всех религий. Раньше церковь неустанно напоминала об этом. Но образ жизни и мировоззрение изменились. С достоинством личности долгие годы у нас не считались, были уничтожены миллионы здравомыслящих, честных людей. Готов ли каждый из нас, готово ли общество к состраданию? Ваши работники уже столкнулись с тревожным явлением, с непониманием и черствостью, и это не может не беспокоить. Знаю, что для акции «Экология, милосердие, красота», которую вы проводили с Союзом театральных деятелей России, Министерство речного флота отказалось предоставить теплоход по Волге для участников благотворительных концертов — советских и зарубежных артистов. Удалось получить теплоход по Днепру, но некоторые города не приняли артистов, в Полтаве и Харькове благотворительные концерты были сорваны. За охрану порядка на киевском стадионе, где состоялось благотворительное выступление Аллы Пугачевой, киевская милиция запросила сначала 55 тысяч, затем 40 тысяч рублей. Хотя перед этим, когда провожали из большого спорта футболиста Блохина, не взяла за охрану ни копейки. Потребовался звонок министра внутренних дел В. В. Бакатина, чтобы объяснить, что такое благотворительность.

Сам концерт тоже был под угрозой: местные власти не разрешали его проводить. Чтобы спасти положение, опять понадобилось выходить на самый высокий уровень.

— Один из четырех своих благотворительных концертов Вилли Токарев давал в пользу «Акции милосердия», но генеральный директор Лужников запросил с нас 50 процентов вырученной суммы. До этого с Детского фонда и Фонда культуры брал всего 10—20 процентов. И это несмотря на указание Госкомспорта РСФСР предоставить помещение.

Подобное, к сожалению, случается. Но чаще все-таки люди откликаются на наши предложения. Из Фондов помощи оказывается денежная поддержка, приобретаются дорогостоящие вещи — холодильники, стиральные машины — для малообеспеченных, открываются бесплатные столовые. Уже сейчас некоторые кооперативы переводят деньги в магазины, чтобы обеспечивать малоимущих бесплатными продовольственными заказами.

— Во всем мире благотворительность широко развита, считается, что это выгодное вложение средств.

Фото Николая ЧЕСНОКОВА

К организации, занимающейся благотворительными делами, более доброжелательное отношение; средства, идущие на помощь обездоленным, не облагаются налогом. Проект нашего нового Закона о налогообложении также это предусматривает. Но воспитание людей милосердных — дело не одной недели.

— Мы всенародно помогаем пострадавшим от стихийных бедствий. Вся страна откликнулась на беду, случившуюся в Армении. Все общественные фонды и организации направили туда средства, и это правильно, это наш долг — гражданский, политический. А то, что миллионы старых, беспомощных людей находятся в ужасающих условиях,— разве это не всенародное бедствие?

— Вы пришли в министерство год назад, в июле 88-го, хозяйство вам досталось запущенное. Дома-интернаты для престарелых и инвалидов находятся вдали от людных мест, раньше только отдельные стоны доносились оттуда — письма в редакции и, наверное, в министерство. Но жалующихся чаще всего объявляли агрессивными, душевнобольными и отправляли в специнтернаты. Общественность об этом мало знала да и мало этим интересовалась. Но вот постепенно пресса вторглась и в эту «зону молчания». Все узнали, в каком плачевном состоянии находятся такие дома и как на самом деле живется здесь людям слабым, обиженным судьбой. Запущенные, неуютные помещения, отсутствие удобств, перенаселенные комнаты. Это бытовые трудности. Но есть и пострашнее: произвол администрации и персонала, грубость, издевательства. За нарушение режима (слово-то какое, ведь не в тюрьме живут), за непокорность могут вообще выселить, как мы однажды видели в телепрограмме «Взгляд». Эти люди приезжали в министерство...

— В тот день я прилетел из Хельсинки. Включил телевизор и... Министерство соцобеспечения. Вижу эту позорную картину, как мой заместитель беседует с несчастными людьми. После этого мы ее сразу отправили на пенсию.

Как глянул на интернат, на обшарпанные, мрачные стены, на самодовольного директора, на жестяные кружки, на лозунг «Добро пожаловать!», меня затрясло. И это после того, что я только что видел в Финляндии и ФРГ! Красивые, ухоженные столовые, уютные комнаты. Везде новейшая аппаратура. А какие спортивные снаряды! Ими почти не пользуются, ну, может быть, раз в неделю. Но они там есть! И мастерские замечательные. Старушка пришла, когда захотела, часик с удовольствием пошила. Мы же обязательно план даем. Ну почему, думаю, они там могут обеспечить человеку нормальную жизнь, а мы — нет?

У нас в домах-интернатах 265 тысяч человек. Из них сто тысяч — постельные больные. Из 858 интернатов 77 не имеют канализации, 11 — водопроводов, 78 — горячей воды. Если мы сейчас не примем кардинальных мер, я готов к тому, чтобы закрыть эти дома. Но куда девать людей? Даже при таких условиях — двадцатитысячная очередь.

Человек всю жизнь честно трудился, получил отдельную квартиру. Теперь остался один, тяжело заболел. Положение безвыходное, и его определяют в такой интернат. За что, спрашивается? В прошлом году выросли ассигнования на содержание этих домов, увеличены средства, расходуемые на одного проживающего, на двадцать процентов повышены нормы на питание, приобретение мягкого инвентаря, медикаментов. Но все равно этого мало.

Посмотрите, какое сложилось отношение к социальной сфере. В прошлом году мы выпросили в Госплане РСФСР 222 миллиона рублей на строительство домов-интернатов. Эти средства влились в бюджет местных Советов, поскольку строительство интернатов ведут краевые и областные исполкомы. И потерялись там. Практически две трети всех денег местные Советы израсходовали на другие цели. Так же складывается ситуация и в нынешнем году. Это тем более несправедливо, что, подавая заявку в плановые органы, каждый исполком «выбивает» деньги именно под жилье для стариков. Но проходит время, и оказывается: школа нужна, больница, а старики подождут... Да не могут они ждать, нет у них времени впереди!

Года два назад, до того как расширили права местных Советов, такое самовольное перераспределение средств считалось грубейшим нарушением. Есть тут «секрет». Раньше возведение домов-интернатов обозначалось отдельной строкой в плане капитального строительства. Теперь строка общая — жилищное строительство. И тот же председатель исполкома с чистой совестью подписывает отчет: на дело деньги использовал, не в карман положил. Вот вам и социальная защищенность, и от кого она, в том числе, зависит.

Недавно Бюро Совмина СССР по социальному развитию признало недопустимым отвлекать государственные капитальные вложения, предназначенные для домов-интернатов, на другие цели. Президиум Совмина России обязал край- и облисполкомы, Совмины автономных республик не допускать использования таких сумм не по назначению. Органам соцобеспечения остается строго это контролировать.

— Опять выстраивается знакомая административно-командная цепочка, а в результате никто никакой ответственности не несет.

— Необходимо изменить отношение общества и каждого из нас к проблемам социального обеспечения.

В столице, у всех на глазах, Центральный научно-исследовательский институт протезирования и протезостроения строится семнадцать лет.

— Когда он переедет в новое помещение?

— Надеюсь, что скоро, хотя срок сдачи все время откладывается. Условия в старом здании ужасающи. Я даже не мог себе представить, что в таком учреждении пижамы, халаты, постельное белье шестнадцатилетней давности. Рутина, дикость...

Еще пример: санаторий для ветеранов под Москвой, в Переделкине, на пятьсот мест строят двенадцать лет.

— И это при том, что единственный минсобесовский санаторий в Подмосковье рассчитан на сто сорок человек и находится в бывшем монастыре, где нет практически никаких удобств, туалет на лестнице? Люди, даже самые неприхотливые, не хотят туда ехать.

— Мы обращались в ВЦСПС, просили передать органам соцобеспечения несколько здравниц и домов отдыха на черноморских курортах, под Москвой, под Ленинградом, в Приморском крае, в Сибири. Нам очень нужны местные санатории. Здравницы Минсобеса должны быть по всей стране, а не только, как сейчас, по одной — в Кисловодске, Сочи, Ессентуках, в подмосковном Кратове. Дальние путешествия для людей пожилых и больных затруднительны. Поэтому, когда мы предлагаем путевку в Сочи ветерану труда или инвалиду, живущему на Дальнем Востоке, они отказываются, берут компенсацию. Человек состоял членом профсоюза не один год, иногда тридцать, сорок лет. Почему же он у ВЦСПС на втором плане?

— В фонды социального развития мы вносим отчисления из зарплаты всю жизнь, должны же они наконец работать на человека.

— Пока есть только один утешительный факт: Свердловскому облсобесу передали профсоюзный санаторий «Озеро Молтаево». Но и предприятия не должны перекладывать все заботы о своих неработающих пенсионерах на органы социального обеспечения. Путевками, во всяком случае, могут их обеспечить.

— Социальная сфера — забота общая...

— Но не все хотят это понять. Мы стараемся развить социальную помощь на дому. Такие службы хорошо поставлены в братских социалистических странах, в капиталистических государствах, особенно в Швеции. Помощь одиноким престарелым людям — это доставка продуктов, лекарств, топлива, уборка помещения, помощь в личной гигиене. Все ложится не только на плечи органов соцобеспечения, но и на республиканские министерства здравоохранения, торговли. Их инициатива и раньше была не очень заметна, а после создания отделений социальной помощи стала пропадать совсем. Случается, что работника, получающего товары для ветеранов по удостоверению, выданному исполкомом местного Совета, отказываются обслуживать в предприятиях торговли, общественного питания, службы быта.

Одинокие старые люди, живущие в сельской местности, испытывают трудности с топливом. Материал, который отпускают лесхозы, не просто обратить в дрова даже людям здоровым. К тому же российский Минтоппром признает, что стоимость топлива тем, кто имеет право на 50-процентную скидку, обычно обходится дешевле, чем его доставка.

Формален подход и к профилактическим медицинским осмотрам. Когда бригады врачей-специалистов выезжают в дома-интернаты, каждый врач обследует по шестьдесят—восемьдесят человек в день. Может ли быть от этого толк? Медицинское оборудование в интернатах такое устаревшее, что стыдно даже об этом говорить, с лекарствами трудности. Всем этим мы сейчас занимаемся, преодолевая отчаянное сопротивление людей, вроде бы уважаемых и понимающих, но не чувствующих чужой боли.

Служба социальной помощи на дому организована у нас недавно, но ее отделения уже обслуживают 183 тысячи одиноких людей. Средства выделяют Совет Министров и Министерство финансов РСФСР. И все-таки их не хватает. Очень нужна помощь предприятий, общественных организаций. По инициативе Свердловского облсобеса, например, создан кооператив «Милосердие», он обслуживает людей бесплатно, за счет 10 процентов прибыли, получаемой от различных рентабельных работ. С июля прошлого года такое обслуживание своих ветеранов труда осуществляют и некоторые промышленные предприятия области.

— Многое зависит от отношения конкретных людей, но еще больше, видимо, от внимания местных властей, руководителей учреждений к социальной сфере.

— У меня есть книги, которые каждый год, начиная с 86-го, издаются в Ульяновске. Они называются «Комплексная программа «Забота». В каждой собраны планы городских, районных и сельских Советов на год. Есть вдовы в селе, которым необходима помощь, так они вписаны в документ уважительно, с именем и отчеством. И попробуй не вспомнить председатель исполкома, что именно Марье Ивановне пора завезти дрова, а у Анны Петровны крыша требует ремонта.

Но общим явлением такое положение не стало.

— Со временем, может быть, милосердие и станет нормой нашей жизни. Но уже сейчас оно должно быть законом и сутью деятельности работников социального обеспечения. К сожалению, почта редакции свидетельствует, что это далеко не так.

— У инспекторов местных собесов, у некоторых работников министерства сложилось представление, что наша задача состоит только в начислении пенсий и выдаче справок. С задачами социального обеспечения ничего общего это не имеет. Система складывалась годами, на все существовали инструкции, и конкретным человеком с его проблемами никто не интересовался. Положена пенсия,— собес ее выплатит, и все, голодает ли, бедствует человек, никого не заботило. Суть перестройки в системе соцобеспечения — это переход на активную позицию, направленную на улучшение жизни малообеспеченных одиноких пожилых людей, инвалидов, многодетных семей. Надо оторвать социального работника от привычного письменного стола, от перебирания и оформления бумаг. К сожалению, живая работа многих еще отпугивает.

— Управления соцобеспечения существуют при Советах народных депутатов. Это их штаты, их кадры. Министерство осуществляет общее руководство, координирует работу. Можно только надеяться, что, когда лозунг «Вся власть Советам!» станет наконец реальностью, местные власти вряд ли потерпят бездействие и равнодушие тех, кто ведает социальной сферой. Сильная социальная политика будет показателем их работы и будет определять отношение к Советской власти на местах.

Пока же аппарат, я вижу, иллюзий у вас не вызывает. Но акцию придется осуществлять ему. Учитывая богатый опыт прошлого, нет ли у вас опасения, что он превратит ее в формальность, задушит милосердие бюрократическими мероприятиями?

— Гарантировать тут ничего нельзя. Где-то, может, и не получится так, как надо. Но нельзя и дальше сидеть сложа руки.

— Возвращаясь из зарубежных поездок, мы отмечаем, как часто там на улицах, в парках, кафе можно встретить людей в инвалидных колясках. В свою очередь, иностранцы, приезжающие в Союз, удивляются, почему у нас их совсем не видно. Наши города для таких людей не приспособлены. Нет съездов с тротуаров, пандусов, въездов в торговые, зрелищные, административные здания. Даже в Министерство соцобеспечения...

— В июне прошлого года утверждено типовое положение, по которому в проектах общественных зданий, при планировке и застройке населенных пунктов должны быть предусмотрены такие конструктивные элементы.

— А если это не будет выполняться?

— Местным органам соцобеспечения и обществам инвалидов надо добиваться осуществления предусмотренных мер — не только в новых, проектируемых районах, но и в уже сложившейся застройке.

— Опять уповаем на совесть, на общественность, на энтузиазм работников собесов. А если этого нет? Не лучше ли определить правовую ответственность строителей и архитекторов? Благих порывов у нас всегда было много, а результаты пока плачевные.

— Это было бы правильно. Мы ставим также вопрос о переселении инвалидов с последних этажей на первые, о строительстве для них специальных жилых домов или блок-секций в обычных домах, о создании специальных жилищно-производственных комплексов. Все спортивные сооружения, учреждения культуры необходимо оборудовать перилами и приспособлениями, которые облегчат доступ к ним. Но пока эти проблемы только обсуждаются, практических шагов ни строители, ни архитекторы не предпринимают.

— В редакционной почте много писем о сложностях с трудоустройством инвалидов. Бывшему слесарю, вынужденному работать дома, предлагают клеить конверты. Он просит работу с железками, ему говорят: у нас такой нет. Почему человек не имеет права на увлекательное дело? Но чаще всего работы для инвалида вообще нет.

— За такое состояние дел сейчас спросить не с кого. Трудоустройство возложено и на администрацию предприятий, на органы социального обеспечения, на ведомства по труду, профсоюзы, ВТЭК. А в результате люди сами ищут работу и устраиваются, куда возьмут. Это им не всегда удается, особенно в небольших городах, в селе. Сейчас, когда предприятия переходят на хозяйственный расчет, на арендные отношения, ситуация еще острее. Пенсионеры и инвалиды становятся для них «лишними» людьми.

— По законам ФРГ на предприятии должно работать шесть процентов инвалидов. Если меньше, владелец платит неустойку, и очень значительную. Наши постановления предусматривают лишь два процента инвалидов среди работающих, но и этот минимум не обеспечивается. Может быть, и нам стоит ввести денежные штрафы?

— Было бы полезно.

— Еще один вопрос, больной для сотен тысяч людей,— о протезах, а значит, о возвращении к труду, к нормальной жизни.

— Катастрофическое состояние нашей протезной промышленности хорошо известно. Без качественных узлов, деталей, металлических и пластмассовых полуфабрикатов положение не изменится. Поэтому с сентября нынешнего года вся ответственность за осуществление технической политики и производство протезов возложена на Министерство общего машиностроения. Мы передали им три своих завода, которые нуждаются в реконструкции и модернизации: разовое вложение средств тут мало что изменило бы. К товарам народного потребления отнесены протезно-ортопедические изделия, кресла-коляски, автомобили с ручным управлением, средства реабилитации и приспособления для инвалидов, то есть производству этой продукции даны приоритетные права.

Что касается предприятий, непосредственно занимающихся протезированием, то сейчас это кустарные мастерские. Нам предстоит заняться их переоснащением. Одна из финских фирм реконструирует и полностью оборудует сочинское предприятие, подготовит для него кадры. За это мы им дадим возможность часть пациентов приглашать из-за рубежа, получим валюту.

Центральный Комитет ВЛКСМ на свои средства приобретает импортное оборудование для пяти центров, где будут протезироваться воины-интернационалисты.

— На все нужны деньги. Как я понимаю, Минсобес, кроме бюджетных отчислений — для выплаты пенсий, на содержание домов-интернатов и протезно-ортопедических предприятий,— ничего не имеет.

— Да, голый король.

— Может быть, министерству есть смысл открыть собственное «дело», заняться предпринимательством?

— Вместе с финнами собираемся строить в Москве 25-этажную гостиницу. Половина мест — инвалидам, приезжающим в столицу, остальное — для иностранцев, за валюту...

Прочитав беседу с министром, вы, читатель, наверное, так же, как и мы в редакции, сделали вывод: Министерство социального обеспечения, которое, по идее, призвано помочь нам в старости и поддержать в беде, само «с протянутой рукой», бесправно и беспомощно.

«Акция милосердия» завершится в феврале. А что дальше? Публикуя номер счета, на который можно переводить пожертвования, мы далеки от мысли, что собранные средства радикально изменят положение одиноких пожилых людей, многодетных семей, бездомных и инвалидов. В лучшем случае они позволят коекак залатать самые вопиющие дыры. Только вот надолго ли?

Забота о нуждающихся и слабых не может быть временной, зависеть лишь от чьей-то доброй воли. Она должна стать прежде всего основой государственной программы, ежедневно и последовательно реализуемой.

Мы хотим быть уверены в завтрашнем дне. Нам нужен четкий, юридически определенный механизм социальной защиты. Иначе мы всегда будем зависеть от настроения инспектора райсобеса, энтузиазма или равнодушия министра, руководителей ведомств.

Когда забота о человеке перестанет быть декларацией и обретет силу закона, когда этот закон заработает, вот тогда милосердие вернется в наше общество.

А пока вспомним: «Возлюби ближнего, как самого себя...»

«Акция милосердия»
Счет № 2141935 1 ОПЕРУ МГУ ЖСБ

Среди большого количества публикаций о сталинском периоде нашей истории эта книга уникальная.

Это не воспоминания бывшего зека, ссыльного, репрессированного, это не роман или повесть писателя, пытающегося на основании собранных фактов восстановить правдивую картину тех лет, это не официальный документ, реабилитирующий невинно осужденных.

Книга Орлова — это показания бывшего генерала НКВД. Почти двадцать лет он прослужил на высших должностях в органах безопасности. 12 июля 1938 года он, работая в Испании, скрылся и, очутившись в США, рассказал в своей книге о страшном сталинском репрессивном механизме, о событиях, участником, очевидцем и свидетелем которых был сам, показал изнутри бесчеловечную сталинскую машину уничтожения.

«Тайная история сталинских преступлений» была впервые опубликована на английском языке в Америке в журнале «Лайф» в 1953 году, сразу после смерти Сталина.

Эта книга потрясает не только своими разоблачениями страшных сталинских злодеяний. Удивительна судьба автора, похожая на детективный роман самого высокого класса.

Книга Орлова широко известна на Западе. Факты, в ней изложенные, привлекли внимание многих западных советологов, а также советских авторов, занимающихся сталинским периодом нашей истории. Книга эта — показания свидетеля, в ней излагаются исторические факты, а исторические факты принадлежат не тому, кто о них сообщил, а самой истории. И каждый исследователь может на эти факты (если считает их достоверными) опираться. Когда это право в групповых интересах отвергает, скажем, «Наш современник» (конечно, когда речь идет о «чужих», а не о «своих» авторах), то это понятно, но когда для подобных невежественных утверждений предоставляет свои страницы такая солидная газета, как «Комсомольская правда» (номер от 1 июля 1989 г., статья С. Заворотного), то это вызывает по меньшей мере удивление.

Как читатели при чтении книги, так и исследователи при ее изучении должны иметь в виду следующие четыре обстоятельства:

1. Орлов прослужил в органах ОГПУ — НКВД двадцать лет на самых высоких должностях. Это был убежденный, опытный, профессиональный чекист высокого ранга. Однако о том, в чем именно он сам участвовал, Орлов умалчивает, о своей истинной роли в органах не говорит, хотя совершенно ясно, что, занимая в органах самые высокие должности, он не мог не участвовать в их акциях. И эта сторона деятельности НКВД, которая под пером Орлова была бы наиболее достоверной, из его рассказа выпала. Тайны, к которым он сам был причастен, он не разглашает. Он хочет быть обвинителем, но не обвиняемым. И оттого рассказ его не полон.

2. За двадцать лет своей работы в органах Орлов имел длительные, тесные и часто дружеские связи с такими же, как и он, высокими руководителями НКВД и, безусловно, очень многое знал об их деятельности. Однако личные симпатии и антипатии весьма существенно отразились на объективности его рассказа. Субъективно часто и отношение Орлова к некоторым осужденным на процессах. Это местами искажает картину и ставит под сомнение кое-какие оценки. Особенно осторожно надо относиться к тому, что ряд участников процесса он объявляет «платными агентами НКВД».

3. Для установления степени достоверности книги Орлова ее надо разделить на три периода:

а) 1934 и 1935 годы, когда Орлов был за границей и вернулся в СССР только в декабре 1935 года. Таким образом, все дело Кирова, с которого Орлов начинает свое повествование, происходило в его отсутствие, он знал о нем по рассказам своих сослуживцев и по собственным догадкам. С его концепцией убийства Кирова я согласен, смерть Кирова нужна была Сталину и только Сталину. Однако целый ряд других причин обострения ситуации, например, конфликты Кирова с Орджоникидзе, Микояном, Ворошиловым, носил, как правило, чисто служебный характер и не играл решающей роли в трагедии. Также ошибочны и некоторые другие мелкие факты.

б) С декабря 1935 г. по сентябрь 1936 г. Александр Орлов (его настоящие имя и фамилия Лев Фельдбин) жил в Москве, работал в аппарате НКВД, был близок с руководителями ведомства, готовившими процесс Зиновьева — Каменева, был хорошо информирован и может считаться если не участником (это не исключено, но об этом Орлов умалчивает), то, безусловно, свидетелем того, что происходило. Главное событие этого

Главы из книги А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений» публикуются с любезного разрешения главного редактора издательства «Время и мы» В. Перельмана, которому принадлежат права на русское издание этой книги.

Издательство «Время и мы» (США), помимо книжной продукции, выпускает с 1975 года ежемесячный журнал под тем же названием. Одна из главных задач журнала — объединить творческие силы эмигрантов из России разных направлений и поколений.

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр ОРЛОВ

Немногие рукописи мне приходилось читать так, как я читал эту: сел за письменный стол в десять вечера и где-то около восьми утра закрыл последнюю страницу, потрясенный прочитанным. И тем, как поразительно мало я знаю о тридцать седьмом годе, как саднящая, незаживающая рана, по сей день живущем в глубине души. И еще тем, что почти тридцать лет эта рукопись оставалась неизвестной нашему читателю. Вот так, в одночасье, и пришла мысль издать эту книгу, может быть, самую уникальную из всех, что были посвящены Сталину.

Нет, эта книга не о том, как действовал сталинский режим,— обо всем этом достаточно известно и без рассказанного Орловым. Это книга о том, как действовал лично Сталин — не как глава государства и партии (об этом также широко известно), а как предводитель тайной полиции, как самый зловещий инквизитор двадцатого века.

Книга лишена или почти лишена эмоций,— по существу, она не более чем показания свидетеля. Но свидетеля особого рода, причастного к самым дьявольским секретам мафии,— он был на самом ее верху — и потому по законам мафии подлежал безусловному уничтожению. Чудом вырвавшись, он рассказал о том, что было навеки замуровано в подвалах Лубянки и о чем мы не узнали бы никогда.

Но перед нами не просто уникальный источник информации, а книга огромного нравственного значения, погружающая в тревожные раздумья о силе зла и слабости человека.

Пусть Сталин был дьяволом во плоти, но сколь жалки те, кто оказался под сапогом тирана, каким поразительно равнодушным выглядит окружающий мир, да и вообще задаюсь я вопросом: много ли стоят ценности нашей цивилизации, если в ее рамках были возможны Сталин и сталинизм?

Могу сказать, что все это история,— да, это так,— но, если истории под силу предоставлять голос мертвым, чтобы предостеречь живых, то этих мертвых, их исполненные ужаса голоса мы и слышим со страниц книги Александра Орлова.

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

ПРОВОКАЦИЯ

1 декабря 1934 года молодой коммунист Леонид Николаев вошел в здание Смольного и выстрелом из револьвера убил наповал члена Политбюро Сергея Мироновича Кирова, главу ленинградской партийной организации. Убийцу схватили на месте преступления. Из Москвы немедленно выехала в Ленинград специальная комиссия, возглавляемая Сталиным, чтобы расследовать обстоятельства убийства.

Подробности этого преступления остались неопубликованными. Кто такой был этот Николаев? Как он ухитрился пробраться в строго охраняемый Смольный? Как ему удалось приблизиться вплотную к Кирову? Какие причины толкнули его на этот отчаянный шаг — политические или личные? Все обстоятельства преступления оказались окутаны покровом глубокой тайны.

В первом правительственном заявлении утверждалось, что убийца Кирова — один из белогвардейских террористов, которые якобы проникают в Советский Союз из Финляндии, Латвии и Польши. Несколькими днями позже советские газеты сообщили, что органами НКВД поймано и расстреляно 104 террориста-белогвардейца. Газетами была начата бурная кампания против «окопавшихся на Западе» белогвардейских организаций (в первую очередь Российского общевоинского союза), которые, дескать, «уже не впервые посылают своих эмиссаров в Советский Союз с целью совершения террористических актов».

Столь определенные заявления, особенно казнь 104 белогвардейских террористов, заставляли думать, что участие русских эмигрантских организаций в убийстве Кирова полностью установлено следственными органами. Однако на шестнадцатый день после убийства (как по мановению волшебной палочки) картина полностью изменилась. Новая версия, появившаяся в советских газетах, возлагала ответственность за убийство Кирова теперь уже на троцкистско-зиновьевскую оппозицию. В один и тот же день, словно по команде, газеты открыли ожесточенную кампанию против лидеров этой уже отошедшей в прошлое оппозиции. Зиновьев, Каменев и многие другие бывшие оппозиционеры были арестованы. Близкий в те дни к Сталину журналист Карл Радек писал в «Известиях»: «Каждый коммунист знает, что теперь партия раздавит железной рукой остатки этой банды... Они будут разгромлены, уничтожены и стерты с лица земли!»

Ненависть Сталина к бывшим лидерам оппозиции была хорошо известна. Поэтому в социалистических кругах за рубежом начали выражать опасение, как бы он не использовал смерть Кирова в качестве предлога для расправы с Зиновьевым и Каменевым. Некоторые иностранные газеты пустили слух, что Зиновьев и Каменев уже тайно казнены. Советские власти сочли необходимым опровергнуть эти слухи, а 22 декабря последовало сообщение ТАСС о том, что «ввиду недостатка улик» дело Зиновьева и Каменева будет рассматриваться не судом, а «Особым совещанием при НКВД СССР».

Итак, на протяжении немногим более двух недель Советское правительство опубликовало две прямо противоположные версии убийства Кирова,— сначала обвинив в этом белогвардейцев, проникших из-за рубежа, а затем бывших вожаков оппозиции. Естественно, советские граждане с нетерпением ожидали судебного процесса, надеясь услышать, что скажет на суде сам Николаев.

Однако им не суждено было этого узнать. 28 декабря было официально опубликовано обвинительное заключение, где утверждалось, что Николаев и тринадцать других лиц являлись участниками заговора, а уже на следующий день газеты сообщили, что все четырнадцать были приговорены к смертной казни на закрытом судебном заседании, и приговор приведен в исполнение. Ни в обвинительном заключении, ни в тексте приговора ни словом не упоминалось о какой-либо причастности Зиновьева и Каменева к убийству Кирова.

То обстоятельство, что Николаева судил тайный трибунал, еще более усиливало всеобщее недоверие к официальной версии событий, возникшее из-за противоречивых правительственных заявлений. Вставал вопрос: что помешало погасить бродившие

периода — первый из больших процессов, процесс Зиновьева — Каменева (август 1936 года). Здесь степень достоверности довольно высока, если, повторяю, сделать поправку на личные симпатии и антипатии Орлова. В романе «Тридцать пятый и другие годы», касаясь процесса Зиновьева — Каменева, я тщательно знакомился с материалами Орлова, они ценны, однако не во всем точны и объективны. Я сверял их с другими источниками, в том числе и рассказами живых свидетелей, делал это не для «перевирания Орлова», как утверждает все тот же С. Заворотный («Комсомольская правда» от 1 июля 1989 г.), а в поисках точной и убедительной версии. И все же именно эта часть книги (с декабря 1935 по сентябрь 1936 года) представляется мне наиболее ценной и достоверной.

в) Третий период, с сентября 1936 года и до своего побега за границу (12 июля 1938 г.), то есть конец 1936-го, весь 1937 год и половина 1938-го (процесс Пятакова — Радека, закрытый процесс военных и процесс Бухарина — Рыкова), Орлов жил в Испании, узнавал о происходившем в СССР от приезжих, часто не имевших прямого отношения к описываемым событиям. Орлов сам это признал, написав, что множество закулисных историй, связанных с этими процессами, дошло до него через хорошо информированных сотрудников НКВД, которые выезжали по делам службы в Испанию и во Францию.

Это не значит, конечно, что вся информация, относящаяся к «испанскому периоду» жизни Орлова, не достойна внимания. Отнюдь нет. Там много ценных и интересных фактов. Но к этой части книги надо подходить особенно осторожно. Там много поверхностного, сомнительного и есть просто фактические ошибки. И только невежды могут представлять читателю как абсолютно истинный дословный рассказ А. Орлова о процессе Пятакова — Радека, который происходил 23—29 января 1937 года («Комсомольская правда» от 6 июля 1989 г.).

4. Свою книгу Орлов писал 40 лет назад. За эти 40 лет наша осведомленность, наша информация о том периоде настолько расширилась, что некоторые утверждения Орлова выглядят абсолютно недостоверными, читатель это легко заметит.

Я так тщательно остановился на ошибочных и сомнительных моментах книги А. Орлова для того, чтобы, увлекшись ее чтением (а от нее невозможно оторваться), читатель не терял критического восприятия. Однако я уверен, что наш читатель уже во многом осведомлен и способен сопоставить различные версии, отличить действительное от сомнительного.

И все же то ценное, что есть в книге Орлова, превышает ее недостатки. При спорности ряда фактов книга в целом создает правдивую картину того страшного времени, передает атмосферу чудовищных злодеяний Сталина и, что, может быть, самое главное, истинную роль в этих злодеяниях самого Сталина, собственной рукой правившего показания несчастных обвиняемых, вписывавшего в них дикие нелепости и лично указывавшего, как пытать и мучить людей. Пусть прочитают это люди, до сих пор утверждающие, что это не Сталин делал, а «его именем делалось».

Книга Орлова впервые была переведена за рубежом на русский язык через 30 лет после опубликования на английском! Почему? Недооценили? Не поняли? Были заняты другими публикациями? Возможно. И все же немалую роль, я думаю, сыграла неприемлемость кое для кого позиции Орлова. В послесловии написано: «Он усиленно противопоставляет Сталину Ленина», «противников Сталина Орлов порой аттестует как «ближайших соратников Ленина», полагая, видимо, что такой аттестации плюс их расхождения с кровавым тираном достаточно, чтобы считать их светлыми личностями» и дальше — «комплимент «соратник Ленина» сам по себе сомнителен, если принять во внимание истинное лицо Ильича... Сказывается в авторе не только бывший работник ОГПУ — НКВД, но и бывший партиец»... В этих высказываниях мне видятся истинные причины того, что 30 лет эту книгу на Западе не переводили на русский язык. В том же издании Орлову вменяется в вину и следующее: «Орлову, посвященному в тайны сталинской кухни, не грех бы отмежеваться от злодеев пораньше... К тому же, если бы не прямая угроза его жизни, исходящая от Сталина и Ежова, он верно продолжал бы служить системе».

Вряд ли стоило опускаться до таких обвинений. Мы не знаем, мог ли физически Орлов «отмежеваться раньше». Мы не знаем, что бы он делал, не угрожай ему Сталин и Ежов.

Но мы знаем, что он написал книгу «Тайная история сталинских преступлений», которая поможет многим людям избавиться от просталинских иллюзий.

Анатолий РЫБАКОВ

в народе слухи, поставив Николаева перед публичным судом? Никто не сомневался, что Кирова убил именно этот человек, схваченный на месте преступления. К чему же вся эта секретность? Что в этом деле было такого, что Сталин не мог вынести на открытый судебный процесс?

В эти дни меня не было в Советском Союзе, и я мог судить обо всем этом только по официальным сообщениям, появлявшимся в московских газетах. Но с самого начала я был уверен, что дело нечисто: не заслуживали доверия ни первая («белогвардейская») версия Кремля, ни версия о виновности Зиновьева и Каменева.

Первую версию я не мог принять всерьез потому, что она содержала басню о ста четырех казненных белогвардейских террористах. Как бывший начальник погранохраны Закавказских республик, я прекрасно знал, что через строго охраняемые границы СССР террористы просто не могли нагрянуть в таком количестве. Кроме того, в условиях жесткой советской паспортной системы и всеохватывающего полицейского надзора сто четыре террориста никак не могли одновременно скрываться в Ленинграде. Все это выглядело тем более подозрительно, что, вопреки обыкновению, газеты, сообщая об их казни, не упомянули даже их имен.

Другая версия — об участии Зиновьева и Каменева в убийстве Кирова — была не менее абсурдной. Из истории партии я отлично знал, что большевики всегда были против индивидуального террора и не прибегали к террористическим актам даже в борьбе против царя и его министров. Они считали подобные методы неэффективными и порочащими революционное движение. А кроме того, Зиновьев и Каменев не могли не отдавать себе отчета в том, что убийство Кирова было бы на руку именно Сталину, который не преминет воспользоваться им для уничтожения бывших вожаков оппозиции. Так и случилось.

23 января 1935 года, почти через месяц после расстрела Николаева, в газетах было объявлено, что начальник ленинградского управления НКВД Филипп Медведь, его заместитель Запорожец и десять других энкаведистов на закрытом заседании Верховного суда приговорены к лишению свободы по обвинению в том, что, «получив сведения о готовящемся покушении на С. М. Кирова... не приняли необходимых мер для предотвращения убийства».

Приговор поразил меня своей необычной мягкостью. Только один из подсудимых получил десятилетний срок заключения; все же остальные, включая самого Медведя и его заместителя Запорожца, получили от двух до трех лет. Все это выглядело тем более странным, что убийство Кирова должно было рассматриваться Сталиным как угроза не только его политике, но и ему лично: если сегодня НКВД прохлопал Кирова, завтра в такой же опасности может оказаться он сам. Каждый, кто знал Сталина, не сомневался, что он наверняка прикажет расстрелять народного комиссара внутренних дел Ягоду и потребует казни всех, кто нес ответственность за безопасность Кирова. Он должен был так поступить хотя бы в назидание другим энкаведистам, чтобы не забывали, что за гибель вождей они в прямом смысле слова отвечают головой.

Самым же странным мне показалось то, что Сталин, едва получив сообщение об убийстве Кирова, отважился лично выехать в Ленинград. Я прекрасно знал, как относился он к собственной безопасности, и его поездка в Ленинград в такой неспокойной обстановке выглядела как нечто из ряда вон выходящее.

Необычайную осторожность Сталина и его постоянный страх за собственную жизнь лучше всего иллюстрируют такие примеры.

Известно, что во время официальных торжеств на Красной площади Сталин появлялся на Мавзолее, охраняемый отборными воинскими частями и массой телохранителей из НКВД. Тем не менее под кителем он всегда носил массивный пуленепробиваемый жилет, специально изготовленный для него в Германии.

Чтобы быть уверенным в собственной безопасности во время частых поездок в загородную резиденцию, Сталин потребовал от НКВД выселить три четверти жителей улиц, по которым он проезжал, и предоставить освободившиеся комнаты сотрудникам НКВД. 35-километровый сталинский маршрут от Кремля до загородной дачи днем и ночью охранялся сотрудниками «органов», дежурившими здесь в три смены, каждая из которых насчитывала тысячу двести человек.

Сталин не рисковал свободно передвигаться даже по территории Кремля. Когда он покидал свои апартаменты и переходил, например, в Большой Кремлевский дворец, охранники усердно разгоняли прохожих с его пути, невзирая на их чины и должности.

Ежегодно, отправляясь на отдых в Сочи, Сталин распоряжался подготовить одновременно его персональный поезд в Москве и соответствующий теплоход — в Горьком. Иногда он предпочитал уезжать непосредственно из Москвы — в таком случае использовался поезд, в других случаях — спускался по Волге до Сталинграда, а уже оттуда поезд, тоже специальный, доставлял его в Сочи. Никто не знал заранее ни того, какой вариант выберет Сталин на этот раз, ни дня, когда он пустится в путь. Его специальный поезд и специальный теплоход по нескольку дней стояли в полной готовности, но только в последние часы перед выездом он наконец сообщал доверенным лицам, какой вариант избирает на сей раз. Перед его бронированным поездом и следом за ним двигались два других поезда, заполненные охраной. Сталинский поезд был так оборудован, что мог выдержать двухнедельную осаду. В случае тревоги его окна автоматически закрывались броневыми ставнями.

Объявив себя вождем рабочего класса, Сталин никогда не бывал в рабочее время ни на одном из заводов, боясь встречаться лицом к лицу с рабочими.

Можно было привести множество других примеров сталинской, мягко выражаясь, осторожности. Вот почему я с трудом поверил сообщению, что Сталин рискнул отправиться в Ленинград, где только что действовала опасная террористическая организация и где органам НКВД не удалось уберечь Кирова. Уже сам факт сталинской поездки заставлял думать, что убийство Кирова было делом рук одиночки и что вся эта версия о раскрытой террористической организации является выдумкой.

Тайна убийства Кирова прояснилась для меня по возвращении в Советский Союз в конце 1935 года. Прибыв в Ленинград через Финляндию, я зашел в здание НКВД, чтобы связаться по специальному телефону с Москвой и заказать спальное место в ночном экспрессе, отправляющемся в Москву. Тут я встретил одного из вновь назначенных руководителей Ленинградского управления НКВД, с которым мы вместе служили в Красной Армии в гражданскую войну. В разговоре мы, естественно, коснулись тех перемен, которые произошли в Ленинграде после убийства Кирова. Выяснилось, что бывший начальник ленинградского управления НКВД Медведь и его заместитель Запорожец, приговоренные по «кировскому делу» к тюремному заключению, вовсе и не сидели в тюрьме. По распоряжению Сталина их назначили на руководящие посты в тресте «Лензолото», занимавшемся разработкой богатейших золотых приисков в Сибири. «Им там живется совсем не плохо, хотя, конечно, похуже, чем в Ленинграде,— сообщил мой старый приятель.— Медведю даже позволили захватить с собой его новый кадиллак». Он добавил, что капризная жена Медведя уже трижды побывала у него в Сибири, каждый раз намереваясь остаться там с мужем, однако всякий раз возвращалась обратно в Ленинград. При этом, как и прежде, ей выделяли в поезде отдельное купе первого класса и полный штат обслуги.

Мой приятель рассказал мне о панике, охватившей Ленинград в связи с убийством Кирова и сталинским визитом. В следствии по этому делу он помогал начальнику Экономического управления НКВД Миронову и заместителю народного комиссара внутренних дел Агранову.

Перед тем как возвратиться в Москву, Сталин назначил Миронова временно, на ближайшие месяцы, исполняющим обязанности начальника ленинградского управления НКВД и фактически ленинградским диктатором. Когда я спросил, как это Николаеву удалось проникнуть в строго охраняемый Смольный, мой приятель ответил: «Именно поэтому и были уволены Медведь и Запорожец. Хуже того, за несколько дней до убийства Николаев уже делал попытку пробраться в Смольный, его задержали и, если б тогда были приняты меры, Киров и по сей день оставался бы жив». Мне показалось, что разговор наш носит какой-то поверхностный характер: мой приятель явно не хочет рассказать об убийстве ничего конкретного. Я поднялся, чтобы уйти; тогда он в замешательстве пробормотал: «Дело настолько опасное, что для собственной безопасности полезнее меньше знать обо всем этом».

Намек моего приятеля был гораздо более ценен для меня, чем остальная, весьма скудная информация, полученная тогда от него. Этот намек не только укрепил мои подозрения насчет того, что обе официальные версии фальшивы, но и показал мне, куда, по-видимому, ведут нити заговора. К тому времени

вне критики поставил себя один-единственный человек в СССР, и ни к кому другому не могли быть отнесены эти слова: «для собственной безопасности полезнее меньше знать обо всем этом».

У меня не было сомнений, что в Москве мне удастся узнать правду о «кировском деле». Я рассчитывал на нескольких старых товарищей, которые занимали в НКВД столь высокие посты, что должны были представлять себе закулисную сторону этого убийства. Среди них был начальник Экономического управления НКВД Миронов, которого Сталин брал с собой в Ленинград для расследования убийства и который затем был оставлен в Ленинграде в качестве руководителя ленинградского управления НКВД с полномочиями диктатора.

Миронов поступил на службу в органы государственной безопасности по моей рекомендации. В 1924 году, будучи заместителем начальника Экономического управления ОГПУ, я смог, правда с немалым трудом, убедить Дзержинского назначить Миронова начальником одного из отделов этого управления. Дзержинский, по понятным причинам, противился назначению на ответственную должность человека совершенно нового для «органов». В дальнейшем, когда я был назначен командующим погранвойсками Закавказья, я договорился, что Миронов будет исполнять мои обязанности заместителя начальника Экономического управления ОГПУ. Благодаря своим способностям несколько лет спустя Миронов возглавил это управление и сделался одним из ближайших помощников Ягоды — народного комиссара внутренних дел. Я был уверен, что от Миронова узнаю наконец всю правду о «деле Кирова».

Вскоре после приезда в Москву меня пригласил в гости начальник Транспортного управления НКВД Александр Шанин, близкий друг Ягоды и один из помощников члена Политбюро Кагановича, занимавшийся вместе с ним реорганизацией советских железных дорог. После обеда хозяин дома предложил послушать пластинки. Шанин был большим любителем старинных русских песен, а тут еще несколько рюмок ликера сделали его особенно сентиментальным. Показав на два альбома пластинок, Шанин сказал, что специально отложил их, чтобы послать Ване Запорожцу в его «Лензолото». «Ох, Ваня, Ваня,— вздохнул он,— что за человек был! Пострадал ни за что...» Шанин добавил, что Паукер, начальник личной охраны Сталина, только что послал Запорожцу в подарок импортный радиоприемник.

Тот факт, что Шанин и Паукер посылают Запорожцу подарки, показался мне весьма знаменательным. Оба знали, что любое проявление симпатии к осужденному ЦК считает демонстрацией враждебных настроений. По неписаному правилу, установившемуся при Сталине, советские сановники немедленно порывали все отношения даже со своими ближайшими друзьями, как только те попадали в немилость (я уж не говорю — в тюрьму). Такие осведомленные сталинские приближенные, как Шанин и Паукер, конечно, усвоили это элементарное правило: следует одаривать и ублажать тех, кто успешно делает карьеру, и, наоборот, поскорее рвать с теми, чья карьера лопнула. Напрашивался единственно возможный вывод: Шанин и Паукер знали, что Запорожец вовсе не впал в немилость и посылка ему подарков отнюдь не компрометирует их.

Будучи в Москве, я действительно узнал подоплеку «кировского дела», притом быстрее, чем мог ожидать.

Это случилось так. Весной и летом 1934 года у Кирова начались конфликты с другими членами Политбюро. Киров, прямота которого была всем известна, на заседаниях Политбюро несколько раз принимался критиковать своего бывшего патрона Орджоникидзе за противоречивые указания, которые тот давал относительно промышленного строительства в Ленинградской области. Кандидата в члены Политбюро Микояна Киров обвинял в дезорганизации снабжения Ленинграда продовольствием. Одно из таких столкновений с Микояном, ставшее мне известным во всех подробностях, было вызвано следующим. Киров без разрешения Москвы реквизировал часть продовольствия из неприкосновенных запасов Ленинградского военного округа. Ворошилов, в то время народный комиссар обороны, выразил недовольство действиями Кирова, считая, что тот превышает свои полномочия, позволяя себе вмешиваться в дела военного ведомства.

Киров объяснил на заседании Политбюро, что он пошел на такой шаг, потому что запасы, предназначавшиеся для рабочих, были исчерпаны. К тому же он взял продовольствие у военных только взаймы, собираясь вернуть его, как только прибудут новые поставки. Однако Ворошилов, явно чувствуя поддержку Сталина, не удовлетворился этим объяснением и раздраженно заявил, что, перебрасывая продовольствие с воинских складов в фабричные лавки, Киров «ищет дешевой популярности среди рабочих». Киров вспыхнул от негодования и со свойственной ему горячностью ответил: «Если Политбюро хочет, чтобы рабочие давали продукцию, их прежде всего необходимо кормить! Каждому мужику известно,— продолжал он, срываясь на крик,— не накормишь лошадь — она воз и с места не сдвинет!» Микоян возразил, что, по его сведениям, ленинградские рабочие питаются лучше, чем в среднем по стране. Киров не мог отрицать этого. Но он привел цифры роста продукции ленинградских предприятий и заметил, что этими достижениями с избытком окупаются добавочные пайки рабочих.

«А почему, собственно, ленинградские рабочие должны питаться лучше всех остальных?» — вмешался Сталин. Киров снова вышел из себя и закричал: «Я думаю, давно пора отменить карточную систему и начать кормить всех наших рабочих как следует!»

Эта кировская вспышка была расценена как проявление нелояльности по отношению к самому Сталину. С тех пор как Сталин сосредоточил в своих руках неограниченную власть, установилось неписаное правило: никто из членов Политбюро не должен выносить на обсуждение какой бы то ни было вопрос, не получив благословения Сталина.

Члены Политбюро ополчились против Кирова. Мелкие недоразумения искусственно раздувались и изображались как тяжелые прегрешения. Летом 1934 года Орджоникидзе, народный комиссар тяжелой промышленности и влиятельный член Политбюро вызвал к себе на совещание председателя Ленинградского исполкома и нескольких руководителей ленинградской промышленности. Они захватили с собой всевозможные отчеты и сметы и отправились в Москву, где провели два дня в приемной наркомата тяжелой промышленности. Орджоникидзе все было недосуг принять их, и совещание откладывалось со дня на день. На третьи сутки председатель Ленгорисполкома позвонил Кирову и сообщил ему о создавшемся положении. Решение Кирова не заставило себя ждать: «Если Орджоникидзе тебя и сегодня не примет, садись на поезд и езжай домой!»

Председатель Ленгорисполкома так и сделал.

Этот эпизод Орджоникидзе изложил на ближайшем заседании Политбюро. Распоряжение Кирова было расценено как «воспитывающее ленинградские кадры в духе партизанщины и неподчинения центру». Его попытки объяснить ситуацию ни к чему не привели. Не в состоянии более сдерживаться, он заявил: «Я и впредь всегда буду так поступать. Мои люди нужны мне в Ленинграде, нечего им прохлаждаться у Орджоникидзе в приемной!»

Постепенно отношения Кирова с Политбюро обострились до предела, и он старался реже бывать в Москве. Членов Политбюро и самого Сталина особенно злила все растущая популярность Кирова в народе. Никто из них, не исключая и Сталина, не был умелым оратором. Их публичные выступления были вялыми и нудными. А Киров, напротив, славился своими блестящими речами, зная как подойти к массам. Он был единственным членом Политбюро, не боявшимся ездить по заводам и выступать перед рабочими. Сам когда-то рабочий, он внимательно выслушивал их жалобы и, насколько мог, старался помочь. Многие партийные и промышленные деятели высокого ранга, работавшие в разных городах, пытались добиться перевода в Ленинград: шел слух, что Киров поощряет инициативу своих подчиненных и выдвигает тех, кто хочет и умеет работать. Его авторитет в Ленинграде был непререкаем. Наркомы в Москве меньше значили для директоров ленинградских предприятий своей отрасли, чем Киров.

Огромная популярность Кирова еще больше возросла после семнадцатого съезда партии, который состоялся в самом начале 1934 года. К съезду все было намечено и расписано заранее — даже энтузиазм, с которым делегаты должны были приветствовать вождей. Каждому члену Политбюро, появляющемуся на трибуне, было положено две минуты аплодисментов. Сталину следовало аплодировать целых десять минут. Однако появление Кирова в президиуме съезда вызвало бурю оваций. Ленинградская делегация приветствовала его с таким восторгом, что увлекла своим примером весь съезд. Киров был встречен овацией такой продолжительности, о какой другие члены Политбюро не могли и мечтать. В кулуарах съезда шептались, что на долю Кирова выпал почет, который предназначался только одному человеку: Сталину.

Раздраженный чрезмерной независимостью Кирова, Сталин решил отозвать его из Ленинграда. Ему было объявлено, что его ждет назначение на ответственную должность в Москве, в Оргбюро ЦК.

Однако Киров не спешил в Москву. Он выгадывал месяц за месяцем, ссылаясь на то, что необходимо довести до конца ряд важных дел в Ленинграде, начатых при нем. Более того, он все реже и реже появлялся на заседаниях Политбюро, что выглядело уже вызывающе.

Сталин мог, конечно, задержать Кирова в Москве во время любого из его приездов и воспрепятствовать его возвращению в Ленинград. Но это означало бы открытую ссору, после которой было бы крайне затруднительно назначить Кирова на какую-либо должность в ЦК. Больше того, удержать Кирова в Москве против его воли было не так легко — разве что арестовать его? Однако тогда, в 1934 году, по отношению к члену Политбюро подобные действия были крайне нежелательны. Отстранение члена Политбюро все еще требовало сложной формальной процедуры. Задавшись такой целью, пришлось бы для начала сфабриковать против Кирова обвинение в какой-нибудь антиленинской ереси или в отклонении от генеральной линии партии и развязать против него кампанию критики, которая должна охватить все партийные организации. В данном случае такой путь был для Сталина неприемлем. Подавив троцкистскую и зиновьевскую оппозиции, Сталин много раз писал и заявлял устно, что, очистившись от ереси, партия окрепла и сделалась «сплоченной и монолитной как никогда». Но кампания, направленная против Кирова, наверняка вызовет слухи о новом расколе в партии и о разногласиях в Политбюро. При этом Сталин понимал, что и за рубежом опять появятся сомнения в прочности его режима, чего он никак не хотел.

Он пришел к выводу, что сложная проблема, вставшая перед ним, может быть разрешена лишь одним путем. Киров должен быть устранен, а вина за его убийство возложена на бывших вождей оппозиции. Таким образом, одним ударом он убьет двух зайцев. Вместе с ликвидацией Кирова будет покончено с ближайшими сподвижниками Ленина, которые, как бы ни чернил их Сталин, продолжали оставаться в глазах рядовых партийцев символом большевизма. Сталин решил, что, если ему удастся доказать, что Зиновьев, Каменев и другие руководители оппозиции пролили кровь Кирова, «верного сына нашей партии», члена Политбюро,— он вправе будет потребовать: кровь за кровь.

Единственной частью государственного аппарата, которая могла помочь Сталину в подготовке этого убийства, являлось ленинградское управление НКВД, отвечавшее за безопасность Кирова. Но начальником этого управления был Филипп Медведь, связанный с Кировым тесной дружбой. Медведя следовало убрать и заменить другим человеком, «более надежным». У Сталина был на примете такой человек: Евдокимов, давний сотрудник «органов». Несколько лет подряд Сталин брал его с собой в отпуск — не только в качестве телохранителя, но и как приятеля и собутыльника. Евдокимов получил от Сталина больше наград, чем любой другой энкаведист. Это была странная личность, с застывшим, точно окаменевшим лицом, сторонившаяся своих коллег. В прошлом заурядный уголовник, Евдокимов вышел из тюрьмы благодаря революции, примкнул к большевистской партии и отличился в гражданской войне. Когда война закончилась, Евдокимов был назначен начальником областного управления ОГПУ на Украине. Там он лично возглавлял карательные операции против антисоветских повстанческих банд.

По распоряжению Сталина Ягода издал приказ о переводе Медведя из Ленинграда в Минск и назначении Евдокимова на его место. Узнав об этом, Киров пришел в негодование. В присутствии Медведя он позвонил Ягоде и без обиняков начал допытываться, кто дал ему право перемещать ответственных ленинградских работников без разрешения Ленинградского обкома. Затем Киров позвонил Сталину и опротестовал недопустимый образ действий Ягоды. Приказ о переводе Медведя из Ленинграда пришлось отменить.

Поскольку с назначением Евдокимова в Ленинград ничего не получилось, у Сталина не было иного выбора, как обратиться за помощью к Ягоде и посвятить его в свои тайные планы, касавшиеся Кирова. Ягода сразу же вызвал из Ленинграда своего протеже и фаворита Ивана Запорожца, который в то время был заместителем Медведя. Они посетили Сталина вдвоем. Избежать личного разговора Сталина с Запорожцем было нельзя: последний никогда не взялся бы за такое чрезвычайное задание, касающееся члена Политбюро, если б оно исходило всего лишь от Ягоды и не было санкционировано самим Сталиным. Получив сталинский наказ, Запорожец вернулся в Ленинград.

Как раз в это время среди бумаг, поступающих в ленинградское отделение НКВД, оказалось секретное донесение, касавшееся молодого коммуниста по имени Леонид Николаев. Этот Николаев был так обозлен тем, что его исключили из партии и связанной с этим невозможностью устроиться на работу, что у него появилась мысль об убийстве председателя комиссии партийного контроля. Этим актом доведенный до отчаяния Николаев намеревался выразить свой протест против партийной бюрократии, чьей жертвой он себя считал.

Донос на Николаева поступил в «органы» от его друга, которому он имел неосторожность рассказать о своих намерениях. В этом, конечно, не было ничего удивительного. Закономерным было и то, что Запорожец, озабоченный полученным в Москве заданием, заинтересовался личностью Николаева. Встретившись с его «другом» и поговорив с ним, он пришел

к выводу, что слова Николаева не приходится считать пустой болтовней. Дело приняло еще более серьезный оборот, когда «друг» выкрал и принес Запорожцу дневник Николаева.

Дневник был сфотографирован и снова подброшен туда, откуда был украден. На его страницах Николаев подробно описывал свои злоключения: как он был беспричинно «вычищен» из партии, какое бездушное отношение встречал со стороны партийных чинов, когда пытался добиться справедливости, как его уволили с работы и до какой жуткой нищеты докатилась его семья — двое детей, жена и мать. Записи дневника были полны ненависти к бюрократической касте, воцарившейся в партии и государственном аппарате.

Чтобы получить возможно более полное представление о личности Николаева, Запорожец решил лично встретиться с ним. Все тот же «друг» организовал ему якобы случайную встречу с Николаевым, представив Запорожца под вымышленным именем, как своего бывшего сослуживца. Поболтав о том, о сем, они расстались. Николаев произвел на Запорожца благоприятное впечатление. Теперь «другу» была поставлена новая задача: попытаться еще более сблизиться с Николаевым, время от времени передавать ему небольшие суммы денег, прикинуться разделяющим его взгляды — и, конечно, сообщать НКВД о каждом его шаге. Сам Запорожец поспешил в Москву поделиться соображениями о том, как лучше использовать подвернувшийся случай. Там он еще раз был принят Сталиным.

В Москве было решено, что Николаев подходит для реализации намеченного плана. Главное преимущество этого варианта заключалось в том, что Николаев напал на мысль о террористическом акте самостоятельно и вдобавок не подозревает, что с какого-то момента его действия косвенно направляются аппаратом НКВД.

Инструкции, полученные Запорожцем, сводились к одному: постараться перевести террористические замыслы Николаева с некого члена партийной контрольной комиссии, исключавшей его из партии, на Кирова. За время, пока Запорожец отсутствовал, николаевский замысел превратился в манию: его поступок станет сигналом к восстанию против ненавистной партийной бюрократии. «Друг» Николаева предупредил Запорожца, что их подопечный делает попытки раздобыть огнестрельное оружие.

Услышав об этом, Запорожец выразил «другу» опасение, что Николаев, чего доброго, действительно застрелит какого-то работника партконтроля, не имеющего, разумеется, личной охраны. Между тем НКВД намерено взять террориста с поличным, непосредственно перед тем, как он попытается совершить террористический акт. Это удастся сделать, не допуская кровопролития, только в том случае, если Николаев откажется от покушения на какую-то незначительную персону и попытается убить, ну, допустим, Кирова, что заведомо обречено на провал, так как того охраняют денно и нощно. Как только Николаев с револьвером в кармане проникнет в здание Смольного, его тут же схватят сотрудники НКВД, которые специально будут его поджидать. А от «друга» требуется теперь только одно: внушить Николаеву, что убийство какого-то незначительного чиновника из партконтроля не даст заметного политического эффекта. Зато выстрел, направленный в члена Политбюро, отзовется эхом по всей стране.

Леонид Николаев, как и следовало ожидать, ухватился за идею совершить террористический акт против Кирова. Теперь единственным препятствием к исполнению намеченного было отсутствие револьвера. Николаев рассчитывал украсть револьвер у кого-то из знакомых партийцев. Выяснилось, что в этом нет необходимости: «друг», последнее время так часто приходивший Николаеву на помощь, ссужавший его деньгами, выручил и тут. Ему удалось «добыть» револьвер... Все необходимые приготовления были позади. С помощью «друга» Николаев придумал предлог, чтобы получить пропуск в Смольный. Друзья отправились за город — проверить оружие в действии.

Наконец настал решающий день: Николаев, с портфелем в руках, явился в Смольный и получил пропуск в комендатуре НКВД, ведавшей охраной здания. У входа в главный коридор Смольного охранники заглянули в пропуск и разрешили Николаеву войти. Но не успел он сделать и двух шагов, как один из них вернул его и потребовал показать, что в портфеле. Там лежал револьвер и записная книжка. Николаева тут же задержали и препроводили в комендатуру. Уже за одно хранение огнестрельного оружия без специального на то разрешения полагалось три года тюрьмы. А если б еще работники смольнинской комендатуры заглянули в его записную книжку — сразу выяснилась бы истинная цель Николаева, приведшая его в Смольный...

Но прошел час или два — и все чудодейственно переменилось: злоумышленнику вернули револьвер и записную книжку и предложили покинуть здание Смольного.

Пораженный происшедшим, Николаев прибежал к своему «другу» и все ему рассказал. Тот не мог прийти в себя от изумления, видя перед собой Николаева после всего, что случилось, живым и невредимым.

Происшествие в Смольном было для Запорожца малоприятной неожиданностью. Выходит, он не сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить Николаеву свободный доступ к Кирову. А Москва уже рассчитывала, что именно в этот день получит информацию о результате покушения. Теперь всю ответственность за неудачу возложат, конечно, на Запорожца.

Когда ему сообщили о происшествии, он приказал коменданту Смольного освободить задержанного и вернуть ему портфель, револьвер и записную книжку. Еще оставалась надежда, что Николаева удастся направить в Смольный вторично, на этот раз избежав промаха. Все зависело от дальнейшего поведения Николаева.

А тот был крайне угнетен своей неудачей. В подавленном состоянии он выслушивал рассуждения «друга» о том, что надо бы сделать еще одну попытку... Однако это продолжалось недолго. Дней через десять Николаев уже сам стал поговаривать о повторении попытки покушения. К нему вернулось прежнее чувство уверенности. «Друг», следуя инструкциям Запорожца, советовал на этот раз проникнуть в Смольный в вечернее время.

Вечером 1 декабря 1934 года Николаев вторично появился в Смольном — с тем же самым портфелем, где вновь лежали записная книжка и револьвер. На этот раз Запорожец все предусмотрел. Получив пропуск, Николаев благополучно миновал охранников у входа и без помех вошел в коридор. Там никого не было, кроме человека средних лет, по фамилии Борисов, который числился личным помощником Кирова. В перечне работников Смольного он фигурировал как сотрудник специальной охраны НКВД, однако не имел ничего общего с охранной службой.

Борисов только что подготовил поднос с бутербродами и стаканами чая, чтобы нести его в зал заседаний, где как раз собралось бюро обкома. Заседание бюро шло под председательством Кирова, и Николаев терпеливо ждал. Войдя в зал, Борисов сказал Кирову, что его зовут к прямому кремлевскому телефону. Спустя минуту Киров поднялся со стула и вышел из зала заседаний, прикрыв за собой дверь.

В тот же момент грянул выстрел. Участники заседания бросились к двери, но открыть ее удалось не сразу: мешали ноги Кирова, распластанного на полу в луже крови. Киров был убит наповал. Тут же распростерлось тело другого человека, не известного членам бюро. Это был потерявший сознание Николаев. Рядом с ним валялись револьвер и портфель. Кроме убитого и убийцы, в коридоре не было ни души. Члены бюро были немало удивлены тем, что отсутствовал даже кировский охранник. Прошло немного времени, и в коридоре появились сотрудники НКВД, прибывшие арестовать Николаева.

Сталин и Ягода были извещены об убийстве Кирова немедленно.

Спустя некоторое время Ягода позвонил начальнику Ленинградского управления НКВД Медведю и сообщил ему, что выезжает в Ленинград, сопровождая Сталина.

Запорожец выполнил порученное ему задание. Но его роль на этом не кончилась. В Ленинградском управлении НКВД никто, кроме него, не имел понятия, что, по замыслу «хозяина», террористический акт против Кирова должен был в конечном счете привести к осуждению Зиновьева и Каменева. Запорожец знал, что Сталин, появившись здесь, наверняка захочет повидать Николаева, чтобы определить, годится ли тот для открытого судебного процесса. Необходимо было срочно получить от Николаева соответствующее «признание». В этом случае, как только Сталин прибудет, можно будет положить перед ним показания, в которых Николаев чистосердечно заявляет, что убил Кирова по прямому указанию Зиновьева и Каменева.

Запорожец мобилизовал всю свою энергию, чтобы вырвать у Николаева такое признание, пока Сталин находится еще в пути. Впрочем, он не предвидел особого сопротивления со стороны убийцы. По опыту работы в НКВД он знал, что даже ни в чем не повинный человек, ошеломленный арестом и деморализованный неуверенностью в судьбе близких,

остающихся на свободе, становится в руках следователей крайне податливым и склонен подписать все, в чем его обвиняют. Ну а Николаев только что совершил чудовищное преступление — убил члена Политбюро. Теперь он был близок к беспамятству. В своей тюремной камере, обращаясь к надзирателям, он кричал, что ничего не имеет лично против Кирова и совершил террористический акт в минуту отчаяния. От своего «друга» Запорожец узнал, что Николаев очень привязан к жене и детям. На случай, если он станет отказываться от нужных показаний, Запорожец собирался пригрозить ему, что его близкие тоже пострадают. Этого было достаточно, чтобы Николаев подписал любое признание.

Мешала, правда, небольшая неувязка. Месяца за два до покушения «друг» познакомил Николаева с Запорожцем, представив последнего так: «Мой приятель, тоже рабочий человек». Теперь, если Николаев опознает этого «приятеля рабочего» в заместителе начальника Ленинградского НКВД, ему станет ясно, что «друг» — энкаведистский провокатор. Он сможет сопоставить ряд фактов — звеньев одурманного заговора, выстраивающих цепь,— как бы это не завело слишком далеко! Здравый смысл должен был подсказать Запорожцу, что лучше передать Николаева кому-нибудь из коллег, который и выжмет из арестованного требуемое признание. Но Запорожец не был склонен уступать заслуженные им лавры кому бы то ни было. Он жаждал во что бы то ни стало сам добиться от Николаева показаний, направленных против Зиновьева и Каменева, и доложить о них Сталину. Приходилось игнорировать то неприятное обстоятельство, что они с Николаевым уже однажды встречались. Встреча была вроде случайной, и оставалось надеяться, что Николаев, подавленный дальнейшими событиями, просто не узнает Запорожца, тем более что тот будет в форме НКВД.

Рассчитывая на полную деморализацию Николаева, Запорожец решил действовать без промедления и распорядился доставить арестованного к нему.

Едва войдя в его кабинет, Николаев узнал в высоком энкаведистском начальстве своего случайного знакомого и понял, что стал жертвой политической провокации. Запорожец обманулся в своих расчетах. Перед ним предстал не жалкий неврастеник, согнувшийся под тяжестью страшного преступления и ареста, а упрямый и бесстрашный фанатик. Николаев прямо заявил Запорожцу, что, ничего не имея против Кирова лично, он все же доволен, что ему удался этот террористический акт, открывающий эру борьбы с привилегированной кастой партийных бюрократов.

Этот разговор закончился трагикомической сценой. Из кабинета Запорожца послышался крик, дверь кабинета рывком распахнулась, и Запорожец выскочил в приемную, преследуемый Николаевым с поднятым над головой стулом. Николаева тут же схватили и отправили обратно в тюрьму.

Спустя некоторое время надзиратели услышали странный звук, доносившийся из николаевской одиночки. Николаев вновь и вновь бросался на стену, ударяясь в нее головой. В его положении не было другой возможности поскорее покончить счеты с жизнью. Вероятно, он полагал, что заодно он избавляет и свою семью от перспективы следствия с применением пыток. Его пришлось связать и перевести в другую камеру, стены которой были обложены тюфяками. Отныне дежурство в камере нес особо доверенный сотрудник НКВД. На рассвете следующего дня Запорожец снова пытался завязать разговор с Николаевым, но из этого опять ничего не вышло: Николаев прямо-таки пылал к нему ненавистью — какие уж тут разговоры!

Появление Сталина в Ленинграде было большим событием. Ему был отведен в Смольном целый этаж и сверх того с десяток комнат выделен во внушительном здании НКВД. Эти помещения были полностью изолированы от всех остальных.

Сталин немедля принялся за дело. Первым, кого он вызвал к себе, был Филипп Медведь, начальник Ленинградского управления НКВД. Разумеется, этот вызов был чистой формальностью,— Сталин прекрасно знал, что тому ничего не известно об убийстве Кирова, кроме чисто внешних фактов. Медведь был быстро отпущен и сразу же последовал вызов Запорожца. Сталин говорил с ним с глазу на глаз больше часу, после чего распорядился доставить Николаева.

Его разговор с Николаевым происходил в присутствии Ягоды — народного комиссара внутренних дел, Миронова — начальника Экономического управления НКВД и оперативника, доставившего Николаева из камеры. Николаев, войдя в комнату, остановился у порога. Голова его была забинтована. Сталин сделал ему знак подойти ближе и, всматриваясь в него, задал вопрос, прозвучавший почти ласково:

— Зачем вы убили такого хорошего человека?

Если б не свидетельство Миронова, присутствовавшего при этой сцене, я никогда бы не поверил, что Сталин спросил именно так,— настолько это было непохоже на его обычную манеру разговора.

— Я стрелял не в него, я стрелял в партию! — упрямо отвечал Николаев. В его голосе не чувствовалось ни малейшего трепета перед Сталиным.

— А где вы взяли револьвер? — продолжал Сталин.

— Почему вы спрашиваете у меня? Спросите у Запорожца! — последовал дерзкий ответ.

Лицо Сталина позеленело от злобы. «Заберите его!» — буркнул он. Уже в дверях Николаев попытался задержаться, обернулся к Сталину и хотел что-то добавить, но его тут же вытолкнули за дверь.

Как только дверь закрылась, Сталин, покосившись на Миронова, бросил Ягоде: «Мудак!» Не заставляя себя специально просить, Миронов направился к выходу. Несколько минут спустя Ягода слегка приоткрыл дверь, чтобы вызвать Запорожца. Тот оставался наедине со Сталиным не более четверти часа. Выскочив из зловещей комнаты, он зашагал по коридору, даже не взглянув на Миронова, продолжавшего сидеть в приемной.

Дело Николаева окончилось полным провалом. «Друг», оказавшийся агентом Запорожца, подбивал его проникнуть в Смольный, тот же «друг» достал ему револьвер — и Николаева уже не оставляло подозрение, что НКВД сам подстрекал его убить Кирова.

Значит, нечего было и думать об открытом суде по «делу об убийстве Кирова». Если б даже и удалось заручиться обещанием Николаева давать показания против Зиновьева и Каменева, на это обещание нельзя было положиться. Кто мог дать гарантию, что то же чувство фанатичного протеста, которое толкнуло Николаева на террористический акт, не овладеет им снова? У него мог вырваться крик, что это не Зиновьев и Каменев, а сам НКВД подстрекал его к убийству. Сталин не мог пойти на столь явный риск. Ему оставалось поторопить НКВД с организацией закрытого процесса, где Николаев предстал бы перед тайным трибуналом.

В то же время следовало что-то объяснить народу относительно убийцы Кирова. Безусловно, Сталин не мог объявить, что молодой коммунист действовал в одиночку и по собственной инициативе, протестуя против засилья бюрократического режима, установленного партией. Выгоднее было представить его ставленником русских белогвардейцев. Так появился на свет миф о белоэмигрантах, которые якобы пробрались в СССР из Польши, Литвы и Финляндии для организации террористических актов.

Сталин, конечно, постарался замести следы топорной работы Запорожца. Прежде всего он распорядился ликвидировать «друга», не потрудившись даже допросить его. Затем были вызваны заместители Кирова, у которых следовало выведать, не слишком ли многое им известно об этом деле. Но они оказались людьми искушенными и сообразили, что высказывать свою осведомленность или проницательность в данном случае просто опасно. В их рассказах Сталина насторожила только одна деталь: услышав выстрел и выскочив из зала заседаний в коридор, они обнаружили, что постоянного кировского охранника поблизости почему-то нет, да и Борисов, только что вызвавший Кирова из зала, куда-то бесследно исчез. Они его никогда больше не встречали...

В общем-то в таинственном исчезновении Борисова не было ничего сверхъестественного. Он был арестован Запорожцем как знавший кое-что о роли НКВД в организации убийства. Не могу судить, что именно было известно Борисову, но сам этот факт неприятно поразил меня. Дело в том, что Борисов был известен своей абсолютной преданностью Кирову и, казалось бы, не должен был сознательно подыгрывать Запорожцу в ущерб своему «хозяину».

Сталин знал, что Борисов арестован и находится в Большом доме. Поговорив с заместителями Кирова, он прибыл в это здание и потребовал привести Борисова. Их разговор был очень кратким, и очень скоро Борисов по распоряжению Сталина был в полной тайне ликвидирован. Итак, Сталин сразу избавился от двух свидетелей.

Сталинский поезд увез тело Кирова в Москву. Гроб для прощания с убитым установили, как было принято, в Колонном зале Дома Союзов. Газеты сообщали, что Сталин, стоя в почетном карауле, испытал такой приступ горя и любви к погибшему другу и соратнику, что приблизился к гробу и поцеловал мертвого. Как бывший ученик духовной семинарии он в этот момент не мог не сознавать, что напрашивалась параллель между этим его поцелуем и поцелуем Иуды Искариота, запечатленным на лице Христа.

То обстоятельство, что Запорожец так неуклюже выполнил порученное ему тайное задание и что НКВД оставил следы своего участия в убийстве Кирова, заставило Сталина сначала отказаться от идеи обвинить в этом убийстве бывших вождей оппозиции. Но Сталин всегда отступал лишь на время. Поспешно расстреляв непосредственного убийцу и тайно уничтожив опасных свидетелей — посторонних, знавших или подозревавших о роли НКВД в этом преступлении,— Сталин вновь обрел спокойствие и принял решение вернуться к первоначальному замыслу. О том, что это произошло очень скоро, можно судить хотя бы по тому, что официальная пресса, вначале объявившая, что убийство Кирова — дело рук белогвардейских террористов, вдруг изменила тон. Еще бы — в связи с этим убийством Сталин прямо распорядился привлечь к ответственности Зиновьева, Каменева и других бывших лидеров оппозиции.

На закрытом судебном процессе, состоявшемся 15 января 1935 года, не удалось выдвинуть никаких доказательств соучастия Зиновьева и Каменева в этом преступлении. Тем не менее, под давлением членов военного трибунала и в результате неотступных домогательств Ягоды, на которого в свою очередь давил Сталин, Зиновьев и Каменев согласились признать, что они несут «политическую и моральную ответственность» за убийство, в то же время отрицая какую-либо причастность к нему. На этом шатком основании им вынесли обвинительный приговор и осудили обоих на пять лет лагерей.

Продолжение следует.

Фото из Музея истории Ленинграда.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

ДИАГНОЗ ИЛИ ПРИГОВОР?

Только что в Афинах закончилась VIII Генеральная ассамблея Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА). Некоторое время тому назад Всесоюзное общество психиатров обратилось к руководству ВПА с просьбой восстановить членство Советского Союза в этой организации. (Советская делегация, участвовавшая в работе VI конгресса в Гонолулу, вышла из ВПА в знак протеста в связи с «необоснованностью и тенденциозностью обвинений, направленных против советской психиатрии». Речь шла об обвинениях в злоупотреблении психиатрией в политических целях...) Сейчас на Афинском конгрессе ассамблея ВПА большинством голосов восстановила членство Всесоюзного общества психиатров в ВПА. Решено через год направить в СССР представительную комиссию для оценки реальных перемен в нашей психиатрии. Кроме того, в члены-корреспонденты ВПА сроком на 3 года была принята Независимая московская ассоциация психиатров — новая организация, возникшая в 1988 году. Советская делегация принимала участие в работе конгресса в качестве наблюдателей. На конгрессе с докладом выступал киевский психиатр Семен ГЛУЗМАН. С ним беседует наш корреспондент Елена ИЗЮМОВА.

Вероятно, немногие из наших читателей помнят имя этого человека. Хотя лет 15 тому назад оно довольно регулярно появлялось на страницах газет и журналов. В 1979 году в «Неделе» Лев Семенов писал о нем как о «прожженном уголовнике». В 1980 году в той же «Неделе» в обзоре читательской почты, составленном И. Гинзбургом, нашлось место и для оскорбительных эпитетов в адрес С. Глузмана. Были упоминания об «уголовнике Глузмане» в «Литературной газете» и в некоторых книгах, громивших диссидентов... Однако время все ставит на свои места, и недавно в «ЛГ» о С. Глузмане говорилось как о «талантливом киевском психиатре»...

В середине прошедшего лета многие крупные западные газеты опубликовали «Открытое письмо психиатрам мира», подписанное Семеном Глузманом, где он давал беспощадный анализ советской психиатрии, как «репрессивной». Он считал, что, пока во главе ее стоят те же люди, что и раньше, восстанавливать ее во Всемирной психиатрической ассоциации нельзя.

— Доктор Глузман, вы писали тогда об отечественной психиатрии в столь мрачных тонах... Справедливо ли это? Насколько я знаю, ВПА существует в основном для координации усилий психиатров разных стран и призвана служить прежде всего улучшению психиатрической помощи, обмену новейшими достижениями, разрешению многочисленных сложных теоретических и методологических проблем...

— Да, конечно, ВПА создана прежде всего для облегчения контактов практикующих врачей и ученых-медиков. Обмен опытом, а не парадное представительство — задача этой организации... Но каковы бы ни были цели ВПА, я считаю безнравственным то, что на руководящих постах в советской психиатрии продолжают оставаться те же самые люди, что и три, и пять, и пятнадцать лет назад. В том числе и те, которые составили в 1977 году Резолюцию правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров...

Выдержки из «Резолюции расширенного заседания правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров».

14 декабря 1977 г.

«Расширенное заседание правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, а также совещание главных психиатров союзных республик и ведущих организаторов психиатрической помощи обсудили отчет делегации Всесоюзного общества невропатологов и психиатров на VI Всемирном конгрессе психиатров в Гонолулу и одобрили позицию и деятельность советской делегации.

Было отмечено, что VI конгресс психиатров проходил в беспрецедентной для истории международных научных форумов обстановке антисоветской пропагандистской кампании.

Американская психиатрическая ассоциация, как непосредственный организатор конгресса, при поддержке некоторых лиц из руководства ВПА пошла на открытую политизацию конгресса, допустив распространение антисоветской литературы в помещениях конгресса, включение в научную программу провокационных, политически ориентированных докладов, организацию так называемой «открытой сессии» с целью обсуждения якобы имеющих место в ряде стран, и в том числе в СССР, «злоупотреблений психиатрией в политических целях», а также включение в программу Генеральной ассамблеи обсуждения резолюции Королевского колледжа психиатров Великобритании.., являющейся клеветой на советскую психиатрию.

...Необоснованность и тенденциозность обвинений, направленных против советской психиатрии, со всей очевидностью выявились в факте отсутствия у организаторов антисоветской кампании каких-либо профессиональных (медицинских) документов, их подтверждающих.

Антисоветская политическая кампания, проводимая руководством психиатрических ассоциаций, политическими кругами и прессой некоторых капиталистических стран, наносит значительный ущерб международному научному сотрудничеству.

Клеветническая антисоветская кампания, проводимая руководством психиатрических ассоциаций США, Англии, Австралии и Новой Зеландии, делает невозможным в настоящее время для советских ученых продолжение научных контактов и научного сотрудничества с ними до тех пор, пока они не откажутся от своих клеветнических измышлений и нападок и пока они не принесут извинения советским коллегам...»

— Эта резолюция была составлена 12 лет назад,— продолжает Глузман,— а нынче в официальном заявлении Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, приложенном к Резолюции ассамблеи ВПА, руководство советской психиатрии признает, что действительно политические условия создавали такую ситуацию, при которой психиатрию использовали в «не медицинских» целях. Кроме того, никто из наших соотечественников уже не требует извинений. Советские психиатры на конгрессе в Афинах признали неправильными обвинения, предъявлявшиеся ими в адрес ВПА после конгресса в Гонолулу.

— В 1987 году академик медицины Вартанян писал о том, что советские психиатры сталкиваются с отлично разработанной, глубоко эшелонированной политической кампанией против них. Что на эту кампанию кем-то тратятся миллионы долларов, издается колоссальное количество литературы. Академик Вартанян утверждал, что не было здоровых людей, признававшихся душевнобольными. А на конгресс в Гонолулу привозили «несчастных больных» — нищих, без копейки — специально, чтобы досадить советским психиатрам и развязать антисоветскую шумиху...

— Академик Вартанян прекрасно знает имена многих людей, привлекавшихся к судебной ответственности и признанных в Институте имени Сербского невменяемыми, которые после выдворения из СССР или эмиграции подверглись психиатрической экспертизе и были признаны здоровыми.

Академик Вартанян прекрасно знает, что основанием для принудительной госпитализации и тем более лечения является такое поведение больного, которое представляет физическую опасность для окружающих или для него самого. Несомненно, что Буковский, Плющ, Горбаневская, Жорес Медведев, Григоренко и некоторые другие представляли опасность, но лишь для Административной Системы... Хотя при этом в сугубо психиатрическом понимании социальной опасности они не представляли.

И если в 1977 году Вартанян в числе прочих своих коллег требовал от западных психиатров «отказаться от своих клеветнических измышлений» и «принести извинения советским коллегам», то теперь он уже был согласен с тем, что «настало время перейти от проблем надуманных к проблемам реальным». Более того, он уже «готов встречаться с нашими коллегами в любое время и в любом месте».

— Вы предъявляете советской психиатрии очень серьезные обвинения. Вы произносите в адрес ведущих отечественных психиатров чрезвычайно резкие слова. И вместе с тем вы почетный член двух крупнейших психиатрических национальных ассоциаций — английской и американской. Во Франции существует медицинский центр имени Семена Глузмана. Ваше Открытое письмо психиатрам мира было прочитано конгрессу США... А не является ли ваша популярность на Западе результатом вашей непримиримости, ваших нападок на советских коллег?

— Я думаю, что популярен на Западе прежде всего благодаря усилиям советской пропаганды. Если бы не она, я, наверное, остался бы обыкновенным врачом.

Я родился и вырос в Киеве, в семье врачей. В конце 60-х годов мне посчастливилось познакомиться с Виктором Платоновичем Некрасовым. От него я узнал историю злоключений генерал-майора Петра Григорьевича Григоренко...

Григоренко на протяжении многих лет занимался активной правозащитной деятельностью, особенно активно он добивался справедливой реабилитации крымскотатарского народа. Его дважды привлекали к суду, оба раза признавали душевнобольным и отправляли «на излечение» в специальные (тюремные) психиатрические больницы.

От многих своих знакомых я знал, что никакой явной психической патологии у Григоренко не было... Из самиздатовских источников, в том числе из публицистических статей самого Григоренко, в которых он описывал подробности своих контактов с психиатрами, мне стало ясно, что в данном случае происходит нечто особое: вряд ли здесь была врачебная ошибка...

Я попросил привезти мне из Москвы все циркулировавшие тогда в самизда-

те работы Григоренко, а также познакомить меня с близкими и друзьями генерала, тогда находившегося в черняховской спецпсихбольнице... К тому времени я уже окончил Киевский медицинский институт и работал психиатром в Житомире.

Мне были привезены все эти материалы, документы, в том числе один — самый главный! — все без исключения психиатрические материалы из уголовного дела генерала Григоренко... Я хочу сказать здесь о Софье Васильевне Калистратовой. Эти материалы были с абсолютным риском для свободы вынесены ею — защитником генерала Григоренко — с судебного процесса. Она их переписала тайком...

Софья Васильевна совершила по тем временам невозможное. Но еще более невероятным было то, что она решилась передать эти материалы мне, совершенно незнакомому ей человеку, в другой город. Одного этого было достаточно, чтобы получить лет семь лагеря...

Все свое свободное время в Житомире, а я там провел около года, я занимался обработкой и анализом имевшихся у меня материалов. Я сумел встретиться с детьми Петра Григорьевича, с людьми, его близко знавшими.

— То есть вы хотите сказать, что на основании текстов, написанных человеком, на основании свидетельств знающих его людей и других косвенных материалов вы попытались проверить поставленный врачами диагноз?

— Да, в психиатрии существует такое понятие, как заочное освидетельствование. Более того, в нашем законодательстве существует понятие заочной психиатрической экспертизы...

Поймите меня правильно: если психиатры расценивали в качестве симптома душевной болезни тот факт, что Григоренко объявил голодовку в знак протеста против нарушения конкретных человеческих прав, находясь под арестом,— голодовку, которая издревле была естественной, хотя и, может быть, крайней формой протеста, то в данном случае мне было понятно, что дело не в Григоренко, а в том, что сам акт судебной экспертизы был шит белыми нитками. И даже я, лишь начинающий психиатр, таких «белых ниток» в официальных медицинских заключениях нашел достаточно много.

В итоге я написал свое собственное «Заочное судебно-психиатрическое экспертное заключение о состоянии здоровья П. Г. Григоренко», которое в конце 1971 года Виктор Некрасов отвез в Москву Андрею Дмитриевичу Сахарову... Оно получило распространение в самиздате, было перепечатано на Западе, в том числе в специальных психиатрических изданиях.

— Вероятно, именно в связи с вашим «Экспертным заключением» в начале 70-х годов за рубежом появилось довольно много публикаций о злоупотреблении психиатрией. А в 1973 году ведущими психиатрами нашей страны был составлен «Ответ клеветникам», в котором, в частности, они писали, что в заявлениях отдельных психиатров распространяются злостные измышления о том, что якобы в Советском Союзе психически здоровых людей помещают в психиатрические больницы за их политическое инакомыслие и что это становится возможным путем признания таких лиц невменяемыми при судебно-психиатрической экспертизе. В письме утверждалось, что авторы подобных вымыслов, не видя и не зная больных, не имели никаких оснований обвинять советскую психиатрию. Письмо заканчивалось словами о том, что «пропагандистская клеветническая шумиха» против советской психиатрии «грубо противоречит благородным задачам этой науки и интересам здоровья людей».

— Да, я помню это письмо. Под ним подписались действительно ведущие советские психиатры: Снежневский, Георгий Морозов, Авруцкий, Александровский, Бабаян, Банщиков, Жариков, Лукачер, Наджаров, Ушаков и Серебрякова. Ради справедливости надо отметить, что Зоя Николаевна Серебрякова, тогда занимавшая пост главного психиатра Министерства здравоохранения СССР, на деле именно в те годы пыталась в рамках своей должности облегчить страдания узников спецпсихбольниц...

— Скажите, а кроме вас, кто-либо еще пытался как-то осветить случаи злоупотребления психиатрией в СССР?

— Да, еще до появления моей экспертизы некоторые правозащитники выступали в связи со злоупотреблениями: Сахаров, Буковский... Потом, в 1977 году появилась в нашей стране Рабочая группа по расследованию злоупотреблений психиатрией в политических целях. В том же году вышла сначала в самиздате, а потом и в «тамиздате» книга Александра Подрабинека «Карательная психиатрия», и поднялось довольно широкое общественное движение в защиту тех инакомыслящих, кто подвергался принудительному психиатрическому лечению. Собственно говоря, именно из-за принципиальной позиции, которую заняла международная общественность в этом вопросе на VI конгрессе в Гонолулу, советская делегация, понимая неизбежность исключения, успела «добровольно» выйти из ВПА.

— Вас арестовали в мае 1972 года и осудили по статье 62 УК УССР, что соответствовало статье 70 УК РСФСР, то есть за антисоветскую агитацию и пропаганду... Вам было тогда 25 лет. Что легло в основу вашего обвинительного заключения и приговора?

— Видите ли, к сожалению, я могу ответить на этот вопрос, опираясь лишь на собственную память, так как у меня нет текста приговора.

— Но ведь это, как я понимаю, противозаконно — не выдать на руки осужденному копию приговора?

— Это абсолютно противозаконно. В пересыльных тюрьмах я встречал и убийц, и насильников — и у них у всех были такие копии. Думаю, что дело здесь не в том, что меня осудили по политической статье. Я встретил в лагере человека, бывшего сотрудника КГБ, уличенного в сотрудничестве с ЦРУ,— так у него копия приговора была на руках.

Мне кажется, что приговор мои судьи не хотят мне отдать и по сей день потому, что достаточно было бы его опубликовать, чтобы отпали все вопросы о законности осуждения. Посудите сами: вот протокол обыска, который был произведен в моей квартире за два месяца до ареста, 15 марта 1972 года.

«Список изъятого

1. Пять кусков черно-белой пленки с отснятым на ней текстом (из них одна — позитивная), которые хранились в кухонном шкафу в числе других фотоматериалов. (Для справки — это фотокопии медицинских статей из научных журналов.)

2. Вырезка из газеты «Правда» от 18.05.70 со статьей «Лжереволюционеры без маски» с подчеркнутым одним абзацем.

3. Рукописный текст, содержащий материалы по роману В. Кочетова «Чего же ты хочешь?», на 12 листах.

4. Вырезка из «Литературной газеты» со статьей «В защиту романа века» по поводу романа Шевцова.

5. Папка зеленого цвета с надписью: «Кочетов. «Чего же ты хочешь?» (материал к диспуту)» — одна. (Для справки — в это время шла подготовка к диспуту о романе Кочетова в Винницком медицинском институте, где я начинал свое медицинское образование и куда меня пригласили мои бывшие соученики.)

6. Машинописный текст, озаглавленный рукописью: «Реферативный обзор по теме: «Нейрофизиология эмоций» — на 9 листах.

7. Вставка рукописная к машинному тексту той же темы на одном листе».

— И это — все?

— Мне было предъявлено обвинение в антисоветской агитации и пропаганде на основании показаний нескольких свидетелей, которые сообщили суду (кстати, суд был официально закрытым) о том, что я распространял «среди них» повесть Василия Гроссмана «Все течет», нобелевскую речь Альбера Камю, статью Генриха Бёлля о романе Солженицына «В круге первом», пародию на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», два выпуска «Хроники текущих событий». Мне также вменили в вину устное распространение клеветнических измышлений о несправедливости осуждения Даниэля и Синявского, Гинзбурга и Галанскова, о массовых незаконных репрессиях в годы культа личности...

Чуть было не забыл — еще в качестве антисоветской литературы, распространявшейся мною, были два или три рассказа Виктора Некрасова...

Все инкриминированные мне «клеветнические» тексты были либо изъяты у свидетелей, либо их позаимствовали из архивов КГБ...

— Значит, вы были осуждены не за экспертизу генерала Григоренко?

— Формально — нет. Но спустя два дня после суда судья Дышель в беседе с моими родителями сказал: «Неужели вы не понимаете? Семен осужден за экспертизу Григоренко. Это — главное». Кстати, то же самое говорили моим родителям и работники киевского УКГБ.

— А в деле было хотя бы упоминание об этой экспертизе?

— Упоминание, конечно, было. Но не было текста экспертизы. Я отказался назвать человека, у которого хранился мой архив (думаю, что соображения понятны), категорически отказался назвать источники информации... Хотя оперативные данные — мои телефонные разговоры, неофициальные сообщения осведомителей — все это было. Я и сам не скрывал, что такая экспертиза есть и она написана мной. Не было только вещественного доказательства.

Дальше были семь лет лагерей строгого режима и три года ссылки в Сибири...

«Прокуратура СССР
Прокуратура Украинской Советской Социалистической Республики
Киев
10.03.76

Гр. Глузману Ф. А.

Ваша жалоба, адресованная в ЦК КП Украины, поступила для разрешения в Прокуратуру УССР.

Произведенной проверкой установлено, что Глузман С. Ф. осужден в соответствии с законом.

Оснований для постановки вопроса о снижении ему меры наказания не имеется.

Первый заместитель прокурора Украинской ССР
Государственный советник юстиции 3-го класса

М. Т. Самаев».

«Учреждение ВС 389
14.03.79
пос. Половинка

Гр-ну Глузману Ф. А.

На Ваше письмо от 6.02.79 г., адресованное в ЦК КПСС и поступившее к нам из УИТУ УВД Пермского облисполкома, сообщаем, что Ваш сын Глузман С. Ф., отбывая срок наказания в местах лишения свободы, зарекомендовал себя как злостный нарушитель режима. На меры воспитательного характера не реагирует. За время нахождения в местах лишения свободы им допущено более тридцати нарушений режима содержания. С ним неоднократно проводились беседы воспитательного характера, применялись меры дисциплинарного воздействия, но должных выводов Глузман С. Ф. не делает.

За систематические нарушения режима содержания, отказы от общественно полезного труда Глузман С. Ф. 8.01.79 переведен в помещение камерного типа...

Зам. начальника учреждения
Н. В. Хорьков».

«Президентам национальных психиатрических организаций Великобритании, Швейцарии, Канады, США, Дании, Нидерландов, Франции, ФРГ, Австрии.

Семен Глузман, психиатр, третий год находится в заключении после отважного вызова той психиатрической школе, которая использует психиатрию в репрессивных целях...

С момента своего заключения Глузман принимает участие в борьбе политических заключенных за свои права, против своеволия и жестокости лагерной администрации и режима лагеря, все более ужесточающегося. В этом году, в частности, он принял участие в коллективной голодовке заключенных в пермской политической зоне № 35...

С первых недель его пребывания в лагере он стал постоянным объектом наказания, потому что как врач он помогал своим товарищам по заключению...

После участия в коллективной голодовке Глузман был вновь лишен права на свидание со своим серьезно больным отцом, который приехал за 2000 километров увидеться с сыном. Глузман опять посажен в ПКТ, в еще более строгий режим, где еду ему дают один раз в два дня по заниженным нормам.

Я обращаюсь к Вам за помощью, надеясь на ваше понимание и сочувствие и на вашу профессиональную солидарность. Глузман — ваш коллега, которым вы можете гордиться. Сегодня он нуждается в вашей поддержке. Пожалуйста, помогите ему.

Андрей Сахаров. 20 ноября 1974 г.».

Отрывки из письма родителям. Август 1974 года.

«Мои дорогие, 9 августа я узнал о том, что вы были здесь, и о ваших безуспешных попытках получить свидание со мной. Я узнал это из вашего письма, а до тех пор никто мне не сказал о вашем приезде. Они боялись говорить — боялись реакции моих товарищей.

Вы пишете, что я должен «переоценить некоторые ценности». Переоценить ценности — это значит отречься от себя, отречься от тех моральных принципов, которым я научился от вас... Следователь Чунихин старался убедить меня, что в годы культа личности не было значительных жертв, что «всего лишь» пять миллионов людей были в лагерях и большинство из них по обычным уголовным статьям и что на самом деле «не очень много погибло». Должен ли я продолжать? Ведь вы пережили 37-й!

Но даже если все закончится наихудшим образом — мне не угрожает забвение. Благодаря моим друзьям — известным и неизвестным, благодаря «Хронике текущих событий»... На моем суде одна юная свидетельница, совсем девочка, сказала: «Хроника текущих событий» служит тому, чтобы люди могли знать правду о закрытых судах, таких, как этот». Не будет ли моя «переоценка ценностей» предательством по отношению к этой девочке?

Будете ли вы по-прежнему требовать от меня «отречения»? Потому что, отрекшись, я действительно превращусь в уголовника — коллегу Эльзы Кох и Даниила Лунца...

Здесь, в лагере, я поистине живу духовной жизнью. Я счастлив, несмотря на все, что мне приходится переносить. Я говорю так, даже понимая, что объявленная нами голодовка имеет лишь один смысл — для меня и моих товарищей по счастью (это не описка: я действительно счастлив) — мы тем самым утверждаем свое человеческое достоинство, отстаиваем его вопреки всему, что нас окружает...

Что бы со мной ни случилось в будущем, я ни о чем не жалею и доволен своей судьбой. Я знаю, что вам трудно это понять. Ваше поколение травмировано 37-м годом и годами, шедшими за ним. Страх, страх, страх... Это невыносимо — бояться собственных желаний. Но я не виноват,

что у меня нет этого страха — может быть, потому его нет, что моя совесть чиста».

— Как сложилась ваша судьба после лагеря?

— Все эти годы я тщетно пытался вернуться в психиатрию... 4 января 1987 года Валентина Михайловна Заикина, тогда главный врач городского психоневрологического диспансера, сказала мне, что не может устроить меня на работу по специальности, так как должна сначала посоветоваться.

Через два часа разговор был коротким: «Сожалею. Не могу вас взять. И нигде в городе в психиатрию вас не возьмут».

— Однако, судя по появившимся в последнее время вашим публикациям, вы все же продолжаете заниматься вопросами психиатрии. Скажите, замечаете ли вы какие-либо реальные сдвиги в отечественной психиатрии?

— Было бы нечестным говорить о том, что ситуация в психиатрии не изменилась вообще. Что-то меняется. Но, к сожалению, эти изменения идут не снизу, не от самих психиатров, которые по-прежнему боятся сказать правду и о себе, и о ситуации в психиатрии,— и вообще не от психиатров, а сверху — от законодателей и юристов...

5 января 1988 года принято новое «Положение об условиях и порядке оказания психиатрической помощи». Это Положение введено Указом Президиума Верховного Совета, то есть это теперь — закон. Но, к сожалению, и новое Положение не дает гарантий против злоупотреблений, не устанавливает конкретных и эффективных путей защиты прав больного. То есть Положение можно назвать только декларативным — провозглашаются лишь правильные слова...

— Вы считаете, что и при действующем Положении об условиях и порядке оказания психиатрической помощи здорового человека можно признать душевнобольным и даже поместить его в психиатрическую лечебницу?

— К сожалению, это не только мое мнение. Во-первых, многие юристы, обсуждая упомянутое Положение, предупреждали о такой возможности, так сказать, в плане теоретическом.

Во-вторых, почитайте публикации в газетах, в журнале «Коммунист», и вы найдете там достаточно примеров...

В-третьих. Весной этого года в Советском Союзе находилась группа американских психиатров, которая обследовала конкретных людей, признанных в разное время советскими врачами душевнобольными. В советском комментарии к медицинскому разделу доклада американской делегации сказано: «Советские психиатры были согласны с тем, что ряд больных, не представляющих физической угрозы окружающим, неоправданно долго находились на принудительном лечении. И по окончании визита советская сторона предпринимает меры по пересмотру ранее вынесенных заключений о необходимости продолжения принудительного лечения». Эти слова были написаны летом этого года.

— Но какие же диагнозы ставили здоровым людям?

— Разные... Чаще всего — «сутяжно-паранойяльная психопатия» и «вялотекущая шизофрения».

Популярность диагноза «вялотекущая шизофрения» становится понятной, если учесть, что в описании этой болезни указывается, что у больного «на всем протяжении болезни могут сохраняться внешне правильное поведение и социальная адаптированность» (цитирую по руководству для врачей «Судебная психиатрия» 1988 года издания). То есть у больных вялотекущей шизофренией, оказывается, нет главных признаков шизофрении — нет бреда, нет галлюцинаций и нет конечного, характерного для шизофрении итога — «распада личности».

— Скажите, людей, помещенных на основании таких диагнозов в психиатрические лечебницы, врачи тоже лечили?

— Лечили. Правда, по-разному. Например, на вопрос родственников генерала Григоренко, зачем его держат в больнице, если никакого лечения он не получает, врач с улыбкой ответил: «Ему показана стенотерапия»...

Но, к сожалению, «стенотерапией» редко ограничивались... Вспомним о таком варварском, чудовищном методе воздействия, как применение сульфазина... И хотя ведущие психиатры Советского Союза всегда начисто отрицали факт использования каких-либо лекарств, вредно действующих на здоровье пациентов, все же в этом году в упомянутом уже советском комментарии к докладу американских психиатров ясно сказано: «В настоящее время Министерством здравоохранения разработаны указания о запрещении использования этих препаратов (имеются в виду сульфазин и атропиновые комы.— **С. Г.**) в психиатрии».

— А где можно ознакомиться с Докладом американских психиатров и комментарием к нему советских врачей и юристов?

— В нашей стране он не опубликован. Мне лично его прислали мои коллеги из Всемирной психиатрической ассоциации...

— Интересно, знают ли рядовые советские психиатры о том, что применение сульфазина и атропиновых ком уже запрещено?

— Комментарий составляли летом этого года... Времени прошло уже достаточно много, но я не располагаю данными о том, спущены ли по Министерству здравоохранения обещанные указания...

— Я хотела бы прояснить один очень важный вопрос. Многие ваши коллеги убеждены, что ничего, кроме вреда, любые публичные обсуждения Положения в отечественной психиатрии принести не могут. Аргументы их просты: критика, а тем более обвинения врачей в недобросовестности отталкивают больных от врача, делают работу психиатра, и так весьма непростую, просто-напросто опасной... Они считали, что такие публикации возрождают миф об «убийцах в белых халатах».

— Попытки замалчивать тяжелые проблемы психиатрии — это, по сути, попытки препятствовать ее перестройке. Конечно, от перестройки в психиатрии не должны пострадать больные...

А опасность работы психиатров — это проблема интернациональная...

В любом обществе — и там, где идет перестройка, и там, где в ней нет необходимости, при любой, даже самой высокой степени открытости и гласности — психиатр, выбирая свою профессию, осознает ее опасность. Во всех цивилизованных странах найдены разнообразные способы свести этот риск к минимуму... Может быть, вместо того чтобы обвинять прессу, «некомпетентных журналистов», играющих на «опасной теме», советским психиатрам следовало бы перенять положительный опыт своих зарубежных коллег и в этом вопросе? Поэтому я считаю, что тема защиты врача от больного гораздо менее актуальна, чем тема защиты больного от недобросовестного врача.

— Может быть, именно из-за этой вашей позиции вас и называют иногда «антипсихиатром»?

— Нет, я не антипсихиатр. Я воспитан в традиционной психиатрической школе, берущей свое начало от Корсакова, Ганнушкина и Сербского, кстати, скрывавшего в своей больнице разыскиваемого жандармами революционера... И если меня и можно назвать врагом психиатрии, то я являюсь непримиримым врагом такой психиатрии, которая в стенах института, носящего имя Сербского, по указке сверху объявляла безумными психически здоровых людей...

Мой учитель, славной памяти профессор И. А. Мизрухин постоянно говорил нам, студентам-кружковцам: «Психически больной человек лишен всего — семьи, друзей, перспектив. Он беззащитен. И психиатр в первую очередь должен быть другом своего больного. Его защитником. Иной защиты у больного не будет. Злым, нечестным людям не должно быть места в психиатрии».

Это было главным, основным из усвоенного мною в институте... Когда я взялся за историю генерала Григоренко, мною двигало лишь одно желание — установить правду, истину. Я, конечно же, не представлял себе всех последствий. Я не отдавал себе отчета в неотвратимости мести...

Но «прожив» вместе с Петром Григорьевичем все его мытарства, я многое понял. И главное — что любое отступление от правовых, этических и нравственных норм чревато катастрофой.

Социальный заказ, заказ Системы выполняли те, кто поставил свои подписи под актом судебной экспертизы, признававшим Петра Григорьевича Григоренко душевнобольным,— Андрей Владимирович Снежневский, Георгий Васильевич Морозов, Виктор Михайлович Морозов (сам бывший узник нацистского лагеря), Даниил Романович Лунц (о котором в 1977 году в некрологе было сказано — «прекрасный ученый, педагог, принципиальный коммунист»), Федор Федорович Детенгоф (который лишь на второй экспертизе под давлением начальства решился поставить свою подпись под заведомой ложью)... Выполнение социального заказа было обязательным: профессор Дмитрий Дмитриевич Федотов, отстаивавший правду и не согласившийся участвовать в преступлении, был лишен своего института и очень скоро после этого умер... Все-таки были, были психиатры, которые не хотели, не могли молчать...

— Сейчас, когда членство советского общества психиатров в ВПА восстановлено, не кажется ли вам, что вы остались в одиночестве?

— Понимаете, ведь я не брал и не беру на себя роль судьи. Решение о восстановлении принято большинством членов ВПА. Но мне кажется, что я выполнил свой долг — я сказал правду.

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ

Вопросы, поднятые в беседе с Семеном Глузманом, чрезвычайно остры и противоречивы. Поэтому мы обратились к ряду известных психиатров и попросили их высказать свое мнение по этой проблеме.

Первое слово — главному научному сотруднику Всесоюзного центра психического здоровья АМН СССР, доктору медицинских наук Анатолию Кузьмичу АНУФРИЕВУ.

— Психиатрия — это та область медицины, в которой, быть может, более чем в любой другой, компетенция, знания и опыт врача должны быть неотторжимы от его моральных установок: абсолютной нравственной чистоты, порядочности, бескорыстия, обостренного чувства ответственности за судьбу своего пациента... Милосердие, такт, сочувствие требуются от любого врача, но от врача-психиатра — в десятикратном размере.

Дикие, ничем, кроме корыстных, карьерных, идеологических, политических причин, не оправданные факты злоупотребления психиатрией — это, к сожалению, наше реальное прошлое... Здоровых людей признавали душевнобольными и помещали в спецпсихбольницы... Не очень здоровых людей подвергали принудительному лечению только на том основании, что они были неугодны власть имущим... Использовали варварские лекарственные средства, мучительные для пациентов.

Об этих реалиях нашего недавнего прошлого только в последние месяцы стали писать на страницах газет и журналов. Однако и до сих пор руководство отечественной психиатрией склонно замолчать, «объявить несуществовавшими» эти и им подобные факты.

Мне очень важно подчеркнуть, что лично я глубоко уважаю академика А. В. Снежневского. Это был психиатр «Божьей милостью», создатель клинической школы психиатрии. Его классификация шизофрений не противоречит принятой ВОЗ классификации. Он создал школу психиатров-клиницистов. С моей точки зрения, и я в этом убежден, ни покойный Андрей Владимирович Снежневский, ни ныне здравствующий Виктор Михайлович Морозов никогда не могли бы по указке самого высокого начальства признать кого-либо из здоровых людей душевнобольными.

Однако те душевнобольные, в том числе и шизофренией, с пограничным, то есть непсихотическим уровнем расстройств, которые признавались невменяемыми, неправомерно, с моей точки зрения, направлялись в спецпсихбольницы, да и в больницы общего типа. Они не нуждались вообще ни в каком стационарном лечении, да и в обычном диспансерном наблюдении также.

Факты признания здоровых людей больными могли быть лишь в исключительно редких случаях — в порядке раритета...

Я не могу согласиться с точкой зрения Семена Глузмана на многие обсуждаемые вопросы. Но в то же время я полностью разделяю его озабоченность и негодование по поводу применения сульфазина в качестве наказания, впрочем, как и любого другого лекарственного средства. Я разделяю с ним его справедливо отрицательную оценку спецпсихбольниц...

Думаю, что, обнажив преступления прошлого, ужаснувшись им, мы хоть в какой-то мере сможем уберечь себя от новых преступлений. Я хотел бы напомнить слова П. Чаадаева, тоже в свое время объявленного сумасшедшим: «Переоценка прошлого необходима не для одной совести. Переоценка истории есть единственная возможность пути...»

А вот что считают по этому поводу ленинградцы, ведущие сотрудники научно-исследовательского института психоневрологии имени В. М. Бехтерева. Народный депутат СССР, заместитель директора института, кандидат медицинских наук Юрий Васильевич ПОПОВ:

— Я думаю, что мой комментарий не понравится ни Глузману, ни Вартаняну.

Убежден, что подобная публикация, как и все в жизни и природе, имеет и свою оборотную сторону. На мой взгляд, одной из самых негативных является то, что она приведет к тому, что еще тысячи больных потеряют веру в психиатров, абсолютное большинство которых честно и бескорыстно выполняют свою нелегкую работу, и в конечном счете таким больным эта публикация принесет вред.

В то же время несомненно, что первейший долг врача — приносить пользу больным, способствовать их выздоровлению. Но бесспорно и то, что существующая организация помощи психически больным нуждается в совершен-

ствовании и реорганизации. Психически больные стали «изгоями» общества. И произошло это не только и не столько по вине психиатров, а в результате общего падения культуры и нравственности в нашей стране.

На мой взгляд, улучшение помощи психически больным может произойти в результате целого ряда преобразований: смены отдельных руководителей, которая, несомненно, должна произойти, и не только в психиатрии — это процесс естественный и необходимый; но самое главное — четкое осознание каждым психиатром тех проблем, которые стоят сейчас как перед советской психиатрией в целом, так и перед каждым врачом. Но не менее необходимо и изменение отношения общества и государства к психически больным людям. И пресса, если она будет объективной, может во многом способствовать в этом.

Мы не должны кого-то догонять, мы не должны создавать модели советской психиатрической помощи, которые будут приближаться к «лучшим мировым стандартам». Я убежден, что у нас есть силы и возможности сделать нашу психиатрию и наше психиатрическое законодательство лучше. И это не фраза. Это объективная возможность, которая должна быть нами в полной мере использована, и первостепенная задача, которая может быть выполнена в ближайшее время.

И тогда уже, даже если к руководству психиатрией сможет прийти «злой дядя», хотя это уже будет крайне затруднительно, все равно благодаря законам, заложенным в самой модели, общество и каждый человек будут застрахованы от злоупотреблений.

Ведущий научный сотрудник института психоневрологии доктор медицинских наук Юрий Львович НУЛЛЕР:

— Предлагаемый журналом материал, посвященный проблемам отечественной психиатрии, на мой взгляд, очень актуален.

Надо сказать, что в среде психиатров сейчас преобладает отрицательное отношение к выступлениям прессы, в которых затрагиваются проблемы психиатрии. Это отношение, к сожалению, часто весьма обоснованно. В ряде статей и телерепортажей журналисты уже представили несомненно больных людей как совершенно здоровых. Ничего, кроме вреда, такое некомпетентное вмешательство принести не может. Более того — такое вмешательство нанесло вред не только врачам, но и самим больным, о которых шла речь. Этих больных оторвали от лечения и выставили на публичное обозрение, то есть была нарушена элементарная этика... Не говоря уже о том, что тысячи других читателей и зрителей после знакомства с подобного рода «разоблачениями» могли потерять веру в медицину и во врачей-психиатров.

В этом смысле «огоньковская» публикация лишена отмеченных недостатков, она несет совершенно иную нагрузку: в ней нет огульного охаивания всех и вся без разбора. Семен Глузман предпринял мужественную попытку проанализировать истоки и следствие реальных неблаговидных фактов, имевших место в истории нашей психиатрии. И цель его обращения к читателям не только вскрыть эти факты, не только назвать конкретные имена, но самое главное — открыто сказать о «язвах» на теле нашей психиатрии, чтобы излечить их, чтобы вернуть людям уверенность в пользе настоящей, истинной психиатрии, возродить веру во врача-психиатра.

Несомненно, что авторы публикации ни в коем случае не преследуют цели, чтобы те резкие обвинения, которые звучат в адрес психиатрии как отрасли медицины, распространились и на всю массу практических врачей. Им и так чрезвычайно тяжело работать, учитывая и отсутствие средств, и отсутствие лекарственных препаратов, и недостатки системы образования и подготовки врачей-психиатров, и отсутствие правовой культуры... Но все это не вина, а беда наших врачей. Но даже при всех перечисленных трудностях они помогают — реально помогают! — сотням тысяч людей...

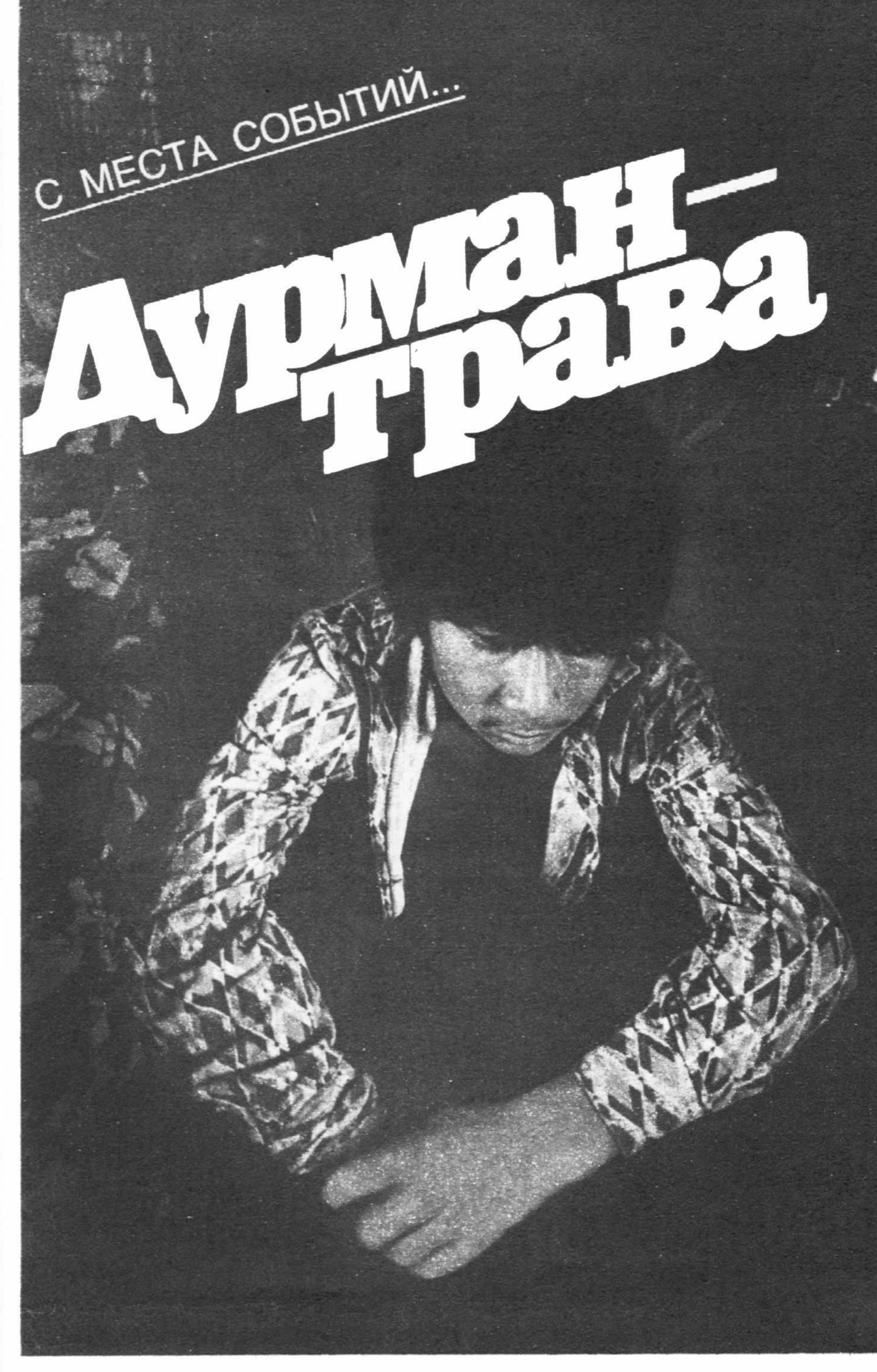
И все же нельзя закрывать глаза на те серьезные проблемы, которые существуют в психиатрии. О них и идет речь в беседе... Конечно, здоровых людей, которых помещали в психиатрические больницы, всегда было очень мало, буквально единицы, по сравнению с основной массой больных... Но весьма и весьма нередко в психиатрические клиники и спецпсихбольницы помещались люди с такими особенностями личности, которые прежде всего привлекали к себе внимание потому, что шли вразрез с безнравственностью, аморальностью, бездушностью, привитыми нашему обществу. И когда человек во имя совести выступает против «общепринятых норм», а вернее, догм, вина психиатров даже не в заведомо неправильной диагностике... Их вина (в том числе и тех крупных психиатров, что упомянуты С. Глузманом) в том, что насильственно госпитализировались и подвергались принудительному лечению люди, которые никогда бы не попали в поле зрения психиатров, если бы не политическая окраска их мыслей, их поведения. Если бы носители этих «личностных особенностей» жили бы в иных социальных условиях.

И здесь важно подчеркнуть, что подобные беззаконные акты имели место прежде всего потому, что в Советском Союзе практиковалась и практикуется расширенная диагностика психических заболеваний. Такая расширенная диагностика, вероятно, не является следствием злого умысла, она закономерный итог практического применения теоретических концепций академика А. В. Снежневского, научное наследие которого привело, по существу, нашу психиатрию в тупик.

Конечно, большинству больных необходимо лечение, в значительном числе случаев — лечение стационарное. Но эффект лечения в огромной степени зависит от независимости, компетенции и доброй воли врача. В связи с этим я хотел бы сказать, что, к огромному сожалению, среди тысяч психиатров, про которых можно сказать, что они «все видели, все понимали и боялись протестовать», было значительное число тех, кто ничего не видел, и не понимал, и еще много тех, кто не хотел ни видеть, ни понимать...

Документальные материалы, опубликованные журналом, очень выразительны. Острая критика в адрес руководителей нашей психиатрии, занимавших и занимающих свои высокие посты, оправдана. Они должны нести ответственность за все ошибки, за умолчание, за сокрытие правды... Но очень важно подчеркнуть, что нам не обойтись лишь заменой одних «начальников» другими. Важнее другое: необходимо создавать новую систему правовых, четких, недвусмысленных гарантий, защищающих права больных, права здоровых, настолько четких, чтобы их нельзя было бы переступить никогда и никому.

И последнее — необходимо изменить общий климат в психиатрии. Возродить традиции, свойственные отечественной психиатрической школе,— высокую нравственность, гуманизм, сострадание. И в этом смысле, как мне кажется, разговор, идущий на страницах «Огонька», является весомым вкладом в возрождение именно таких традиций.

Вертолет завис над одинокой кошарой, девятой или десятой по счету, затерявшейся в просторах Чуйской долины. Все предыдущие оказались пустыми. По весне чабаны угнали свои отары на далекие отгонные пастбища, но мы, понятное дело, искали здесь встречи не с ними. Мы искали «ботаников», как интеллигентно называют сами себя наркоманы — охотники за чуйской коноплей, а говоря проще — анашистов, плановых, гонцов. Куда же им, бедолагам, и деться в степи, открытой всем ветрам и жесточайшему солнцу? А тут и крыша над головой, и охапка прошлогодней соломы под бок найдется. Не отель «Хилтон», конечно, но все же неизмеримо лучше, чем хорониться в земляных норах, вырытых прямо в барханах (и такие норные плановые встречаются), и еще могильные — хранят заготовленную анашу в мазарах — казахских кладбищах, и еще дачные — эти промышляют зимой, скрываясь в пустующих садовых домиках). К тому же, будто специально, именно у кошар почему-то особенное буйство конопляных зарослей — планóв (с ударением на последнем слоге, отсюда и плановые) на жаргоне наркоманов.

Мы долго летали над степью какими-то причудливыми зигзагами, повинуясь указаниям сержанта Зияда Абдуллаева, непревзойденного знатока здешних мест. Его друг, следопыт такого же высочайшего класса, сержант Анвар Мусаев в это же время прочесывал планы на автомашине. У нас была связь по рации...

Вертолет завис над кошарой, и все мы напряженно вглядывались в нее и окружающий пейзаж, но ничего подозрительного не замечали. Снизились еще немного, и тогда сержант крикнул:

— В кошаре машина, садимся, командир!

Я выскочил из кабины последним и видел происходящее словно в замедленном кино, хотя все событие заняло считанные секунды. Впереди бежал сержант, а навстречу, прямо на него, набирая бешеную скорость, вылетал из открытого проема кошары синий «жигуленок». Мне хотелось крикнуть: «Берегись!», но, опережая мою мысль, Зияд прыгнул в сторону, одновременно выбросив руку с пистолетом. Выстрела я не слышал, видел только короткую вспышку. В следующий миг, обдав нас пылью, машина в каком-то метре пролетела мимо, и я близко увидел осатанелый взгляд водителя, его круглые от страха и ненависти глаза. «Не попал»,— подумал я о стрелявшем... «Жигуленок» уходил по степной дороге, не тормозя, презирая рытвины и кочки, не жалея амортизаторов. Наркоманы не знали, что этот участок долины надежно блокирован и у всех выездов на магистраль их ждут.

— Глянем, что у них там в кошаре осталось,— сказал Абдуллаев.— Далеко все равно не уйдут.

Как в воду глядел сержант.

Все пошли, а я почему-то оглянулся и увидел совсем непонятное. Из остановившейся метрах в четырехстах от нас машины выскочили две фигуры и, обогняя друг друга, побежали по степи.

— Куда? — закричал я, как будто они могли услышать сквозь рокот незаглушенного вертолета.

— А вот мы их сейчас спросим,— сказал сержант, поворачивая к вертолету. Тот взлетел в противоположную от машины сторону и, когда, сделав круг, приблизился к ней, беглецов мы

уже не увидели. Вокруг было пусто. Чуйская долина в этом месте представляла собой гряду невысоких холмов, разделенных не то оврагами, не то высохшими ручьями. Святые горы — называют это место наркоманы за обильные планы и особо зловредный сорт конопли-сарговки. Облетая здесь один холм, невозможно было увидеть, что творится за другим. Мы кружили и кружили поочередно над холмами вокруг брошенной машины, но долина была пуста. Невероятно. Куда они могли деться? Может быть, залегли в какой-либо промоине в ближайшем овражке? Проверим. Приземлились и разбежались в разные стороны. Никого нет. Я вернулся к вертолету. Все уже были в сборе. Оказалось, что наркоманы вернулись к машине и пытаются ее завести, что заметил вертолетчик. Снова туда. И снова прежняя загадка: никого ни в машине, ни рядом. «Чертовщина какая-то, шапки-невидимки у них, что ли?» — подумал я и повторил вслух. Абдуллаеву было не до фантазий. Он просто заглянул под машину и спросил:

— Вам не тесно там? Ну-ка вылезайте,— добавил, отступив на шаг и обнажив пистолет,— только без глупостей, руки за голову.

И явились на свет две помятые, небритые личности, без документов, с вымышленными скорее всего фамилиями, с зелено-черными ладонями (следами заготовки анаши и приготовления «ручника», то есть гашиша).

...Мы стоим с подполковником Безруковым по обе стороны простреленного «жигуленка», охраняем усаженных в него наркоманов. Вертолет улетел, чтобы доставить сюда, на место задержания, следователя и понятых. Понятых обязательно, так по закону положено. Сержант и подполковник самостоятельно составить протокол не имеют права, они считаются заинтересованной стороной...

«Странно,— думаю я,— значит, закон не доверяет милиции, которая стоит на страже... закона. Нонсенс. Значит, собираясь в ночную засаду, сотрудник милиции должен припрятать где-то поблизости парочку понятых? Видимо, другого способа в безлюдной степи нет?»

Вот мы стоим, вокруг глухая степь, все население которой составляем сейчас лишь мы четверо. И нет даже наручников (большой дефицит, оказывается), чтобы как-то нейтрализовать преступников.

Сдав наш «улов», продолжаем вертолетный рейд. Это и есть один из элементов борьбы с распространением наркомании. В Чуйском районе на официальном учете состоят 138 наркоманов. Но есть подтвержденный мировой практикой печальный опыт, из которого следует, что один наркоман вовлекает в свою орбиту еще десятерых. Цепная реакция. Так сколько же местных жителей употребляет анашу? Сколько среди них заготовителей зелья, сколько сбытчиков? Неизвестно, но председатель Чуйского райисполкома Анатолий Григорьевич Бедора с тревогой говорил:

— Мы сидим на пороховой бочке, идет неостановимая цепная реакция, и нужны какие-то кардинальные меры, иначе Чуйская долина превратится в Колумбию. Четыре года тому назад мы предлагали ввести в долине карантинную зону с жестким контролем. С нами тогда не согласились, а жаль...

Мне показалось, что в этом рассуждении много здравого смысла. Конечно, вертолетные рейды эффектны и эффективны. Только за два дня было задержано полтора десятка наркоманов (не считая гонцов-подростков, перехваченных на пути к планам), у которых изъяли почти двести килограммов марихуаны, по-местному — анаши. (Кстати, стакан этого зелья стоит на черном рынке, впрочем, другого просто не существует, самое малое 50 рублей, а в килограмме — 50 стаканов.) Повторюсь: результат впечатляет. Но дело в том, что Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств в республике своего вертолета не имеет, поэтому вынужден быть просителем то у Госавтоинспекции, то у военных. Я, например, ждал этого рейда несколько месяцев, а в итоге вертолет работал меньше недели, после чего хозяин затребовал его обратно. Разумеется, борьба с наркоманией на этом не заглохла. Продолжали действовать на дорогах постоянные милицейские посты, вели контроль и проверку подозрительных патрульных машины, устраивались скрытые засады в степи и вдоль железнодорожной линии, кинологи с собаками, натасканными на поиск наркотиков, проверяли грузы... И раскинутая сеть исправно приносила улов, который, как свидетельствует статистика, с годами все тяжелеет. Если два года тому назад в республике было изъято 2823 килограмма наркотиков, в прошлом — 4608 килограммов, то в этом году примерно на тридцать процентов больше прошлогоднего. Кроме того, в ходе весенней операции уничтожено более 15 тысяч квадратных ме-

скивать, да и не все обнаруживают способности в этом непростом деле. Постоянных постов на дорогах всего два, на большее сил не хватает. Рации маломощные, приборов ночного видения нет, транспортом не обеспечены. Правда, машины должны нам выделять поочередно хозяйства района, но у них самих нехватка. У райотдела же на все про все две старые машины — «УАЗ» и «Жигули» с двигателем от первой модели. Вот и попробуй с такой техникой погоняться за наркоманами, оснащенными быстроходными «Явами» и автомобилями новейших марок...

...Вспоминаю эти дни и ночи Чуйской долины, и опять охватывают меня противоречивые чувства. Я видел борьбу с наркоманией, основанную почти на голом энтузиазме, и это не внушает мне оптимизма. При малочисленности и технической нищете борцов со злом достигнутые ими результаты можно считать блестящими. Черный рынок на эти успехи милиции отреагировал своеобразно — немедленным повышением цен на наркотики. К чему это приведет? К обогащению тайных воротил подпольного бизнеса. Остановит ли это гонцов за анашой? Думаю, что не остановит, а возможно, и ожесточит. Не дают мне покоя слова подполковника Горелкина о том, что львиная доля наркотических средств минует все заслоны. Не дают покоя потому, что наркотики калечат молодых. Среди задержанных я не видел ни одного старше 30 лет, зато 16—18—20-летних — сплошь и рядом. Сеть раскинута, но слишком много в ней дыр, иные из которых видны всем, а залатать почему-то никто не

тров посевов мака — тоже рекорд. Тут арифметика такая: с каждого квадратного метра посевов получают три стакана коконара (сухой маковой соломки), а стакан стоит минимум сто рублей, то есть цена квадратного метра — три сотни... Статистика навела меня на сложные размышления, даже противоречивые: то ли наркоманов становится с каждым годом все больше, то ли наша милиция борется с пороком все лучше.

— Где истина? — спросил я начальника отдела МВД Казахской ССР по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств Виктора Федоровича Горелкина, подполковника милиции.

— Может быть, она посередине? — ответил вопросом на вопрос Горелкин.— Ведь в точности нам неизвестно, сколько у нас больных наркоманией. Бесспорно лишь то, что с каждым годом мы их задерживаем все больше. В этом смысле наша служба действительно работает лучше, эффективнее.

— Можно ли сказать, что Чуйская долина сегодня надежно закрыта?

— Нет, нельзя, к сожалению. Думаю, честно говоря, что из всего незаконного оборота наркотиков мы задерживаем где-то десять — двенадцать процентов. Причин много, главные из них — наша малочисленность и скверная техническая, материальная оснащенность.

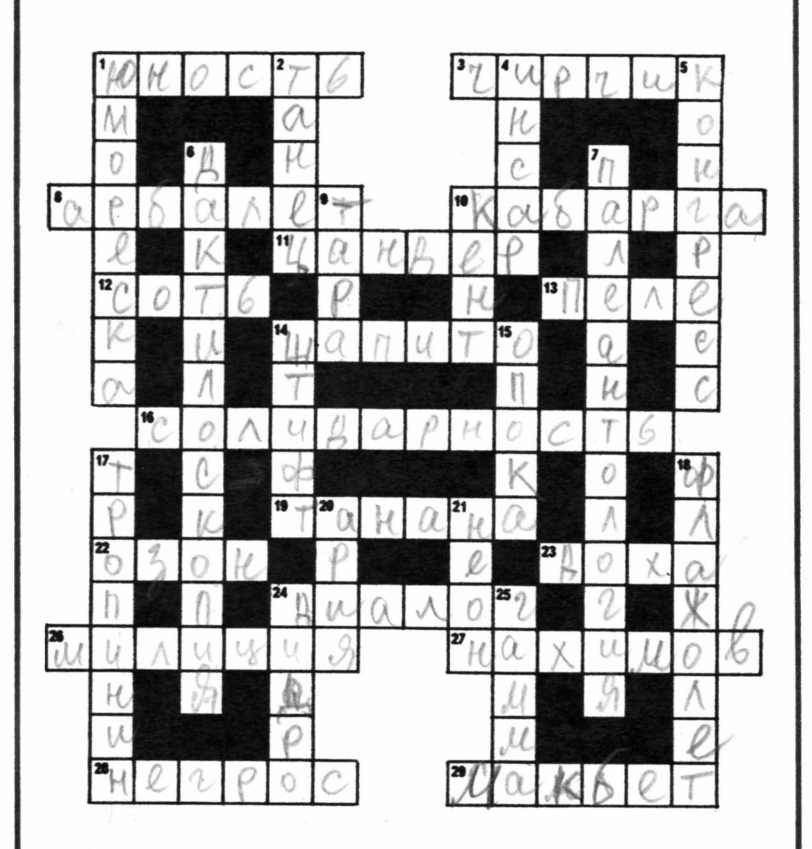
— Да, людей маловато,— добавил Ермек Талгарбаев, начальник Чуйского РОВД, майор милиции.— Правда, летом нас усиливают командированными сотрудниками со всех концов страны, кинологами, курсантами Высшей школы милиции. Присылают их на месяц, но пока они в курс дела войдут, освоятся, уже уезжать пора. И надо новых натаможет. Обнаружилось, например, что местные наркоманы преспокойно переправляют анашу и даже гашиш обычной почтой (не авиа), обыкновенными посылками, поскольку почтовые правила разрешают их не досматривать (авиапосылки в целях безопасности воздушного транспорта предъявляются отправителем в открытом виде, а эти — нет). Может быть, нужно изменить почтовые правила в таких особых районах, как Чуйская долина? Ведь в посылках уходит яд, смерть замедленного действия. Знает ли об этом министр связи, в компетенции которого внести изменения в правила? Мне сказали, что его поставили в известность...

Впрочем, есть и хорошие новости. Госагропром Казахской ССР выделил на борьбу с наркоманией в республике 1,2 миллиона рублей с последующим финансированием этой программы ежегодно по 850 тысяч. На эти средства уже комплектуется отряд (часть его будет направлена в Чуйский район), будет закуплена техника, арендованы вертолеты, создан питомник собак со своим штатом кинологов. Конечно, это не миллиарды (опять трудно удержаться от сравнения), которые правительство США выделяет на борьбу со своей наркомафией и наркоманией, но, слава богу, мы здорово отстали по масштабам этой беды, что, откровенно говоря, радует. Я думаю, что дело чести наших правоохранительных органов сохранить такое отставание и в дальнейшем. Мы не против.

Юрий ЛУШИН

Фото автора

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Молодость. 3. Приток Сырдарьи. 8. Средневековое метательное оружие. 10. Парнокопытное животное, обитающее в тайге. 11. Советский ученый и изобретатель, один из пионеров ракетной техники. 12. Роман Л. М. Леонова. 13. Бразильский футболист, неоднократный чемпион мира. 14. Передвижной цирк. 16. Единство мыслей, интересов. 19. Река на Аляске. 22. Газ, разновидность кислорода. 23. Меховая шуба. 24. Разговор между двумя или несколькими лицами. 26. Государственный орган, охраняющий общественный порядок. 27. Русский флотоводец, адмирал, участник героической Севастопольской обороны XIX века. 28. Остров в Филиппинском архипелаге. 29. Трагедия Шекспира.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Миниатюра в прозе или стихах шутливого характера. 2. Вид искусства. 4. Город в Мордовии. 5. Международный съезд, совещание. 6. Раздел криминалистики. 7. Наука о вымерших растениях и животных. 9. Емкость для хранения, упаковки. 10. Американский художник, писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 14. Стержень для неподвижного соединения деталей. 15. Рама для формовочной смеси в литейном производстве. 17. Русский живописец, автор портрета А. С. Пушкина. 18. Разновидность флейты. 20. Вокальное произведение для одного голоса. 21. Химический элемент, инертный газ. 24. Французский философ-материалист, писатель XVIII века. 25. Звукоряд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Светлов. 5. Кошевой. 9. Успех. 10. Труба. 11. Шилка. 12. Разговорник. 14. Варвара. 16. Транзит. 18. Климов. 20. Кедров. 21. «Циклон». 22. Беседа. 26. Планшет. 28. Концерт. 29. Ратификация. 32. Оскол. 33. Табло. 34. Игало. 35. Клинтух. 36. Амосова.

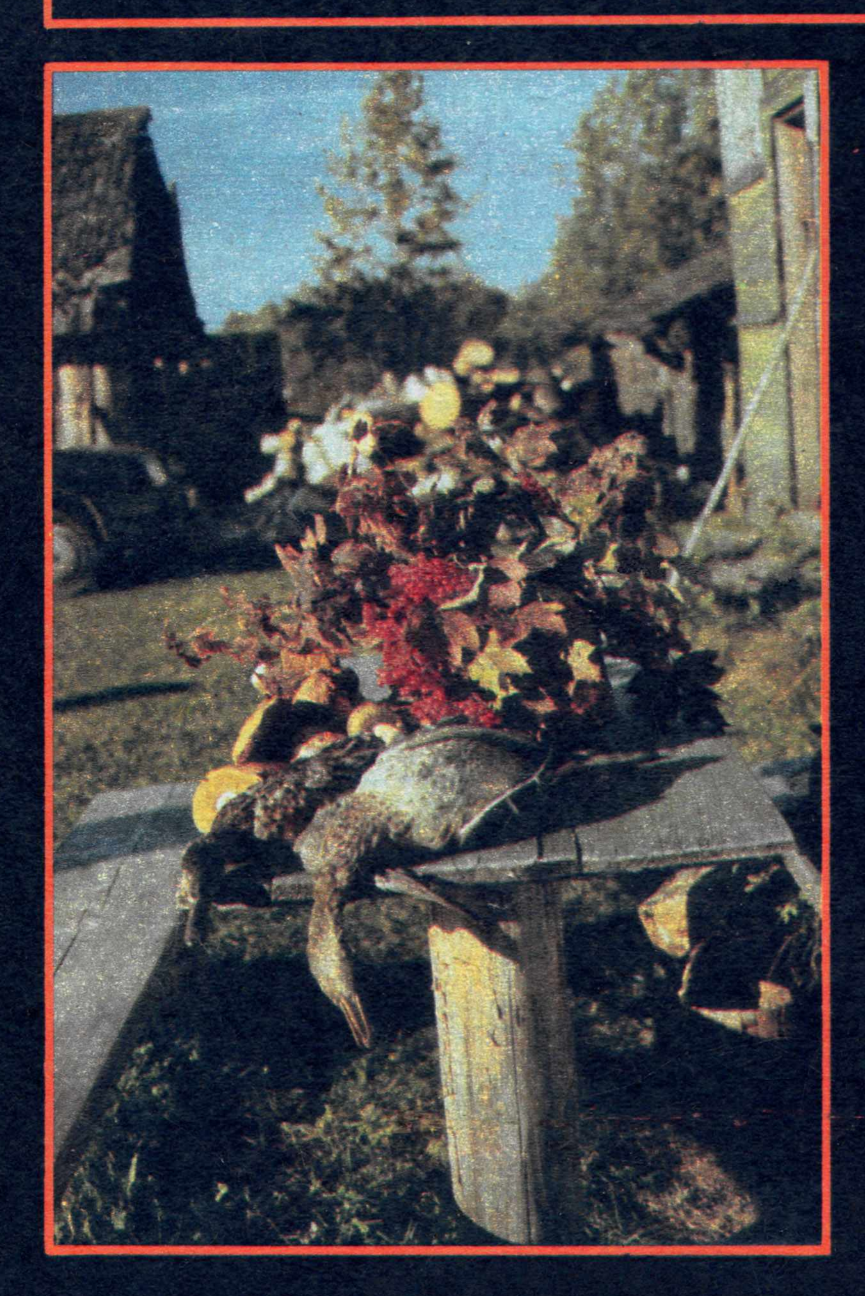
ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Высоцкая. 3. Лахта. 4. Вытегра. 5. Квадрат. 6. Шашки. 7. Открытие. 8. Букварь. 12. Революционер. 13. Консолидация. 15. Рамбулье. 17. Радомско. 19. Воин. 20. Клуб. 23. Хлебосол. 24. Маримба. 25. Трефолев. 27. Триптих. 28. Красота. 30. Атлет. 31. Илико.

Земля у нас одна

Фото
Валентина МАТВЕЕВА

Фотоконкурс

40 коп.
Индекс 70663